

Июнь
2014

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

*Проблемы внешней политики, дипломатии,
национальной безопасности*

Россия и Европейский союз - 20 лет спустя

Владимир Чижов

Постоянный представитель России при Евросоюзе

Россия и содействие международному развитию

Константин Косачев

Руководитель Россотрудничества

Россия и Европейский союз нацелены на диалог

Павел Завальный

Президент Российского газового общества

Ирландия: старая нация и молодая страна

Оун О'Лири

Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Ирландии в России

Крах «украинского проекта»

Сречко Джукич

Сербский публицист и дипломат

Москва. Издается с марта 1922 г.

Содержание № 6

ДИПЛОМАТИЯ

В.Чижов. Россия и Европейский союз - 20 лет спустя . . . 2

Двадцать лет назад, 24 июня 1994 года, на греческом острове Керкира, именуемом также Корфу, было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве Россия - ЕС. Эта прорывная договоренность заложила стабильный договорно-правовой фундамент для всестороннего развития диалога Россия - ЕС в самых различных сферах.

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС).

К.Косачев. Россия и содействие международному развитию¹²

Содействие международному развитию, официальная помощь развитию, помощь развивающимся странам - почти однокоренные понятия, каждое из которых уже узнаваемо в России, активно обсуждаются в экспертном сообществе, но не всегда понятны гражданам нашей страны.

Ключевые слова: Глобальное партнерство за эффективное сотрудничество в области развития, Россотрудничество, страны-доноры, СМР.

В.Богомазов. Папа Франциск: первый год в Ватикане . . . 21

Беседа понтифика с нынешним главой правительства Украины А.Яценюком в конце апреля 2014 года продолжалась, по данным западной прессы, 18 минут, и главное в ней свелось к обмену подарками со смысловой нагрузкой - Яценюк презентовал фото Майдана, а Папа вручил посетителю авторучку «для подписания мирных соглашений».

Ключевые слова: Папа Римский Франциск, римская курия, вера, справедливость, духовно-нравственные ценности, новый подход, достижения, Ватикан.

МОСКОВСКИЙ ДИПКОРПУС

ОунО’Лири. Ирландия: старая нация и молодая страна . . . 34

Наша внешняя политика продиктована позицией открытой, экспортно-ориентированной демократической страны. Членство и активное участие в таких организациях, как ООН, Европейский союз, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и Совет Европы, дает возможность отстаивать наши интересы на мировой арене, со всей ответственностью относясь к обязательствам по поддержанию международного мира и не компрометируя военный нейтралитет нашей страны.

Ключевые слова: Ирландия, Англо-ирландский договор 1921 года, инновационные исследования, ОБСЕ, ООН.

А.Оганесян. Из дневника Главного редактора 41

Последние месяцы насыщены быстро меняющимися политическими событиями. Записи в дневнике - своего рода объективные свидетельства происходящего сегодня на наших глазах.

Ключевые слова: Запад и Восток, Украина, «Московия», консерватизм и консерваторы.

УКРАИНСКИЙ ВЕКТОР

А.Орлов. Кризис на Украине: стратегическая ошибка

Запада или закономерность? 48

Если кто-то продолжает сегодня сомневаться в том, что «киевский Майдан» долго и тщательно готовился Западом, то остается предположить, что этот кто-то - человек крайне наивный, нежелающий снять розовые очки, чтобы увидеть окружающий его мир таким, какой он есть на самом деле.

Ключевые слова: кризис на Украине, Запад, Майдан, Евросоюз.

Доктор Сречко Джукич. Крах «украинского проекта» . . . 57

Что же на самом деле произошло на Украине зимой и весной этого года? Новый политический кризис в стране спровоцирован известной украинской политикой

шантажа, которая характеризует все ее режимы - от приобретения «независимости» до сегодняшнего дня, - и «прорусские», и прозападные. Как говорится в русской поговорке: «И нашим и вашим».

Ключевые слова: украинская драма, Юго-Восточная Украина, Майдан, Запад и США.

ТЕНДЕНЦИИ

П.Завальный. Россия и Европейский союз нацелены на диалог и стратегическую кооперацию 64

Европа в условиях нынешнего кризиса еще раз рассмотрела вопросы обеспечения собственной экономики энергией и поняла, что без России не обойдется. При любых сценариях Европе нужен российский газ. Мы поставляем 30% импортируемого Европой газа. Сейчас в Европе добыча составляет около 260 млрд. кубометров при потребности более 500 миллиардов, то есть Европа сама обеспечивает добычу газа только наполовину.

Ключевые слова: конференция «Энергетический диалог Россия - ЕС: газовый аспект», российский газ, европейский рынок газа, поставки газа на Украину.

А.Варфоломеев. О политико-правовых технологиях противодействия международной террористической деятельности 72

Несмотря на серьезные усилия, прилагаемые всем мировым сообществом, проблематика новых вызовов продолжает определять повестку дня современной международной безопасности, а ключевая из негосударственных угроз - международная террористическая деятельность - остается предметом главной озабоченности всех ведущих государств и международных организаций.

Ключевые слова: терроризм, международное право, международное сотрудничество, квалификация.

В.Занина. Из Кремля Босфор не виден 82

«Судоходство в Босфоре будет прекращено» - с таким заявлением выступил премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган перед многотысячной турецкой аудиторией, предложив в качестве альтернативы действующего пролива Босфор новый «грандиозный проект» - пролив Босфор-2.

Ключевые слова: Черноморские проливы, Босфор, Дарданеллы, проект Р.Т.Эрдогана «Канал Стамбул», новый пролив Босфор-2, Конвенция Монтрё, Военно-морской флот России, Военно-морской флот США, НАТО, Черное море.

МИР ВОКРУГ НАС

Э.Соловьев. Суверенитет в рамках полицентричного

миропорядка: возвращение к истокам 96

На протяжении последних 30 лет на наших глазах произошла глубокая трансформация системы международных отношений. «Классическая биполярность» стала фактом прошлого. Все мы являемся свидетелями парадоксальных эффектов глобализации и трансформации мировой политики.

Ключевые слова: геополитика, мировая политика, миропорядок, суверенитет, безопасность, международные нормы, однополярность, полицентричный мир, «ответственность по защите».

Е.Виноградова. Роль стратегической коммуникации

в международных отношениях 111

Развитие информационных технологий меняет принципы и методы управления, обучения, оно же легло в основу революции в области международных отношений и в военном деле. В этой связи одной из важнейших задач, стоящих перед современными государствами и их военными ведомствами, является использование информации для управления любыми конфликтами, так как информация способна влиять на восприятие людей.

Ключевые слова: стратегическая коммуникация (СК), международные отношения, технологии СК, электронные каналы коммуникации, социальные сети.

В.Анисимова. Французский миграционный опыт

и российская реальность 130

В большинстве европейских стран идея синтезировать многообразие культур уступила место стремлению к «жесткой интеграции» мигрантов в европейское общество на условиях компромисса: с соблюдением их гражданских прав в том объеме, в котором они не вступают в противоречие с национальными интересами и культурными традициями европейских государств. Эти тенденции хорошо видны на примере Франции.

Ключевые слова: миграционный опыт Франции, иммиграция.

С.Шарко. Геостратегические интересы Южной Кореи
и будущее Корейского полуострова 141

Правительство Южной Кореи во главе с новым Президентом Пак Кын Хе критически переосмысливает практику обеспечения жизненно важных интересов своего государства в геополитическом и геоэкономическом пространстве Корейского полуострова. Сегодня, когда речь идет о формировании новой системы глобального управления, повышается ответственность Республики Корея, как и других государств, за происходящие события в Восточно-Азиатском регионе и мире в целом.

Ключевые слова: Южная Корея, Северная Корея, мировая политика, геостратегические интересы.

КНИГИ И ОБЗОРЫ

Е.Пядышева. «Другая Русь» на страницах
«Исторического вестника» 152

Ключевые слова: «Исторический вестник», презентация специального номера «Литва, Русь и Польша XIII-XVI вв.», Великое княжество Литовское.

Д.Климов. Казаки: страницы истории 160

Ключевые слова: Чехия и Словакия, А.В.Суворов, сражение под Кульмом, Русская акция помощи, Мюнхенский сговор, Общеказачий союз Словакии.

И.Ковалев. Современная Великобритания: модернизация
страны традиций 170

Ключевые слова: современная Великобритания, монография «Дилеммы Британии: поиск путей развития», модернизация Соединенного Королевства.

В.Журавлев. В «объективе» - Демократическая
Республика Конго 176

Ключевые слова: Демократическая Республика Конго, МООНСДРК, вооруженные конфликты в Африке.

IN MEMORIAM

Б.Пядышев. Памяти друга - Виктора Суходрева . . . 182

В СОВЕТЕ МОЛОДЫХ ДИПЛОМАТОВ

И.Кравченко, К.Колпаков. О Первом форуме молодых дипломатов стран СНГ, Абхазии и Южной Осетии . . . 186

Ключевые слова: Первый форум молодых дипломатов стран СНГ, Абхазии и Южной Осетии, постсоветское пространство, концепция «сетевой дипломатии».

Международная

ЖИЗНЬ

Дипломатия

Владимир Чижов:

«Позиция Евросоюза в украинском кризисе, скажем прямо, оказалась далека от духа партнерства и сотрудничества, задуманного авторами Соглашения 1994 года. В преамбуле СПС зафиксирована приверженность сторон «поощрению процесса регионального сотрудничества... между странами бывшего СССР в целях содействия процветанию и стабильности региона». Более того, в подписанной в 2005 году «Дорожной карте» по общему пространству внешней безопасности Россия и ЕС признали важную роль процессов регионального сотрудничества и интеграции, в которых они участвуют, в укреплении безопасности и стабильности».

Константин Косачев:

«Назрело понимание того, что оказываемая нашей страной другим странам весомая помощь, которая составляет существенный процент национального ВВП, должна адекватно восприниматься гражданами этих стран. В том числе в ситуациях, когда их ставят перед геополитическим выбором, когда в этих странах начинают появляться другие мировые или региональные игроки, представляющие даже символические суммы своей помощи как чуть ли не судьбоносные и экзистенциальные для одариваемых стран. В то же время люди, по сути, не замечают российских миллиардов, воспринимают их как данность, как естественное явление, которое, дескать, никуда и никогда не денется».

Валентин Богомазов:

«Едва начав свою деятельность, Папа Франциск приобрел невероятную популярность. Число подписчиков Папы в «Twitter» превысило 12 млн. человек, большинство из которых читают его записи на испанском языке - 4,897 миллиона, а 4,7 млн. подписчиков пользуются английской версией. В Италии имя Франческо стало самым распространенным среди новорожденных мальчиков. В Риме зафиксирован значительный прирост туристического потока при одновременном увеличении посещаемости базилик и храмов города. Как первое, так и второе объясняют одним и тем же - «эффектом Папы Франциска».

Владимир ЧИЖОВ

Постоянный представитель России при ЕС
pressrussiaeu@coditel.net

Россия и Европейский союз - 20 лет спустя

Двадцать лет назад, 24 июня 1994 года, на греческом острове Керкира, именуемом также Корфу, было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) Россия - ЕС. Оно вступило в силу тремя годами позже, 1 декабря 1997 года, и действует поныне. Без преувеличения можно сказать, что на рубеже столетий эта прорывная договоренность заложила стабильный договорно-правовой фундамент для всестороннего развития диалога Россия - ЕС в самых различных сферах. Соглашением были созданы предпосылки для построения тесных экономических отношений, включая перспективу формирования зоны свободной торговли, учреждена разветвленная архитектура сотрудничества, а также заданы рамки политического диалога Россия - ЕС.

За истекшие два десятилетия Россия и ЕС провели 32 саммита, пять встреч в формате Правительство России - Еврокомиссия. Было налажено взаимодействие на министерском уровне - первоначально в виде Совета сотрудничества, позднее, по взаимной договоренности, - в более гибком формате Постоянного совета партнерства.

СПС способствовало созданию одного из основных инструментов экономического сотрудничества Россия - ЕС - 13 ныне действующих отраслевых диалогов (помимо диалогов по «горизонтальным» вопросам, затрагивающим проблемы инвестиций, госзакупок и защиты прав интеллектуальной собственности). По двум направлениям, а именно по развитию предпринимательства и делового климата и по интегрированной морской политике, ведется работа на предмет институционализации диалогов. Несколько особняком стоит научно-техническое сотрудничество Россия - ЕС - по структуре оно схоже с диалоговым форматом, но выстраивается на базе отдельного межправительственного Соглашения о НТС от 2000 года, недавно, кстати, продленного на очередной пятилетний срок. Активно, хотя и вне формальных рамок диалога, развивается сотрудничество в области ветеринарии и фитосанитарии.

Мне довелось быть не только свидетелем, но и непосредственным участником усилий по реализации положений СПС, заключенных в его развитие отраслевых соглашений, а также утвержденных на Московском саммите в 2005 году «дорожных карт» о создании общих пространств Россия - ЕС.

Как представляется, за прошедшие два десятилетия сделано немало. Сегодня Европейский союз является крупнейшим торговым партнером России. В 2013 году доля ЕС составила 49,4% от общего объема российской внешней торговли. В свою очередь, для ЕС Россия - третий по величине торговый партнер, на которого в 2013 году пришлось 9,5% внешней торговли ЕС. В 2013 году товарооборот между Россией и Евросоюзом достиг рекордного уровня в 326,3 млрд. евро - иными словами, примерно миллиарда евро в сутки. За 20 лет, прошедших с подписания СПС, товарооборот увеличился более чем в десять раз. Нельзя переоценить роль России как ведущего поставщика энергоресурсов в страны ЕС. Россия на треть удовлетворяет потребность ЕС в нефти и природном газе, почти на четверть - в угле и нефтепродуктах. Другого партнера, способного обеспечить гарантированное снабжение энергоресурсами в необходимых объемах, Евросоюз в обозримом будущем не найдет.

Постоянно расширяются деловые, туристические, культурные и научно-академические связи. В 2013 году границы стран шенгенского пространства пересекли 6,9 млн. граждан России. Важным вкладом в развитие человеческих контактов стало вступление в

силу в 2012 году соглашения между Россией и Польшей о местном приграничном передвижении.

Параллельно развивается сотрудничество Россия - ЕС по борьбе с транснациональными вызовами и угрозами. Моряки ВМФ России и ВМС стран - членов ЕС, участвующие в операции «Атланта», вместе несут дежурство в пиратопасной акватории Аденского залива. Стороны продолжают работу над поиском переговорных решений иранской ядерной проблемы, ближневосточного и приднестровского урегулирования, других региональных кризисов и конфликтов. Авиагруппы МЧС России в координации с профильными структурами ЕС борются с наводнениями и пожарами в европейских странах.

Свидетельств того, что мы неразрывно связаны друг с другом, не перечислить. Европейский континент немыслим без России, равно как и Россия своими корнями уходит в европейскую цивилизацию. И хотя вот уже веками идут споры о принадлежности России к Европе, об альтернативных путях развития нашей страны, нет сомнений в том, что народы европейского континента неразрывно сплетены миллионами «невидимых нитей» греко-римской и христианской культуры, многовековой истории и общего ценностного наследия. Более того, в качестве важнейших глобальных игроков Россия и ЕС призваны вносить вклад в поддержание международной и региональной безопасности, проецировать мир, процветание и стабильность в прилегающие к нашим границам ареалы.

Вот почему разразившийся кризис на Украине становится сегодня не только проверкой на прочность сложившейся за два десятилетия многоуровневой системы взаимодействия Россия - ЕС, но и «моментом истины» для всего евроатлантического пространства.

Позиция Евросоюза в украинском кризисе, скажем прямо, оказалась далека от духа партнерства и сотрудничества, задуманного авторами Соглашения 1994 года. В преамбуле СПС зафиксирована приверженность сторон «поощрению процесса регионального сотрудничества... между странами бывшего СССР в целях содействия процветанию и стабильности региона». Более того, в подписанной в 2005 году «Дорожной карте» по общему пространству внешней безопасности Россия и ЕС признали важную роль процессов регионального сотрудничества и интеграции, в которых они участвуют, в укреплении безопасности и стабильности. В том же документе они обязались «вносить эффективный вклад в формиро-

вание Большой Европы без разделительных линий» и в этих целях «активно продвигать... взаимовыгодные процессы регионального сотрудничества и интеграции».

Тем не менее данные обязательства не помешали руководству ЕС накануне Вильнюсского саммита «Восточного партнерства» (ВП) в ноябре 2013 года поставить Украину перед искусственным геополитическим выбором между Россией и ЕС. В этих целях была развернута широкомасштабная кампания пропаганды, экономического давления, а подчас и откровенного вмешательства во внутренние дела страны. Когда же в Киеве приняли решение всего-навсего поворемнить с подписанием Соглашения об ассоциации с ЕС, Евросоюз фактически встал на сторону украинской «уличной» оппозиции и тем самым во многом предрешил февральский вооруженный захват власти в стране силами, опирающимися в значительной мере на радикалов. Бросается в глаза лицемерие наших западных партнеров с их снисходительным, сквозь пальцы, отношением к вопиющим нарушениям прав человека и принципов демократии киевскими властями, к экстремистам и откровенным неонацистам в их рядах, аплодировавшим массовой бойне в Одессе. Как здесь не вспомнить о пресловутых двойных стандартах и известном иезуитском догмате «цель оправдывает средства»?

На фоне украинских событий становится ясно, что отношения Россия - ЕС действительно нуждаются в критическом переосмыслении. Признаем очевидное: сбой дала концепция «стратегического партнерства», задумывавшаяся с целью облечь плотную ткань нашего взаимодействия в долгосрочные рамки равноправного и взаимовыгодного сближения. Как выяснилось на оселке украинских событий, наши есовские партнеры с самого начала вкладывали в эту концепцию ошибочное понимание. Полагали, будто Россия - якобы в силу отсутствия иных цивилизационных альтернатив - рано или поздно встроится в фарватер есовской политики и, следовательно, ее интересами, в том числе на постсоветском пространстве, можно пренебречь. За глаза к нам относились как к нерадивому «абитуриенту», которого необходимо не мытьем, так катаньем подтягивать к есовским нормам, стандартам и ценностям. Расставим все точки над «i» - подобная шаблонная модель в отношениях с Россией не будет работать ни сегодня, ни завтра, ни через десятки лет.

Зададимся вопросом: так ли уж неожиданным стал кризис в наших отношениях с Евросоюзом?

По большому счету - нет. Тревожный дрейф в подходах ЕС к России начался задолго до украинского кризиса. Приведу лишь несколько примеров. Когда в 2009 году стараниями двух энтузиастов - министров иностранных дел Польши и Швеции - Р.Сикорского и К.Бильдта - на свет появилась концепция «Восточное партнерство», нам сразу же стало ясно, что к развитию партнерского сотрудничества с Россией этот есовский проект никакого отношения не имеет, а имеет иных адресатов. Тем не менее, обозначив, что Россия не считает себя объектом данной инициативы, мы искренне выразили нашим стратегическим партнерам готовность рассмотреть конкретные проекты в рамках ВП, которые могли бы оказаться интересными и для России. И что же? За все прошедшие годы ни единого такого проекта предложено не было, что не могло не подтвердить наши худшие опасения относительно истинной направленности этого проекта.

Нелишне также вспомнить, что в том же, 2009 году был утвержден «Третий энергопакет», преподнесенный Евросоюзом как очередной шаг на пути совершенствования антимонопольного регулирования в энергетической сфере. Как выяснилось, ретроактивные положения «Третьего энергопакета» прямо противоречат статье 34 СПС о неухудшении сторонами условий учреждений и деятельности компаний друг друга, а также ряду двусторонних соглашений России со странами ЕС. Наряду с инициированным затем Еврокомиссией антимонопольным расследованием в отношении работы ОАО «Газпром», шаги ЕС в энергетической сфере не могли не вести к накоплению проблем для российских инвесторов в Европе. И это при том, что Россия, даже в условиях пертурбаций вокруг Украины - и в 2006-м, и в 2009-м, и в нынешнем году, - своими действиями ни разу не давала повода упрекнуть себя в недобросовестном отношении к выполнению контрактных обязательств по снабжению есовских потребителей.

Об одномерном восприятии Евросоюзом стратегического партнерства Россия - ЕС свидетельствует также откровенное заматывание нашими партнерами вопроса реализации разработанного в 2010 году (кстати, с подачи канцлера Германии А.Меркель) Мезебергского меморандума о формировании Комитета Россия - ЕС по вопросам внешней политики и безопасности (КВВПБ). Будь этот механизм принятия совместных внешнеполитических решений своевременно внедрен в архитектуру двустороннего взаимодействия,

возможно, удалось бы избежать наиболее болезненных последствий украинского кризиса. Аукнулась неготовность наших есовских партнеров выстраивать политическую надстройку стратегического партнерства под стать динамично развивающемуся торгово-экономическому взаимодействию Россия - ЕС.

Вызывает вопросы поспешность Евросоюза в том, чтобы постараться отдать урегулирование внутривнутриполитического кризиса на Украине на откуп заокеанским союзникам. Не секрет, что интересы и мотивы последних далеко не равнозначны есовским. Расчет Вашингтона в украинском вопросе ясен - раскрутив санкционный маховик, втянуть ЕС в экономически проигрышную кампанию по «изоляции» России, посеять нестабильность в ареале нашего «общего соседства», а заодно придать «свежее дыхание» не знающему чем себя занять после афганской эпопеи Североатлантическому альянсу. Однако мотивы некоторых стран ЕС, готовых пожертвовать забрезжившим восстановлением экономики региона ради выполнения «союзнического долга», вызывают только недоумение. Разве для того мы кропотливо наращивали ткань нашего торгово-инвестиционного взаимодействия, рассматривая его в том числе как политическую «страховочную сетку», чтобы в самый ответственный момент принести в жертву текущей политической конъюнктуре? Анализируя наглядно проявившуюся в ходе нынешних событий внешнеполитическую несамостоятельность есовского Брюсселя, увы, напрашивается вопрос относительно принципиальной способности ЕС стать для России или кого-либо другого в многополярном мире ценным стратегическим партнером.

С другой стороны, говоря о нынешнем «катарсисе» в диалоге Россия - ЕС, отметим и его благотворное влияние: наверное, он позволяет нам переосмыслить роль тех элементов, которые есовцы не хотели или не могли внедрить в механику наших отношений. Симптоматично, что при принятии Евросоветом известных «санкционных» решений именно они в числе первых пошли «под нож».

Речь идет прежде всего о давно назревшем упразднении визовых требований при поездках граждан России и ЕС. Слова о том, что сохранение виз между Россией и ЕС является анахронизмом, слышатся уже не один десяток лет, в том числе из уст руководства Евросоюза. Еще в 2003 году тогдашний председатель Комиссии ЕС Р.Проди высказал мнение о том, что «отмена виз для граждан России может стать реальностью в течение пяти лет». В том же году

лидеры России и ЕС на саммите в юбилейном Санкт-Петербурге обозначили цель отмены виз в качестве долгосрочной перспективы отношений между нашими сторонами.

Россия уже давно готова к введению безвизового режима с Евро-союзом. Для нас очевидно, что любые аргументы в пользу затягивания процесса отмены виз лишены логики, поскольку речь идет не об отмене контроля на границах, а лишь об упразднении морально и финансово обременительных визовых барьеров на пути развития человеческих обменов, экономических связей, для строительства по-настоящему единой Европы. Однако процесс застопорился, причем отнюдь не в связи с кризисом на Украине, к которому формально была «привязана» заморозка визового диалога, а гораздо раньше.

В подтверждение приведу пример работы над поправками к Соглашению об упрощении выдачи виз 2006 года, уже давно практически согласованными. Обновленный документ предусматривает существенное расширение категорий лиц, имеющих право на упрощенный порядок получения виз, в том числе многократных, в число которых включены представители гражданского общества, журналисты, ученые, спортсмены, близкие родственники законно проживающих в наших странах граждан России и ЕС. Однако для принятия решения о подписании модернизированного соглашения в Совете ЕС требуется, замечу, даже не консенсус, а квалифицированное большинство голосов. А вот его не удастся набрать уже в течение почти двух лет, и именно этим фактом пользуются некоторые наши партнеры, чтобы обставлять визовые упрощения все новыми «гарантийными» оговорками, пытаться решать вопросы из других сфер отношений Россия - ЕС, играть собственными политическими амбициями. Нас даже пытаются обвинять в том, что столь необходимые людям визовые упрощения якобы стали заложниками интересов неких «привилегированных чиновников». Но на самом деле проблема в том, что не все страны ЕС еще научились доверять своим партнерам, проявлять конструктивный подход в поиске взаимоприемлемых развязок.

Схожая ситуация наблюдается на замороженных ныне односторонним решением ЕС переговорах о заключении Нового базового соглашения Россия - ЕС (НБС). Отмечая 20-летие СПС, мы открыто признаем, что многие его положения устарели и уже не отражают уровня и глубины развития торгово-экономических и политических связей. Ведь за эти 20 лет изменились и Россия, и Евросоюз.

Достаточно упомянуть вступление России в ВТО и становление институтов евразийской интеграции, а также вступивший в силу в 2009 году Лиссабонский договор о реформе ЕС. Именно поэтому лидеры двух сторон пришли к совместному решению о разработке нового юридически обязывающего соглашения.

Не секрет, что у этих переговоров с самого начала была непростая судьба. Россия, со своей стороны, всемерно их продвигала, рассматривая НБС как рамочный, стратегический документ, который определил бы вектор развития нашего взаимодействия, цели на перспективу и способы их достижения.

А что же наши партнеры? Сначала полтора года не могли договориться между собой, согласовывая переговорный мандат, затем дважды подвешивали диалог по НБС - то из-за кризиса на Южном Кавказе в 2008 году, то ввиду нерешенности вопроса присоединения России к ВТО. Наконец, когда наша страна после 17-летнего марафона, пойдя на серьезные компромиссы, все же вступила в ряды ВТО, в ЕС попытались воспользоваться переговорами по НБС, с тем чтобы добиться от нас дополнительных уступок в торгово-экономической сфере - тех, которые они не смогли выторговать на треке ВТО. В этой связи опять-таки впору задаться вопросом, что для наших партнеров первично - разработка прочной нормативно-правовой базы на годы и, возможно, десятилетия вперед или получение краткосрочных экономических дивидендов?

Показательным стало также настороженное отношение ЕС к продвижению интеграционных процессов на пространстве СНГ, включая подписание Россией, Белоруссией и Казахстаном Договора о Евразийском экономическом союзе. Кому-то в ЕС, понятное дело, может не нравиться восстановление социально-экономических, инфраструктурных и транспортных связей, сложившихся в тот период, когда наши страны были частью единого государства. Однако это объективные реалии, и с ними надо считаться - точно так же, как Россия считается с внутренней трансформацией ЕС по итогам нескольких раундов расширения и лиссабонской реформы. В конце концов при формировании структур евразийской интеграции мы отталкиваемся от жизни, во многом воспроизводя интеграционный опыт самого Евросоюза и учитывая как позитивные, так и негативные его уроки.

В этой связи нельзя не привести достаточно символический пример. В свое время СССР был настолько непримирим в политике

непризнания ЕЭС и, следовательно, глубоких интеграционных процессов на территории Западной Европы, что сотрудникам советских дипмиссий было запрещено даже входить в здание Комиссии ЕС. А проблемы, которые неизбежно возникали в отношениях, приходилось решать в буквальном смысле слова на улице за чашкой кофе. Сейчас об этом смешно вспоминать, но это не анекдот. Помнить об этом было бы бесполезно, поскольку возникает вопрос, не повторяют ли нынешние руководители ЕС ту же ошибку, упорно отказываясь от полновесных контактов с Таможенным союзом России, Белоруссии и Казахстана и Евразийской экономической комиссией. Убеждены, что логика международных отношений, да и просто здравый смысл рано или поздно все расставят по своим местам и перспектива соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и ЕС станет реальностью.

Как показал украинский кризис, налицо существенный диссонанс между декларативными целями отношений Россия - ЕС, зафиксированными в СПС и других совместных документах, и реальным восприятием России нашими европейскими партнерами. В условиях глобализации, открытости границ и информационной революции они подчас демонстрируют едва ли не большее непонимание мотивов действий России, чем во времена межблоковой конфронтации по линии Запад - Восток. Судя по нашим наблюдениям, многие искренне полагают, будто добровольный выбор крымчан в пользу воссоединения с Россией является «аннексией», а линия Москвы в украинских делах свидетельствует о возрождении неких «имперских амбиций», нацеленных на воссоздание Советского Союза. Досадно, что эти и другие мистификации охотно тиражируют околосовские СМИ, ныне сорвавшиеся в истеричную антироссийскую кампанию. Подобные надуманные, карикатурные представления друг о друге пусть и упрощают чью-то «картину мира», но не приближают нас к построению единой Европы, основанной на фундаменте взаимного доверия.

Время покажет, смогут ли Россия и ЕС наконец преодолеть примитивную модель отношений «поставщик - потребитель» и перейти на новый, более высокий уровень взаимодействия. Многое будет зависеть от взаимной способности отрешиться от устаревших стереотипов и обоюдной готовности к поиску взаимоприемлемых параметров сотрудничества, в том числе в регионе «общего соседства» на

основе принципов, зафиксированных в СПС и «Дорожной карте» по общему пространству внешней безопасности.

Повторюсь, что, по моему глубокому убеждению, партнерству России и ЕС в долгосрочной перспективе нет альтернативы. Те, кто сегодня пытается столкнуть нас лбами, неплохо понимают перспективность сопряжения энергетических, торгово-инвестиционных, технологических и интеллектуальных потенциалов двух крупнейших игроков на европейском пространстве. Осознают, чем для их глобальных планов чревато формирование по-настоящему автономного континентального «ядра» от Лиссабона до Владивостока, играющего, помимо прочего, роль связующего звена между центрами экономической и политической мощи в Европе и Азии.

Здесь уместно вспомнить слова В.В.Путина, сказанные на Санкт-Петербургском международном экономическом форуме в мае этого года. Подтвердив, что Европа - наш традиционный, важнейший торговый, экономический партнер и что мы искренне хотим, чтобы так было и впредь, российский президент призвал ЕС, европейские страны «последовательно двигаться в сторону заключения Нового базового соглашения о партнерстве и сотрудничестве России и ЕС».

Рассчитываем, что в Евросоюзе все же возобладают трезвомыслящие силы, осознающие меру своей ответственности за поддержание и укрепление с трудом завоеванного нашими предками мира на континенте. Разумеется, для этого придется покончить с привычным разделением стран на «учителей» и «учеников», отказаться от ущербной санкционной логики и навеянными холодной войной приемами «игры с нулевой суммой». В основу нашего взаимодействия должны быть положены принципы равноправия, неделимости безопасности и соблюдения баланса интересов. Следует руководствоваться в отношении друг друга вполне применимой к международным отношениям клятвой Гиппократа - «не навреди». Если в Евросоюзе проявят готовность работать на такой основе, то в ретроспективе 20-летний юбилей Соглашения о партнерстве и сотрудничестве может оказаться точкой отсчета для претворения в жизнь многовековой мечты о единстве Европы.

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС).

Константин КОСАЧЕВ

Руководитель Россотрудничества
rossotr@rs.gov.ru

Россия и содействие международному развитию

Содействие международному развитию, официальная помощь развитию, помощь развивающимся странам - почти однокоренные понятия, каждое из которых уже узнаваемо в России, активно обсуждаются в экспертном сообществе, но не всегда понятны гражданам нашей страны. Именно поэтому считаю важным поддерживать широкую общественную дискуссию о том, как эти процессы в принципе происходят в современном мире и что в них может найти для себя Россия как мировая держава с глобальными интересами и собственной повесткой дня для международных отношений.

Начну издалека. Два месяца назад, 15-16 апреля этого года, в Мексике состоялось первое заседание на высоком уровне Глобального партнерства за эффективное сотрудничество в области развития. Как известно, в 2000 году в Нью-Йорке Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию тысячелетия ООН, в которой наряду с другими семью Целями развития тысячелетия (ЦРТ) была сформулирована восьмая - Формирование глобального партнерства в целях развития¹.

Глобальное партнерство за эффективное сотрудничество в области развития было создано в 2012 году после четвертого Форума высокого уровня по повышению эффективности внешней помощи, состоявшегося в Пусане (Республика Корея) в 2011 году. Оно было задумано в качестве специальной платформы для политического диалога, подотчетности и обмена опытом по вопросам эффективного сотрудничества в целях развития. Предполагается, что Глобальное партнерство, которое привлекало бы представителей деловых кругов и гражданского общества, а также правительства, являющиеся поставщиками и получателями помощи, как и различные многосторонние учреждения, будут проводить встречи на уровне министров примерно каждые 18 месяцев. Управление осуществляется Руководящим комитетом в составе 15 членов, сопредседателями являются Мексика, Нидерланды и Нигерия, а секретариатскую поддержку оказывают Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН).

В соответствии с принципами, согласованными в Пусане, в ходе обсуждений в Руководящем комитете сформирована концепция, в рамках которой Глобальное партнерство за эффективное сотрудничество в области развития будет содействовать более продуктивному, более инклюзивному и ориентированному на перспективу международному сотрудничеству в поддержку усилий по ликвидации глобальной нищеты, достижению всех ЦРТ и помощи в осуществлении повестки дня в области развития на период после 2015 года. С этой целью был определен ограниченный набор существенных приоритетов, в число которых входят изучение взаимосвязи между сотрудничеством в целях развития и мобилизацией внутренних ресурсов, например путем повышения налогов и ограничения незаконных потоков, привлечение частного сектора с учетом его роли и вклада в развитие, транспарентное сотрудничество, благоприятствующее инклюзивному развитию, и выявление подходов к передаче опыта как одному из видов сотрудничества в целях развития.

Именно желание найти наиболее эффективные механизмы оказания содействия международному развитию собрало в Мексике весьма представительную аудиторию. На встрече присутствовало около 1500 делегатов, представлявших более 130 стран, а также различные международные организации. В ее работе приняла участие российская межведомственная делегация во главе с заместителем

министра иностранных дел Российской Федерации С.А.Рябковым. Мексиканский этап стал важным и для Россотрудничества: впервые с момента утверждения Указа Президента РФ от 8 мая 2013 года №476, наделяющего Агентство дополнительными полномочиями в сфере содействия международному развитию (СМР) на двусторонней основе, оно было официально представлено в этом качестве на международной арене. Это знаковое мероприятие можно было бы считать «одним из» в череде крупных международных событий, которые ежедневно проходят в мире, если бы не одно «но». Встреча в Мехико, по сути, ознаменовала собой смену парадигмы в области мирового СМР. Если раньше главным критерием считалась эффективность помощи, то теперь - как это было записано в итоговом коммюнике мероприятия - во главу угла должно ставиться эффективное сотрудничество во имя развития.

Перенос акцента с помощи на сотрудничество на международном уровне практически совпал по времени со сменой парадигмы и в подходе России к СМР. До недавнего времени действовала Концепция участия России в СМР, принятая в 2007 году. В соответствии с ней, СМР осуществлялось Российской Федерацией главным образом в форме помощи, предоставляемой на многосторонней основе, то есть путем внесения добровольных и целевых взносов в международные финансовые и экономические организации, прежде всего в программы, фонды, спецучреждения ООН, региональные экономические комиссии и другие организации, реализующие программы развития, участия в финансировании глобальных фондов, а также посредством специальных международных инициатив, осуществляемых в рамках «Группы восьми», Всемирного банка, МВФ, организаций системы ООН. До 70% выделяемых Россией на СМР средств (а сумма их ежегодно составляла в последние годы около полумиллиарда долларов) до недавних пор приходилось на перечисленные многосторонние каналы.

Содержание прошлой концепции участия России в СМР было обусловлено особенностями положения нашей страны, которая до 2005 года входила в число получателей официальной международной помощи в области развития (сама оказывая при этом многомиллиардную помощь странам СНГ, которая, однако, ни в каких официальных международных статистиках не фигурировала именно в качестве содействия этим странам). Лишь в 2006 году наша страна впервые заявила о себе как донор в глобальном контексте.

Поскольку начальная концепция была в большой степени сфокусирована на участии России в многосторонних форматах СМР, то со временем стала очевидной необходимость закрепить новый статус. Многосторонняя помощь носит во многом филантропический и обезличенный характер. Получатели такой помощи имеют дело с организациями-посредниками, а доноры часто не получают от такой помощи никакой отдачи. Именно поэтому у крупнейших стран-доноров соотношение двусторонней и многосторонней помощи всегда было прямо обратным нашему. Например, у США более 80% средств уходят получателям в рамках двустороннего сотрудничества. Только в таком формате удастся учесть внешнеполитические интересы государства-донора, оказать поддержку его бизнесу в продвижении на новые рынки, широко использовать сам факт помощи в пропагандистских целях.

Вопросы развития напрямую связаны с проблематикой внешней политики и обеспечения национальной безопасности, а также с продвижением национальных интересов. Этим объясняется внимание руководства страны к теме, которая на первый взгляд не относится к наиболее актуальным сегодня для России проблемам, но которая имеет прямую взаимосвязь с тем, что сегодня происходит по периметру государственной границы России. Назрело понимание того, что оказываемая нашей страной другим странам весомая помощь, которая составляет существенный процент национального ВВП, должна адекватно восприниматься гражданами этих стран. В том числе в ситуациях, когда их ставят перед геополитическим выбором, когда в этих странах начинают появляться другие мировые или региональные игроки, представляющие даже символические суммы своей помощи как чуть ли не судьбоносные и экзистенциальные для одариваемых стран. В то же время люди, по сути, не замечают российских миллиардов, воспринимают их как данность, как естественное явление, которое, дескать, никуда и никогда не денется. Во избежание конфликтов важно, чтобы нашу поддержку национальным экономикам этих стран население видело и четко ассоциировало с Россией. Только при таком подходе СМР становится не просто инструментом поддержки партнеров из более бедных стран, но и эффективным инструментом внешней политики и влияния.

В рамках соответствующих решений Россотрудничество в тесном взаимодействии с российскими МИД, Минфином и Минэкономраз-

вития разработали и представили Президенту России проект документа, который подводил определенную черту в деятельности России с начала 90-х годов прошлого столетия как участницы процесса содействия международному развитию. Настал этап, когда государство почувствовало потребность и, самое главное, готовность к формулированию собственной полноформатной национальной политики в области содействия международному развитию.

Долго ожидаемое событие состоялось в этом году - Указом №259 от 20 апреля 2014 года Президент России утвердил новую Концепцию государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию. В соответствии с пунктами 4 и 5 этой концепции, «Россия поддерживает стремление международного сообщества к устойчивому социально-экономическому развитию всех государств, являющемуся фундаментом современной системы международной стабильности и коллективной безопасности, и ставит содействие такому развитию целью государственной политики Российской Федерации в этой сфере». Такая политика России способствует стабилизации социально-экономической и политической ситуации в государствах-партнерах, формированию отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействует устранению имеющихся потенциальных очагов напряженности и конфликтов и предотвращению их возникновения.

Новая концепция ставит задачу усиливать акцент на адресные двусторонние программы оказания помощи и аргументированно определять государства - получателей помощи. Среди критериев при определении таких государств теперь будут:

- улучшение условий для осуществления торгово-инвестиционной деятельности в государствах - получателях помощи, в том числе путем упрощения процедуры трансграничного перемещения товаров и услуг;
- формирование в государствах - получателях помощи промышленного и инновационного потенциала.

Совершенно очевидно, что должно измениться не только соотношение объемов дву- и многосторонней помощи, но и в значительной степени ее географическая направленность (приоритет стран СНГ, Абхазии и Южной Осетии), а также содержание проектов. СМР становится важнейшим фактором интеграции на пространстве СНГ.

Хотелось бы отметить, что в ходе мексиканской встречи в полной мере можно было ощущать многополярность современного мира, общность проблем стран в отдельных регионах мира, в том числе

наших союзников по СНГ. Наметились разница подходов и противоречия между группой традиционных доноров (страны ОЭСР) и набирающими силу участниками группы Юг - Юг. С одной стороны, Россия не может проигнорировать деятельность первой группы стран, исходя из уровня своего развития и экономического положения, с другой - нашим политическим и прагматическим интересам отвечает выработка дальнейших совместных шагов с более независимой группой стран Юг - Юг. С представителями этой группы стран требуется более детальное обсуждение на политическом уровне совпадающих национальных интересов и разработка на ближайшую перспективу нашей внятной линии в сфере СМР. Для этого необходимо обеспечить скорейшее формирование механизмов национального СМР, которые заложены в Концепции государственной политики РФ. Принципиально важным представляется подготовка в максимально короткие сроки положения о Комиссии РФ в сфере СМР, формирование госпрограммы, предусматривающей конкретные мероприятия и финансовое обеспечение проектов в соответствующих областях.

СМР давно превратилось в стратегический и экономический императив политики национальной безопасности США, стало инструментом проведения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов большинства стран-доноров. В целях продвижения этих интересов по инициативе и при поддержке стран-доноров созданы и функционируют многочисленные организации, структуры, компании, форумы, сети. Крупнейшие страны - доноры помощи развитию, входящие в первую очередь в ОЭСР, и те страны, чьи объемы помощи, по их собственным оценкам и методике подсчета, намного превышают российские, пока не рассматривают нашу страну в качестве полноформатного члена клуба, который во весь голос может заявлять о своих национальных интересах в этой сфере. К сожалению, наши возможности быть законодателями моды в области СМР, то есть определять правила, направления деятельности, принципы взаимоотношений, а также формировать общественное мнение на привлекательных для нас позициях и, как следствие, проводить свои национальные интересы на международном поле развития, пока ограничены. Под этим углом зрения мы рассматриваем сегодня возможность продвижения идеи организации сообщества экспертов, имеющих опыт в осуществлении проектов СМР, в формате международной сети.

Практика содействия международному развитию в основном осуществляется путем реализации проектов, исполнителями которых являются консалтинговые компании, университеты, государственные учреждения, НПО. Эти организации привлекают к реализации проектов международных экспертов, профессионалов в той или иной сфере международной помощи, как то: социальная инфраструктура и услуги, экономическая инфраструктура, производственные и мультисекторальные проекты. Многие из этих экспертов в разных странах не объединены, являются индивидуальными консультантами, но имеют общественное влияние, отстаивают индивидуальную точку зрения и могут быть полезны при правильной организации работы с ними.

Исходя из этого, в рамках проведения первой встречи на высшем уровне Глобального партнерства за эффективное сотрудничество в области развития российская сторона предложила подумать над идеей образования виртуального сообщества экспертов, которые являются специалистами в той или иной области СМР, знакомы с практикой освоения донорских средств, имеют международный опыт проведения проектов помощи, владеют ситуацией в странах-реципиентах.

В ходе конференции в Мехико в Организационный комитет был неофициально передан рабочий проект инициативы «Международная сеть экспертов по сотрудничеству для эффективного развития». Ее цель - содействие эффективному развитию путем формирования партнерских отношений среди международных экспертов, обмена знаниями и опытом, выявления лучших и худших практик содействия эффективному развитию, выработки совместных рекомендаций по оказанию помощи развитию, формированию баз данных экспертов для оказания помощи развитию, формированию баз данных экспертов для будущих проектов, реализации других форм сотрудничества.

От создания этой международной сети ожидается синергетический эффект влияния деятельности экспертного сообщества на сотрудничество в целях эффективного развития. Через сеть экспертов Россия могла бы координировать процесс формирования международных подходов к проблемам СМР. Форма участия в предлагаемой международной сети будет открыта, добровольна и безвозмездна для экспертов, подтвердивших личный опыт участия в проектах развития.

Безусловно, создание такой сети является оправданным только тогда, когда существует реальная деятельность в области содействия развитию. Россотрудничество в этом смысле во многом проходит сложный этап становления. Мы нацелены на скорейшее налаживание работы государственного межведомственного механизма, который по-

звонил бы более эффективно использовать государственные ресурсы в интересах самого государства. И здесь нет ничего предосудительного. Мы фактически выходим на практику всех других ведущих стран мира, у которых инструментарий СМР давно и прочно занял свое место в системе внешней политики и продвижения своих интересов.

Содействие развитию менее развитых государств позволяет устранить предпосылки для возникновения в этих странах конфликтов и кризисов любого рода. Повышение уровня развития этих государств делает более цивилизованным процесс взаимодействия, позволяет использовать разного рода достижения в интересах всех сторон. Да, мы хотим, чтобы наши партнеры, которые рассчитывают на поддержку в их развитии, четко понимали планы и намерения России в этой области. Любая деятельность состоит из конкретных проектов. Они могут быть успешными лишь тогда, когда заинтересованность в них подтверждена с обеих сторон. В этой связи, на наш взгляд, принципиально важно - и потому должно быть обязательно озвучено - то понимание и основные принципиальные, базовые характеристики проектов СМР, на основании которых России, по нашему мнению, необходимо выстраивать свою деятельность в этой сфере:

- соответствующий проект СМР должен быть фактором развития страны и сертифицирован правительством этой страны, то есть страна-получатель должна рассматривать его как часть собственной национальной стратегии развития;

- российский вклад должен быть существенным для страны-получателя и, конечно же, способствовать реальному решению проблемы;

- решаемая проблема должна вызывать резонансный отклик общественного мнения в стране-получателе;

- решение соответствующей проблемы по возможности должно быть значимым и для России (иными словами, урегулирование ситуации в стране-получателе должно предотвращать возникновение проблемы или минимизировать ее последствия в нашей стране);

- суть и необходимость проектов должны быть понятны населению самой России;

- опять же по возможности необходимо обеспечивать продвижение национальных экономических интересов, интересов отечественных производителей, организовывать соответствующую работу как государственно-частное партнерство.

Россия, как известно, традиционно помогала развитию малых государств. Советский период был отмечен существенным подь-

емом внешней активности государства в логике господствующей идеологии - поддержания «братских» стран по идеологическому принципу. Однако речь шла не только о продвижении идеологии - реализовывались мощные инфраструктурные проекты, готовились кадры для всех отраслей национального хозяйства самых различных стран на всей планете. В мире сегодня насчитывается до миллиона выпускников советских и российских вузов.

И сегодня, после ухода советского идеологического фактора с мировой сцены, именно те форматы реальной помощи другим народам по-прежнему играют свою роль. Люди в Афганистане, Вьетнаме, Анголе помнят, как советские специалисты помогали им налаживать хозяйство, поднимать промышленность, строить дороги и аэропорты. А где-то уже смогли сравнить бескорыстную помощь, оказываемую СССР, с хищническим поведением других держав. Кое-где объекты советского времени остаются и по сей день чуть ли не главными и даже единственными опорами национальных экономик. Все это говорит о том, что наша адресная помощь востребована и может приносить немалые дивиденды в плане укрепления позиций России в других странах, в том числе в общественном мнении, на уровне простого человеческого восприятия.

Распад СССР привел к тому, что внутригосударственные связи прежних советских республик стали межгосударственными. Канал СМР представляется в новых условиях оптимальным для целенаправленной поддержки партнеров России с меньшим экономическим потенциалом в решении их насущных проблем. Характерной чертой возрождения и укрепления России должно стать и утверждение ее в роли авторитетного регионального донора, на которого могут рассчитывать ее партнеры, четко отдавая себе при этом отчет в источнике поддержки. Поэтому механизмы содействия международному развитию призваны стать важной составной частью стратегических интеграционных проектов прежде всего с нашими ближайшими соседями.

¹http://www.un.org/ru/millenniumgoals/GAP_Report_2013.pdf

Ключевые слова: Глобальное партнерство за эффективное сотрудничество в области развития, Россотрудничество, страны-доноры, СМР.

Валентин БОГОМАЗОВ

Чрезвычайный и Полномочный Посол,
кандидат политических наук
bogomi@list.ru

Папа Франциск: первый год в Ватикане

После избрания 13 марта 2013 года архиепископа Буэнос-Айреса кардинала Хорхе Марио Бергольо главой Римско-католической церкви (РКЦ), что влечет за собой управление государством-городом Ватикан (официально именуемым Святым престолом), и принятия новым Папой Римским имени Франциск прошло не так много времени. Тем не менее уже идут обсуждения сделанного им и возможных перспектив. Высказываемые в России, США, странах Западной Европы, Латинской Америки суждения покрывают всю возможную палитру оценок - от прагматично-реалистичных до экстремистско-радикальных.

Сконцентрируемся на рассмотрении комментариев папской активности в прямой связи с тем, что на самом деле он предпринимает.

Начнем с того, что достоянием гласности стало содержание выступления тогда кардинала Х.М.Бергольо на предшествовавшем конклаву, избирающему первосвященника, сверхсекретном пленарном заседании коллегии кардиналов («генеральной конгрегации»), посвященном заслушиванию программ кандидатов на папскую ти-

ару. Призыв аргентинского соискателя «строить церковь, которая должна выйти из самой себя, освободиться от светской духовности, лучше и полнее отражать свет Христа среди людей нашего времени, включая живущих на дальних перифериях существования», произвел сильное впечатление на выборщиков в силу «вызывающей доверие постановки темы и глубоко религиозного духа, пронизывавшего все высказанное»¹.

Едва начав свою деятельность, Папа Франциск приобрел невероятную популярность: в 2013 году его имя чаще упоминалось в Интернете, чем термины «Obamacare», то есть реформа здравоохранения в США, и «NSA», то есть Агентство национальной безопасности США². Число подписчиков Папы в «Twitter» превысило 12 млн. человек, большинство из которых читают его записи на испанском языке - 4,897 миллиона, а 4,7 млн. подписчиков пользуются английской версией³. В Италии имя Франческо стало самым распространенным среди новорожденных мальчиков. В Риме зафиксирован значительный прирост туристического потока при одновременном увеличении посещаемости базилик и храмов города. Как первое, так и второе объясняют одним и тем же - «эффектом Папы Франциска».

Оппоненты понтифика не воспринимают приведенные факты, нажимают на их «ограниченное значение» для авторитета РКЦ и Ватикана в мире.

Сошлемся, однако, на положение дел в католической церкви крупнейшей латиноамериканской страны - Бразилии. За последние 25-30 лет эту церковь покинули многие миллионы верующих, ушедших в секты, к неопятидесятникам и протестантам, и по положению на июль 2013 года католиками себя признали 57% населения. Явное торможение этого процесса при появлении первых признаков его разворота вспять, по мнению профессора Папского университета Рио-де-Жанейро А.Сампайо, непосредственно связано с «новым более гуманным, более близким к человеку, более ясным, более объективным методом понтифика»⁴.

Известность Франциска в немалой степени проистекает из его личных качеств - простоты, неприхотливости, открытости. Притчей стало то, что он сам собирает свой чемодан в дорогу, продолжает жить в скромном гостиничном номере, отказался от специальных красных папских туфель и по телефону попросил 81-летнего сапожника из Буэнос-Айреса привести в порядок его испытанную пару обуви. В середине ноября 2013 года Папа прибыл на встречу с

Президентом Италии в Квиринальский дворец на скромной легковушке «Форд фокус», чего абсолютно не ожидали встречавшие его лица. В беседе с прихожанами одного из храмов в пригороде Рима рассказал, что в молодости зарабатывал мытьем полов и работал в химической лаборатории, трудился вышибалой в ночной дискотеке в Аргентине.

Большой резонанс получают телефонные звонки Папы страдающим и тяжело болеющим, людям, переживающим разного рода трагедии и беды. В одном из них он, отвечая беременной от женатого и брошенной женщине, заверил, что сам покрестит новорожденного, если священники ее прихода усомнятся сделать это. В конце прошлого года в ходе коллективной аудиенции на площади Св. Петра Франциск без колебаний обнял изуродованного редким кожным заболеванием человека с кровоточащими язвами на голове.

Скептики и критикующие понтифика называют упомянутое «чистой саморекламой, и только». Но они упускают то, что Ватикан веками рассматривался в мире средоточием богатства, роскоши, когда-то даже вседозволенности, тогда как для возвращения католицизма на «истинно Евангельский путь» нужна, по выражению Франциска, «бедная церковь для бедных».

Буквально сразу же после вступления в свои папские обязанности он все громче и громче заявляет о первостепенной значимости для РКЦ тех, кто забыт или отвергаем в современном обществе, - безработных, нищих, больных, престарелых. В мае 2013 года Папа сделал запись в «Twitter» о том, что жажда наживы любой ценой приводит к лишению людей занятости, а значит - средств к существованию. Другое папское послание в сети было посвящено «рабскому труду» рабочих из Бангладеш, погибших при обрушении здания их производства. В мае 2014 года Франциск написал: «Общество, бросающее детей и стариков, рубит свои корни и затемняет собственное будущее». Свой день рождения (77-летие) отпраздновал с приглашенными тремя бездомными, ночующими неподалеку от Ватикана.

Апостольское обращение от 24 ноября 2013 года «*Evangelii gaudium*» («Радость Евангелия») стало вехой в осуждении «распущенного капитализма», названного «новой тиранией», где «деньги - главный идол»⁵. Порочность мировой экономической системы, как подчеркнуто, - в ее опоре на «культ денег». Возмущение Франциска вызывает то, что смерть бездомного не попадает в выпуски новостей, а изменение банковского индекса на 2% становится сенсацией⁶.

Признавая достижения человечества в различных областях, в частности в здравоохранении, просвещении, связи, понтифик ставит акцент на то, что большинство мужчин и женщин нашего времени «живут убого с жалкими последствиями того». «Чтобы жить, нужно бороться, но зачастую ради мало достойной жизни». «Сегодня все включено в конкурентную борьбу и в закон более сильного, когда могущий поедает более слабого. Итогом этой ситуации стало положение, при котором большие массы населения видят себя отверженными и отодвинутыми: без работы, без перспектив, без какого-либо выхода. Живое существо само по себе рассматривается предметом потребления, который можно использовать и выбросить затем»⁷.

Анализируемый программный папский документ содержит во второй главе несколько разделов, посвященных острым социально-экономическим проблемам (параграфы 53-54: «Нет экономике отвержения», параграфы 55-56: «Нет новому денежному идолопоклонству», параграфы 57-58: «Нет деньгам, которые правят вместо того, чтобы служить»), но в целом обращение - церковная программа действий на ближайшее время. Франциск выдвигает амбициозный план возрождения миссионерского пыла РКЦ.

Рельефно подается стремление изменить облик католической церкви, видеть ее «покрытой синяками и грязью, с болью от постоянного пребывания на улице» - много лучше, как утверждается, чем «сидящая взаперти и пекущаяся о своей безопасности церковь»⁸.

Сделан призыв к христианам «обнять с любовью и уважением мигрантов-мусульман в наших странах - точно так же, как мы надеемся, чтобы нас приняли в странах с исламской традицией»⁹.

Каждая встреча Папы Римского с главами иностранных государств завершается соблюдением многовековой традиции - обменом подарками. Так, к примеру, было по завершении беседы В.В.Путина с Франциском в Ватикане в конце ноября 2013 года, когда каждая из сторон, по сообщениям СМИ, вручила партнеру произведение культуры и искусства. Президенту США понтифик в конце марта 2014 года подарил среди прочего текст выше рассмотренного апостольского обращения.

Б.Обама, визит которого к Папе мировые эксперты прочно увязывают с предстоящими в США промежуточными выборами (ноябрь 2014 г.) и гонкой за голосами избирателей-католиков, обещал в ответ «читать послание в Овальном кабинете всякий раз, когда

буду ощущать уныние и стараться подкрепить собственные силы и спокойствие»¹⁰.

Английский ватиканист Дж.Хупер не без сарказма отреагировал на это следующим образом: «...чтение в Овальном кабинете, возможно, будет приятным, но вряд ли оно будет так же оценено некоторыми дарителями Демократической партии»¹¹.

Объясним, о чем идет речь. Стоило Папе Франциску дать выше приведенную оценку капитализма, как в США охарактеризовали его «чистым марксистом»¹² (а это там равносильно понятию «особо опасный преступник»), пошли на угрозы и к нему применить санкции.

Кстати, итальянский журналист А.Торниелли поинтересовался в ходе интервью отношением самого Франциска к американской шумихе о его принадлежности к марксизму, на что было сказано: «Марксистская идеология неверна. Но в своей жизни я встречал множество марксистов, которые были хорошими людьми. Поэтому я не чувствую себя оскорбленным»¹³.

До тех пор, пока с наскаками на Папу отмечались предводители закостенелых сил США, прежде всего «Движения чаепития» (С.Пэйлин назвала его «своего рода либералом», а американский Институт экономических дел посетовал, что Папа лишен «утонченного подхода его предшественников к проблематике свободного рынка»¹⁴), казалось, что речь идет об эпизодическом явлении и не более того.

Однако неожиданно для многих владеец крупной в США сети магазинов домашней утвари «Home Depot» миллиардер и набожный католик К.Лангоне, занимающийся сбором пожертвований в объеме 180 млн. долларов для реставрации собора Св. Патрика в Нью-Йорке, громко признал: «Сказанное понтификом о капитализме вызвало колебания среди потенциальных дарителей семизначных сумм»¹⁵. Порассуждав о том, что в США «богатые ведут себя лучше, чем в других странах, и подход к ним требует меда, а не уксуса», магнат прозрачно провел мысль о возникновении угрозы перекрытия в складывающихся условиях крана финансовых вливаний американских католиков-филантропов в реализацию международных проектов РКЦ, то есть ассигнований, являющихся вместе с подобными средствами из ФРГ основными и весьма важными для казны Ватикана¹⁶.

Но вернемся к беседе главы Ватикана с Президентом США. И в канун ее, и сразу же после Б.Обама не скупился на разного рода похвальные оценки по адресу Папы Франциска. Могла как бы зате-

ряться среди них такая его фраза: «Все это не означает, что между нами есть согласие по всем вопросам»¹⁷.

Располагающая хорошо подготовленными религиоведами итальянская газета «Ла Stampa» подвела итог саммита Ватикан - США квинтэссенцией: «Франциск и Обама против бедности, но без «священных альянсов»¹⁸. Резонно, на наш взгляд, припоминается, что подобное единство было между Рейганом и Иоанном Павлом II в антикоммунистической борьбе, между Бушем и Бенедиктом XVI по вопросам этики. «Но первый в истории южноамериканский Папа смотрит, возможно, с меньшей робостью, чем европейцы, на лидера «свободного мира», происходящего с его же континента»¹⁹.

Да и американские СМИ признают наличие значительных расхождений между понтификом и Президентом США по целому ряду актуальных тем. «Нью-Йорк таймс» вынесла в заголовок статьи о встрече в Ватикане констатацию: «Понтифик и президент ищут общее среди колючих вопросов»²⁰. «USA Today» привела высказывание кардинала Р.Бёрк (он родом из США и возглавляет высший суд Святого престола) с жесткой критикой деятельности хозяина Белого дома: «Верно то, что политика Обамы постепенно стала все более враждебной в отношении христианской цивилизации. Он предстает целиком секулярным человеком, агрессивно продвигающим позиции, направленные против жизни и против семьи»²¹.

Тут, полагаем, следует сказать, что Агентство национальной безопасности США ведет прослушивание телефонных разговоров Франциска и некоторых других иерархов Ватикана, о чем, как и о американской слежке за Х.М.Бергольо начиная с 2005 года, сообщил в конце 2013 года итальянский еженедельник «Панорама», известный своей лояльностью к Ватикану²².

Сам Папа Франциск продолжает неизменно остро ставить злободневные социальные темы, не уходя от выдвижения предложений по нахождению сообразных развязок. В ходе встречи с рабочими сталелитейного комплекса из г.Терни (Центральная Италия) весной 2014 года он сказал, что для решения тяжелейшей проблемы безработицы, общей для многих европейских стран, нужно изменить нынешнюю экономическую систему, которая, будучи основанной на идолопоклонстве деньгам, продемонстрировала свою неспособность создать занятость. Последовал призыв «различным политическим, социальным и экономическим субъектам способствовать другой постановке вопроса, базирующейся на справедливости и солидарности»²³.

Развернутая первосвященником кампания борьбы с коррупцией вызывает, по данным итальянских правоохранительных служб, крайне настораживающую и просто опасную реакцию со стороны итальянского преступного мира, прежде всего мафии. А Папа пошел на проведение личной встречи с родными жертв преступников и призвал мафиози покаяться и остановиться²⁴.

В позициях Франциска по международным вопросам постоянно присутствует социальный компонент. Пример тому - его послание по случаю Всемирного дня мира, отмечаемого РКЦ ежегодно 1 января. Свое первое обращение такого рода он посвятил братству людей Земли как идеалу социальной жизни. «Братство», - подчеркнул Папа, - представляет собой важное измерение человека, который является частью сложной системы отношений, то есть существом социальным. Глубокое осознание этой социальности помогает нам видеть в других людях наших истинных сестер и братьев и обращаться с ними соответственно; без братства невозможно создать справедливое общество, в котором царил бы прочный и долговременный мир»²⁵.

Весьма энергично отстаивает понтифик необходимость сохранения приоритета международно-правовых и нравственных начал в межгосударственном общении. Во время своих встреч с главами государств и правительств стран мира, видными общественными деятелями он выносит тезис о миротворческой способности этой работы. Принимая премьер-министра Израиля Б.Нетаньяху в декабре 2013 года, понтифик говорил о том, что благодаря диалогу могут быть открыты двери, которые до того оставались накрепко закрытыми²⁶.

Проблематика кризисных и конфликтных ситуаций в мире, и в частности на Ближнем Востоке, постоянно увязывается Папой Бергольо с использованием в целях урегулирования исключительно политических средств. В сентябре 2013 года, накануне проведения в Петербурге саммита «Группы двадцати», он, как известно, обратился к В.В.Путину с посланием, в котором выступил против силового варианта решения сирийской проблемы.

Помощник Президента России Ю.В.Ушаков в данном контексте отмечал: «Это послание послужило конструктивным фоном для обсуждения сирийского кризиса в рамках встречи лидеров «G-20» в Петербурге. После чего пошло интересное и весьма позитивное развитие с учетом инициатив, предложенных нашим президентом»²⁷.

Миротворческую тему Папа Франциск продолжает активно продвигать, призывая к «немедленному прекращению насилия в интересах сирийского народа, чтобы все жители Сирии воспринимали друг друга не как врага или конкурента, а как брата, которого можно принять и обнять»²⁸. Официальный Дамаск высоко оценивает эту устремленность. Понтифик вновь и вновь выражает обеспокоенность за будущее христианского населения в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Данный вопрос был, к примеру, одним из стержневых в беседе в Ватикане с Президентом Греции К.Папульясом 28 марта 2014 года²⁹.

«Молитвенное паломничество» Франциска в Иорданию, Палестину и Израиль (24-26 мая 2014 г.) носило, как он заявлял, «сугубо религиозный характер». Но «Нью-Йорк таймс» - не единственное в мире СМИ, ставящее под сомнение такую версию, поскольку на Ближнем Востоке все, мол, связано с политикой³⁰.

Визит, думаем, действительно вышел за рамки «церковной акции», хотя вопросы межрелигиозного диалога и религиозной свободы целеустремленно отстаивались понтификом. Так произошло потому, что Папа не ограничился общими призывами «перековать мечи на орала, покончить с насилием», а настаивал на «мирном урегулировании сирийского кризиса, справедливом решении израильско-палестинского конфликта, примирении Палестины и Израиля»³¹, чтобы «положить конец насилию, пойти на взаимные уступки для создания двух государств с границами, признанными международным сообществом»³². Прошедшая 8 июня этого года в Ватикане экуменическая молитва о мире и активизации тем самым усилий по прекращению израильско-палестинского конфликта, на которой присутствовали Шимон Перес и Махмуд Аббас, придала особое значение миротворчеству главы Ватикана.

Остановимся на мнении Папы Франциска о глобализации. Она, как заявляется, спасла от бедности много людей, но многих других обрекла на голодную смерть, поскольку существующая экономическая система сделала ее избирательной. При этой глобализации, как указывается, утрачиваются особенности народов, все напоминает сферу с равноудаленными от центра элементами, а нужен «многоликий многогранник, в котором каждый народ сохраняет свою культуру, язык, религию, идентичность», «сейчас же на центральном месте больше не стоит живой человек, а деньги лишь»³³.

Можно продолжить перечисление примеров, отражающих верность понтифика вечным христианским ценностям. Но хотим оста-

новиться на том, что есть силы, включая и те, что активны в самом Ватикане, которые пытаются влиять на Франциска, так сказать, корректировать его взгляды.

Информируя СМИ о повестке беседы Обама - Франциск, помощники Президента США назвали Украину в числе центральных тем. Ясно, что преследуемая при этом цель не имела ничего общего с интересами украинского народа. Да и принятый в том же марте 2014 года Папой Франциском глава Украинской греко-католической (униатской) церкви (УГКЦ) С.Шевчук, известный своим потворством вмешательству Запада в дела Украины, не просто же «рассказал о произошедшем на Украине за все три месяца, объяснил причины нахождения священнослужителей на Майдане, выделил усилия различных церквей в пользу мира в стране»³⁴.

Франциск, в свою очередь, акцентирует важность налаживания диалога с другими, «даже если от них нас отделяет злоба. Христианин всегда ищет дорогу выслушивания и примирения, проявляя покорность и мягкость»³⁵.

Обращаем внимание на адресованную иерархам УГКЦ и лично С.Шевчуку рекомендацию понтифика, сделанную в Ватикане в ноябре 2013 года, содействовать «наведению мостов братства с другими церквями и церковными общинами на украинской земле и в других местах, где присутствуют ваши общины»³⁶. Завершая мартовскую 2014 года, аудиенцию и отвечая С.Шевчуку, Папа обещал сделать «все возможное для мира на Украине»³⁷.

Беседа понтифика с нынешним главой правительства Украины А.Яценюком в конце апреля 2014 года продолжалась, по данным западной прессы, 18 минут, и главное в ней свелось к обмену подарками со смысловой нагрузкой - Яценюк презентовал фото Майдана, а Папа вручил посетителю авторучку «для подписания мирных соглашений»³⁸.

В послании Папы Римского исполняющему обязанности главы украинского государства А.Турчинову, направленном в середине мая 2014 года, «помятуя о жертвах напряженных конфликтов, разразившихся в последние месяцы, а также о тех, кто страдает из-за нынешних событий», выражены сочувствие украинскому народу и надежда, что противоборствующим сторонам на Украине удастся прийти к мирному урегулированию конфликта, «не прекращая поиска мирных решений через диалог и переговоры, действуя терпеливо и используя все возможные средства в этом направлении».

Обращаясь к главному поборнику карательной операции на юго-востоке Украины, понтифик призывает: «Я не сомневаюсь, что будет сделано все возможное, чтобы успокоить души и возобновить отношения взаимного уважения и доверия, преодолевая атмосферу неверия и притеснения»³⁹.

Понимаем, что все эти аргументы будут отклоняться теми, кто по примеру кандидата исторических наук О.Н.Четвериковой выражает скепсис по поводу решения нашей державы повысить статус дипломатических отношений с Ватиканом до уровня посольств, демонстрирует сомнения в необходимости и эффективности встречи В.В.Путина с Папой Фрациском в ноябре 2013 года⁴⁰, повторяет, что «Ватикан размывает христианские ценности»⁴¹, «осуществляет антиправославный проект»⁴².

Не следует, конечно же, упрощать деятельность понтифика и в целом Ватикана, как и приписывать то, что ими не делается. Нужно, уверены, помнить, что живем мы в XXI веке, когда рецепты вернуться во времена холодной войны, к теории «осажденной крепости» уже не производят былого эффекта и могут только вызывать отторжение. Хочется, чтобы авторы концепции об «антиправославии Ватикана» знали о послании патриарха Кирилла от 13 марта 2014 года Папе Франциску, в котором выделено: «С удовлетворением отмечаю высокую степень взаимопонимания и стремление с обеих сторон к укреплению православно-католического сотрудничества во имя утверждения христианских духовно-нравственных ценностей в современном мире, защиты угнетенных и служения ближним»⁴³.

Взаимодействие Россия - Ватикан в гуманитарной и социальной сферах, по линии науки и образования, культуры и искусства все больше и больше набирает обороты, что означает одно - к старому и ветхому, ставшему достоянием истории, возврата наверняка не будет.

¹<http://vaticaninsider.lastampa.it/nel-mondo/dettaglio-articolo/articolo/francesco-francisco-francis-brunelli-31373/>

²<http://www.theguardian.com/commentisfree/2013/nov/15/atheists-pope-francis-obama-liberal-voice-change>

³http://www.newsru.com/religy/27feb2014/pope_twitter.html

⁴<http://cnnespanol.cnn.com/category/noticias/latinoamerica/brasil/>

⁵http://www.vatican.va/holy_father/francesco/apost_exhortations/documents/papa-francesco_esortazione-ap_20131124_evangelii-gaudium_it.html

⁶Ibidem.

⁷Ibidem.

⁸Ibidem.

⁹Ibidem.

¹⁰<http://www.theguardian.com/world/2014/mar/27/barack-obama-seeks-sow-seeds-common-ground-pope-francis>

¹¹Ibidem.

¹²<http://religion.blogs.cnn.com/2013/12/02/rush-limbaugh-vs-the-pope>

¹³La Stampa. 15 dicembre 2013.

¹⁴<http://www.theguardian.com/commentisfree/2013/nov/15/atheists-pope-francis-obama-liberal-voice-change>

¹⁵<http://www.cnbc.com/id/101302230>

¹⁶<http://www.lastampa.it/2014/01/02/esteri/papa-marxista-a-rischio-i-dollari-dei-filantropi-usa-xeSaP7YNS72VYathJv880M/pagina.html>

¹⁷http://www.corriere.it/cronache/14_marzo_27/obama-il-papa-ci-incalza-non-ci-abitueremo-diseguaglianze-5cc25bcc-b541-11e3-a6d7-e7d475c5f9ab.shtml

¹⁸<http://vaticaninsider.lastampa.it/vaticano/dettaglio-articolo/articolo/francesco-francis-francisco-obama-obamaobama-33019/>

¹⁹Ibidem.

²⁰http://www.nytimes.com/2014/03/27/world/europe/at-vatican-meeting-pope-and-president-may-find-a-common-cause.html?_r=0

²¹<http://www.usatoday.com/story/news/world/2014/03/26/obama-pope-vatican/6874965/>

²²<http://www.lastampa.it/2013/10/30/esteri/spiato-anche-il-papa-il-vaticano-frena-6Dxkyw-ZebuQfNufpDBcmDP/pagina.html>

²³Osservatore Romano. 20 marzo 2014.

²⁴<https://www.google.ru/#newwindow=1&q=il+papa+con+le+famiglie+delle+vittime+delle+mafie.+don+ciotti:+grande+gioia+per+la+prese...>

²⁵http://www.vatican.va/holy_father/francesco/messages/peace/documents/papa-francesco_20131208_messaggio-xxvii-giornata-mondiale-pace-2014_ru.pdf

²⁶<http://vaticaninsider.lastampa.it/es/en-el-mundo/dettagliospain/articolo/netanyahu-israele-israel-papa-el-papa-pope-30346/>

²⁷<http://www.newsru.com/religy/21nov2013/ushakov.html>

²⁸<http://www.news.va/it/news/appello-del-papa-per-la-conferenza-di-pace-sulla-s>

²⁹http://it.radiovaticana.va/news/2014/03/28/preoccupazione_per_il_futuro_dei_cristiani_in_medio_oriente_nel/it1-785664

³⁰http://www.corriere.it/cronache/14_marzo_04/vi-racconto-mio-primi-anno-papa-90f8a1c4-a3eb-11e3-b352-9ec6f8a34ecc.shtml

³¹<http://www.news.va/it/news/crisi-ucraina-mons-shevchuk-papa-francesco-fara-tu>

³²http://it.radiovaticana.va/radiogiornale/2014/01/24/ore14/#Art_766830

³³<http://www.news.va/it/news/crisi-ucraina-mons-shevchuk-papa-francesco-fara-tu>

³⁴<http://vz.ru/politics/2013/11/26/661301.html>

³⁵<http://vz.ru/world/2013/11/7/658459.html>

³⁶<http://www.vz.ru/politics/2014/2/27/674555.html>

³⁷<http://www.patriarchia.ru/db/text/3604900.html>

³⁸<http://www.dailymail.co.uk/news/article-2613829/I-possible-peace-Ukraine-Pope-meets-countrys-beleaguered-PM-Russian-military-planes-invade-air-space-SEVEN-times-overnight.html>

³⁹<http://www.newsru.com/religy/14may2014/franziskusbrief.html>

⁴⁰<http://vz.ru/politics/2013/11/26/661301.html>

⁴¹<http://vz.ru/world/2013/11/7/658459.html>

⁴²<http://www.vz.ru/politics/2014/2/27/674555.html>

⁴³<http://www.patriarchia.ru/db/text/3604900.html>

Ключевые слова: Папа Римский Франциск, римская курия, вера, справедливость, духовно-нравственные ценности, новый подход, достижения, Ватикан.

Международная

ЖИЗНЬ

Московский Дипкорпус

Оун О'Лири:

«Однако в настоящее время мы переживаем трудный период. Ирландия принимала участие в формировании политики Европейского союза в отношении Украины, которую поддерживает и сегодня. Твердо уверен, что при абсолютном уважении международного права и наличии доброй воли у всех сторон эти трудности могут быть преодолены и Европейский союз и Ирландия смогут углубить и укрепить свои связи с Россией в ближайшие годы».

Оун О'ЛИРИ

Чрезвычайный и Полномочный Посол
Ирландии в Российской Федерации

Ирландия: старая нация и молодая страна

Ирландия - молодая страна, добившаяся независимости только в 1922 году. Однако она является родиной древней культуры.

Тема моего выступления дает мне широкий выбор. Слово «современный» можно, конечно, употребить в отношении любого живущего сегодня человека. У меня есть тетьа, которой 98 лет, она родилась в 1916 году и до сих пор водит машину. Что касается Ирландии, то невозможно понять ее современное общество без глубокого понимания ее истории.

А история Ирландии очень богатая и непростая. Она видела и самые хорошие, и самые плохие времена. В период с V по IX век Ирландия, пасторальное и языческое общество на краю Европы, населенное враждующими кельтскими племенами, вдруг превратилась в центр христианской веры и знаний, в остров святых и ученых. В одной из книг эта эпоха описывалась так: «Как ирландцы спасли цивилизацию».

В течение этого периода, конечно, Ирландия пережила вторжения викингов, нормандцев и англичан. Она прошла через периоды

религиозной розни и экономической нужды. Великий голод 1840-х годов был самым тяжелым временем в экономической истории Ирландии. Последствием этого катаклизма стала эмиграция населения, продолжавшаяся более 100 лет, свидетельства которой сейчас можно увидеть в процветающих ирландских общинах в Америке, Канаде, Великобритании, Новой Зеландии и Австралии. Еще в более ранний период, в XVII веке, представители Ирландии, например известные, как «Дикие гуси», рассеялись по всей Европе. Де Лэйси служил в царской армии. И конечно, великий Джон Филд сыграл важную роль в развитии мировой и русской музыки.

После окончания периода великого голода в Ирландии наступает национальное возрождение. В 1916 году, когда родилась моя тетья, в пасхальный понедельник небольшая группа республиканцев подняла восстание против британского правления, которое вскоре хотя и потерпело поражение, но в целом изменило природу ирландской политики. К 1923 году южная часть Ирландии добилась независимости в результате партизанской войны с Британией и гражданской войны, вызванной условиями Англо-ирландского договора 1921 года. Отношения с Британией, однако, продолжали доминировать в ирландской политической жизни, и с 1968 года на протяжении 30 лет мы являлись свидетелями конфликта в Северной Ирландии. К счастью, этот конфликт сегодня разрешен. Новые структуры, созданные в соответствии с Соглашением Страстной пятницы 1998 года, преобразуют жизнь в Северной Ирландии.

Непростая история повлияла и на развитие ирландской культуры и общества как многогранных и комплексных явлений. Но мир в итоге только выиграл от этих сложных форм богатого литературного, музыкального и культурного наследия, которым делилась с ним Ирландия. Свифт, Уайльд, Йейтс, Джойс, Синдж, Шоу, Флэн О'Брайан, Кавана и Хини - это только некоторые из имен писателей, которыми мы по праву гордимся. А в последнее время мировую славу приносят нам ирландские музыканты.

Конечно, современная Ирландия сильно отличается от той, какой многие могут себе ее представить. Прошли те времена, когда экономика и общественная жизнь были основаны преимущественно на сельском хозяйстве. Повозку и узкую проселочную дорогу сменили внедорожники и автомобильные магистрали. Современная Ирландия урбанистична и экономически развита. С тех пор как в 1950-х годах экономика страны стала открытой, там начался впечатляю-

ший экономический рост. Сейчас Ирландия является членом Европейского союза. В ней располагаются современные производства информационно-коммуникационного, фармацевтического и других секторов экономики.

В первый раз с XVII века Ирландия стала страной иммигрантов. И в отличие от некоторых, прибывших в прошлые времена, новым иммигрантам мы очень рады, и они играют важную роль в строительстве нашего общества. Два года назад 16% всех новорожденных детей в Ирландии родились у матерей - граждан десяти «новых» государств - членов Европейского союза. Сейчас на улицах Ирландии можно часто услышать польский, чешский, русский, литовский, латвийский и многие другие языки.

С конца 1980-х до 2008 года Ирландия была одной из наиболее динамично развивающихся экономик в мире. В этот период численность работающих практически увеличилась вдвое. Однако в 2008 году Ирландия пережила «девятый вал», когда столкнулась с кризисом в области финансов, занятости, правительственных расходов. К счастью, выдержав этот «шторм», Ирландия сегодня уверенно идет по пути экономического оздоровления. Хотя мы знаем, что нам еще далеко идти, очевидно, что мы на правильном пути. В 2014 году уже четвертый год подряд мы отмечаем экономический рост. Уровень экспорта сейчас выше, чем в период до кризиса, создаются рабочие места, сокращается безработица. В конце 2013 года мы стали первой страной в еврозоне, которая вышла из программы помощи ЕС и МВФ. Мы полностью вернулись к нормальному рыночному финансированию, и наш процент по облигациям достиг рекордно низкого уровня. Бизнес, инвесторы, глобальные рынки опять выражают уверенность в будущем нашей экономики.

Экспорт стал главной движущей силой в возрождении нашей экономики. Его уровень сейчас значительно выше по сравнению с наилучшими показателями докризисного, 2007 года. Количество новых рабочих мест, созданных благодаря привлеченным иностранным инвестициям, а также малыми и средними экспортирующими компаниями, в 2013 году было больше, чем за последние десять лет.

Почему? Наша экономика является одной из самых открытых и прогрессивных экономик мира. Журнал «Forbes» называет нас лучшей страной в мире для ведения бизнеса. Конкурентоспособность Ирландии значительно повысилась благодаря снижению стоимости рабочей силы, цен на коммерческую недвижимость и другие расходы бизнеса.

Другие независимые исследования считают Ирландию первой страной в мире по привлечению инвестиций с точки зрения качества и эффективности и лучшей страной в Западной Европе для вложения инвестиций. Мы являемся первой страной в мире в рейтинге гибкости и адаптации рабочей силы и третьей в мире по наличию квалифицированного персонала. У нас молодые, высокообразованные трудовые ресурсы в единственной англоговорящей стране еврозоны с безбарьерным доступом к 500-миллионному рынку потребителей. Дублин занимает первое место в мире по показателям человеческого капитала.

Наш агропищевой сектор достиг особенно успешных результатов, увеличив экспорт с 2009 года на 40%, который в 2013 году составил почти 10 млрд. евро. Благодаря программе экологических инициатив «Origin Green» Ирландия все более становится известна как одно из самых устойчивых мест в мире для производства продуктов питания и напитков.

Более 1 тыс. зарубежных компаний выбрали Ирландию в качестве своей стратегической базы в Европе. Восемь из десяти ведущих глобальных компаний сектора ИТС, девять из десяти ведущих мировых фармацевтических компаний и все десять самых больших онлайн-компаний работают в Ирландии. В 2013 году о крупных инвестициях в Ирландию заявили «Deutsche Bank», «Twitter», «EMC», «eBay», «Salesforce», «Novartis», «Vistakon», «Facebook», «Zurich», «Symantec», «De Puy», «Yahoo», «Sanofi» и «Indeed.com».

Те же факторы, которые привлекают в Ирландию иностранные компании, делают наши собственные предприятия и стартапы одними из самых динамичных и инновационных в мире. В 2013 году занятость в ирландских экспортирующих компаниях значительно возросла. Ирландские инновации в таких секторах, как информационные технологии, медицинские приборы и техника, изменяют и обогащают жизнь людей по всему миру каждый день.

В последние годы Ирландия стала известна своими передовыми исследованиями и поддержкой сотрудничества между научным и промышленным секторами, в том числе и с Россией. По качеству научных исследований Ирландия сейчас входит в первую двадцатку мировых лидеров, поднявшись с 36-го места, которое она занимала в 2003 году.

Так сегодня Ирландия восстанавливается после недавно пережитого периода трудностей.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРЛАНДИИ

Хотел бы сказать несколько слов о внешней политике Ирландии. С первых дней своей независимости наша страна выступает в поддержку принципов международного права. Она одна из немногих стран, получивших независимость после Первой мировой войны, в которой с тех пор существует демократическое правление. Ирландия была активным членом Лиги наций и впоследствии стала играть важную роль в Организации Объединенных Наций. Мы давно являемся участниками миротворческих миссий ООН, принимали активное участие в миссиях в Конго, Ливане, Либерии, на Кипре и в Косове; по мандату ООН ирландский военный контингент и полицейские участвовали в миссиях и во многих других странах. В настоящее время мы участвуем в семи миротворческих миссиях ООН, в том числе во всех трех миссиях на Ближнем Востоке.

С самого начала своего членства в Организации Объединенных Наций Ирландия вносит вклад в развитие ее политики, играя важную роль в продвижении курса ядерного нераспространения. Ирландия на протяжении долгого времени привержена задаче уничтожения ядерного оружия и предотвращения дальнейшего распространения потенциала создания ядерного оружия. Мы являлись непосредственными участниками переговоров, завершившихся подписанием Договора о нераспространении ядерного оружия в 1968 году. В знак признания этой роли министр внешних сношений Ирландии Фрэнк Айкен был приглашен в Москву для подписания этого договора, и на церемонии произнес заключительную речь. Ирландия продолжает работу в области контроля над вооружениями. В мае 2008 года в Дублине прошла заключительная конференция, на которой была достигнута договоренность относительно Конвенции по кассетным боеприпасам.

Наша внешняя политика продиктована позицией открытой, экспортно-ориентированной демократической страны. Членство и активное участие в таких организациях, как ООН, Европейский союз, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и Совет Европы, дает возможность отстаивать наши интересы на мировой арене, со всей ответственностью относясь к обязательствам по поддержанию международного мира и не компрометируя военный нейтралитет нашей страны.

Членство в Европейском союзе стало для нашей страны центральным контекстом достижения целей отечественной внешней по-

литики. Оно помогает оформить политику 28 стран-членов, в том числе двух постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Мировой экономический кризис демонстрирует взаимосвязанную природу глобальной экономики.

Очевидно, что вызовы XXI века являются поистине глобальными и могут быть преодолены, только если у международного сообщества есть желание совместно над этим работать. Большая глобализация и взаимозависимость требуют большей приверженности принципу многосторонних отношений и его институтам. Эта вера в эффективную многосторонность является краеугольным камнем внешней политики Ирландии.

ИРЛАНДИЯ И РОССИЯ - 40 ЛЕТ ДВУСТОРОННИХ СВЯЗЕЙ

В сентябре 1973 года Ирландия установила дипломатические отношения с Советским Союзом. С тех пор наши связи постоянно углублялись, значительно возросли экономические, политические, образовательные и культурные контакты и обмены между нашими странами и народами.

Из стран БРИКС Россия является наиболее близкой Ирландии в области экономики, а также по расстоянию и по ВВП на душу населения; и, наверное, она самая культурно и социально близкая нам страна. Многие ирландцы, имеющие опыт работы в России, отмечают, как очевидно становится наше сходство, как только мы преодолеваем первоначальную отчужденность и языковой барьер. Этому свидетельствуют очень впечатляющие цифры нашего экспорта в Россию, которые за последнее время возросли в два раза.

Правительство Ирландии предпринимает решительные шаги для развития и поощрения нашей торговли, в том числе через создание эффективной системы выдачи виз, программы отмены виз, активную поддержку бизнеса посольством и Ирландским советом по торговле и технологиям, а также регулярные экономические и политические консультации на уровне правительств. Мы понимаем, что необходимы дальнейшие совершенствования наших систем и регулирования, чтобы Ирландия оставалась конкурентоспособным, эффективным и важным торговым партнером России.

Однако в настоящее время мы переживаем трудный период. Ирландия принимала участие в формировании политики Европейско-

го союза в отношении Украины, которую поддерживает и сегодня. Твердо уверен, что при абсолютном уважении международного права и наличии доброй воли у всех сторон эти трудности могут быть преодолены и Европейский союз и Ирландия смогут углубить и укрепить свои связи с Россией в ближайшие годы.

В заключение я хотел бы пригласить всех вас посетить Ирландию. В прошлом году к нам приезжали 8 млн. человек. Уверен, что наш прекрасный остров вам понравится.

Ключевые слова: Ирландия, Англо-ирландский договор 1921 года, инновационные исследования, ОБСЕ, ООН.

Из дневника Главного редактора

ogannessian@interaffairs.ru

Армен Оганесян:

«Лучше делать ставку на «полезных идиотов», чем на «полезных» мерзавцев...»

«Простой человек менее болезненно реагирует на информационные войны, чем наша элита и в целом интеллигенция».

«21 июля 1941 года Геббельс на одном из совещаний цитирует Клаузевица, который был убежден, что Россию можно победить только в одном случае: если посеять раздор среди ее народов».

«Консерваторы нередко правильнее ощущают настроение и чаяния народных масс, обращенные к власти».

6 мая. С надеждой начал читать статью в «*American Thinker*», рассчитывая, что встречу в конце концов нечто мудрое, освещающее бурные события наших дней в спокойном философском ключе, так сказать с высоты птичьего полета. Увы, впечатление получилось прямо обратное. Некто Ким Зигфельд аплодирует «робкой администрации Обамы», которая наконец поднялась до высот виртуальной конфронтации, достойной Рональда Рейгана.

Видимо, желая стать образцом для подражания, статья пронизана энтузиазмом непримиримой воинственности. Что Рейган? Тут похваляет самим Маккарти: «Среди нас [sic!] остаются некоторые путинские пособники, пытающиеся подорвать нашу решимость». В «провокаторы» попал профессор Стивен Козн, «который, как заводной, пропагандирует за Путина», и бывший канцлер Герхард Шрёдер, который, оказываясь, «занимался «провокациями», позволив Путину устроить на его день рождения шикарный прием в своем родном Санкт-Петербурге». Козн, Шрёдер и иже с ними названы «полезными идиотами» России. Слово запущено польским политиком Славомиром Сераковским.

Нет, все же Западу и Востоку сойтись и впрямь трудно. Ведь в русской ментальности слово «идиот» не такое уж и ругательство, если вспомнить, например, князя Мышкина или блаженного дурачка из «Бориса Годунова». Полезность «идиотов» в том и заключается, что они нередко говорят правду в глаза «умным» дядям и тетям. Так что уж лучше делать ставку на «полезных идиотов», чем на «полезных» мерзавцев, наподобие молодцов из «Правого сектора» и их подручных.

19-21 мая. На приеме в связи с днем провозглашения Государства Израиль услышал от Л. анекдот на злобу дня: «Российский солдат сидит на ступеньках поверженного Рейхста-

га и устало потягивает самокрутку. . . Покурил, бросил окурок и, тяжело вздохнув, сказал: «Жаль только, что информационную войну проиграли». Анекдот, конечно, многозначный. Однако анекдотичность заключена и в умышленной неправдоподобности, потому что на деле простой человек менее болезненно реагирует на информационные войны, чем наша элита и в целом интеллигенция. Это гипертрофированное восприятие того, что о тебе сказали «там», укоренилось в нас еще с советских времен.

Сегодня куда важнее то, что информационная война может быть проиграна в самой Украине. Отключение российских телеканалов и закрытие оппозиционных СМИ создали благоприятную среду для разжигания вражды. Русские делаются виновными в глазах украинцев за все, что творится на Украине. Прямо на глазах язык ненависти начинает овладевать людьми. Уже давно не редкость, когда родственники из Крыма, Москвы или Екатеринбурга звонят своим близким, а те - либо боятся говорить, либо произносят резкие обвинения, начинающиеся со слов «вы, русские. . .» и далее, по тексту местных СМИ. Это куда опаснее, чем вирши «American Thinker» или брюзжание «Washington Post». Язык ненависти превращается в сердечный яд, разъедающий души людей.

Как это созвучно прошлому опыту информационных войн за Украину. На сей счет прелюбопытнейшая статья украинского историка Александра Маринченко из Днепрпетровска «Внести раздоры между народами. . .»: расовая политика немецких властей в отношении советских военнопленных, 1941 - начало 1942 года» (Новая и новейшая история. 2014. №2). Автор напоминает о далеко не забытых концепциях и подходах.

21 июля 1941 года Теббельс на одном из совещаний цитирует Клаузевица, который был убежден, что Россию можно победить только в одном случае: если посеять раздор среди ее народов.

В свой черед главный идеолог рейха в области национальной политики Я. Розенберг считал великороссов основным препятствием на пути освоения восточноевропейского пространства. «Поэтому в целях нейтрализации их влияния было предложено использовать нерусские национальности для создания буферной зоны из зависимых от Германии государственных образований вокруг этнических русских земель («Московия»), с последующей их изоляцией от Запада и максимальном ослаблении при частичном вытеснении коренного населения в Сибирь». В долгосрочной перспективе целью этой политики было создание таких условий, при которых «Московия» не смогла бы в будущем представлять собой сильного геополитического соперника... В связи с этим автор приводит одно из высказываний Гитлера: «Наша политика относительно народов, населяющих широкие просторы России, должна заключаться в том, чтобы поощрять всяческую форму разногласий и раскола».

Интересно, что даже в лагерях для военнопленных проводилась сегрегация по национальному признаку. В соответствии с инструкциями, украинцев отделяли от русских, в отдельную группу входили пленные азиаты и «кавказцы». Во многих лагерях украинцев не посылали на принудительные работы, «тогда как всех остальных, а особенно русских, использовали на всевозможных работах». Евреи уничтожались сразу. Причем «переход из группы русских к украинцам и наоборот карался пытками, а в некоторых случаях - расстрелами».

А вот свидетельства очевидцев: «Пленных евреев раздевали до белья. На украинцах можно было видеть хоть шинели, а на остальных совсем ничего не было». В другом секретном документе для командования Красной армии отмечалось: «Все военнопленные разбиваются по национальным признакам. Украинцев выделяют и содержат отдельно. Евреев при выявлении немедленно расстреливают. Пленных всех других национальностей содержат вместе».

Сегодня для украинцев-националистов главный враг - по ту сторону границы и на востоке страны. Однако боюсь, очень скоро прогрессирующая сегрегация сделает каждого неукраинца изгоем на украинской земле и из «виновных» они перейдут в разряд заложников. А международные институты и Европа без особых переживаний, как это уже было не раз, распишутся в своем бессилии...

24 мая. Катастрофически не успеваю следить за периодикой. В «Новом мире» есть замечательный раздел «Библиографические листки». Наконец добрался до апрельского номера, и там - Михаил Швыдкой: «Консерваторами - в элитовском смысле - были и Иннокентий Анненский, и Осип Мандельштам, и Иосиф Бродский. Подлинный консерватизм требует высочайшей образованности и культуры. Он вбирает в себя все наследие мирового художественного творчества, но сам характер этого наследования принципиально отличен от модернистских подходов. Он ищет преемственность там, где иные направления мысли ищут радикальные сломы или цирковую игру смыслами. В хаосе ищет устойчивость, в развитии - повторяемость. Но консерватизм не имеет никакого отношения к сервиллизму».

Подмечено тонко и вразрез обычным представлениям - ожиданиям, согласно которым консерватизм едва ли не синоним «охранительства», причем не Отечества, а режима. У нас подобную оценку многие годы давали и продолжают давать славянофилам, игнорируя реальные судьбы таких людей, как Ю.Ф. Самарин, М.В. Киреевский и другие. За славянофильскими изданиями цензура следила не менее пристально, чем за либеральными, штрафовала, приостанавливала их публикацию и даже закрывала. Достаточно прочитать суждения императора на полях записки К.С. Аксакова о положении на Балканах, чтобы понять, насколько оппозиционным выглядел

консерватизм славянофилов в глазах официальных властей, даже при отсутствии с их стороны какой-либо политической фронды.

Консерваторы нередко правильно ощущают настроение и чаяния народных масс, обращенные к власти. Пример тому - война на Балканах, против которой выступал всесильный канцлер Горчаков, опасавшийся большой европейской войны и ослабления России. Какое-то время Горчакову удавалось убедить в этом и Александра II, однако решительный голос консервативных сил России, всеобщий национальный порыв поддержать единоверных и единокровных славян на Балканах одержали верх и, по сути дела, продиктовали политической верхушке России необходимость действовать.

Ключевые слова: Запад и Восток, Украина, «Московия», консерватизм и консерваторы.

Международная

ЖИЗНЬ

Крах «украинского проекта»?

Украинский вектор

Александр ОРЛОВ

Директор Института международных исследований
МГИМО (У) МИД России
orlov_a@mgimo.ru

Кризис на Украине: стратегическая ошибка Запада или закономерность?

В первой половине 1990-х годов мне по долгу дипломатической службы довелось несколько раз побывать в бывшей Югославии, объятай пламенем братоубийственной гражданской войны. Все сербы, с кем приходилось встречаться, - от представителей политического руководства и военных, до простых людей на улицах Белграда и в тех местах, где дислоцировались российские миротворцы, - не сговариваясь, говорили одно и то же: «Югославия - это только начало, цель Запада - Россия».

В течение двух десятилетий после окончания холодной войны США и их западные союзники методично, целенаправленно, с упорством, достойным лучшего применения, занимались изменением геополитической карты мира сообразно своим интересам и разноплановым потребностям, прежде всего военно-политическим и экономическим.

Те изменения, которые отобразила политическая карта Старого Света, показывающая динамику расширения НАТО и Евросоюза на

Восток, не могут не впечатлять. Военно-политически и экономически «старушка» Европа была за эти годы фундаментально реформирована, причем, что симптоматично, в период мирного затишья, когда заверения о партнерстве и сотрудничестве, образно говоря, лились рекой. Хотя уже тогда трудно было избавиться от назойливого ощущения, что рано или поздно процесс безудержной односторонней экспансии должен будет завершиться каким-то мощным катаклизмом общеевропейского, а то и мирового масштаба. Видимо, сегодня мы переживаем такой момент. Под удар поставлены такие основополагающие принципы глобального сосуществования, как стратегическая стабильность, равная безопасность и взаимное доверие.

Если кто-то продолжает сегодня сомневаться в том, что «киевский Майдан» долго и тщательно готовился Западом, то остается предположить, что этот кто-то - человек крайне наивный, нежелающий снять розовые очки, чтобы увидеть окружающий его мир таким, какой он есть на самом деле. О всех перипетиях киевского хаоса, организаторах, участниках, спонсорах и пиар-сопровождающих майданной демократии уже сказано и написано немало. Уверен, что процесс анализа и осмысления технологии «оранжевых революций» будет продолжен и нас ожидают многие ошеломляющие откровения и интересные обобщения и выводы.

Однако главный смысл этой статьи - в другом. В том, чтобы попытаться понять цель или цели, которые преследует Запад, активно, беспартийно поддерживавший путч на Украине и, соответственно, несущий прямую ответственность за все последствия - как непосредственные, так и отдаленные - этой безграничной трагедии.

Со времен перестройки в СССР, то есть на протяжении более четверти века, в массовом сознании, как у нас в стране, так и (как считалось) за рубежом, укоренились следующие основополагающие установки: закончилась холодная война, а с ней и фронтальное противостояние конкурировавших военно-политических блоков; в результате мир стал более стабильным и безопасным; ядерная угроза отступила; набирает обороты глобализация; растет (хоть и с перебоями) взаимное доверие между Россией и Западом, развивается сотрудничество и взаимодействие между ними по острым международным проблемам, в частности в деле противодействия новым угрозам и вызовам и т. д. Периодически возникавшие сложности и шероховатости во взаимоотношениях воспринимались, во всяком случае в России, без излишнего драматизма как, возможно, естест-

венные трудности на пути создания и становления многополюсной модели безопасности в мире. Тем более что «перезагрузка» в российско-американских отношениях, которую многие еще явственно помнят, как будто свидетельствовала о желании США, от которых и последовала эта инициатива, решать возникающие проблемы в духе сотрудничества и конструктивного диалога.

Однако этот позитивный тренд, как оказалось, не стал безальтернативным. В недрах западного, особенно американского истеблишмента тлели до конца не прогоревшие головешки холодной войны, которые, мгновенно воспламенившись от украинской искры, буквально на глазах сожгли тонкую и непрочную ткань российско-западного диалога и доверия, которая худо-бедно ткалась последние 20 лет.

Нет сомнения в том, что в США и на Западе в целом есть силы, заинтересованные в обострении отношений с Россией и возвращении мира в эпоху глобальной конфронтации. Согласно устоявшемуся мнению, это прежде всего представители военно-промышленного комплекса, для которых стабильность в мире, сопряженная с замедлением темпов гонки вооружений, - прямой путь к потере прибылей; высокопоставленные военные и функционеры разведсообщества, многие из которых по-прежнему видят мир только в черно-белом цвете и для которых конфронтация - это та стихия, где они чувствуют себя как рыба в воде. И, наконец, это политики, чуть ли не на клеточном уровне заряженные антироссийски, которые видят свое историческое предназначение в разрушении России по сценарию, еще несколько десятков лет назад описанному политологом-реакционером Зб.Бжезинским.

Но ведь, как казалось, в США и других ведущих странах Запада есть влиятельные круги, которые в полной мере осознали суть произошедшего в мире поворота и для которых возврат в эпоху глобальной конфронтации невозможен по определению. Представлялось, что эти круги в состоянии контролировать внутренние процессы в своих странах и сдерживать, если это потребуется, доморощенных военно-политических радикалов. Неужели такое впечатление было иллюзией, простым отражением желания увидеть то, что хотелось видеть, искаженной реальностью? Неужели не «голуби», а «ястребы» все это время реально правили бал в кабинетах и коридорах власти на Западе?

К сожалению, видимо, так оно и есть. Рано или поздно все тайное становится явным. И в этом случае четко выстраивается логика

(если говорить о западной логике) всех тех процессов, которые разворачиваются на наших глазах в течение двух последних десятилетий, в эпицентре которых так или иначе оказывается Россия, вновь ставшая объектом многоуровневого прессинга - и военно-политического, и экономического, и культурного, и даже религиозного. Становится понятным, что события на Украине, которые из конфликтов в Европе последних десятилетий по количеству жертв и разрушений уступают, пожалуй, только югославской трагедии 90-х годов прошлого века, являются совсем не случайными, а закономерными, долго и тщательно готовившимися яйцеголовыми аналитиками и практиками тайных операций.

Не будем отрицать, что для части украинцев Майдан был выражением социального протеста против безграничной коррупции, глубочайшего неравенства в обществе, засилья олигархов, превративших Украину в свою дойную корову. Простой народ просто устал и требовал справедливости. И это понятно и объяснимо. Подавляющее число революций в истории имело социально-экономическую подоплеку, и в этом контексте украинский кризис - не исключение.

Однако необходимо обратить внимание на другое: как социальный - по своей сути - конфликт был опытными кукловодами ловко и умело превращен в мощную антироссийскую кампанию, последствия которой сегодня невозможно в полной мере оценить. Как стремительно и организовано на месте простых протестующих граждан оказались хорошо подготовленные, в том числе и западными инструкторами, боевики из радикально-националистических, профашистских группировок.

В этой связи возникает ряд вполне закономерных вопросов. Ради чего Западу в принципе понадобился столь масштабный кризис в Европе? Зачем потребовалось свергнуть вооруженным путем законно избранного и международно признанного президента суверенного государства, причем столь проблемного, как Украина, даже если его деятельность не удовлетворяла часть общества? Разве для смены власти, в том числе и досрочной, не существует демократических механизмов, закрепленных в Конституции? Массовые волнения во многих европейских странах, прежде всего на волне мирового экономического кризиса, стали в последние годы обычным явлением. Тем не менее ни в одной стране беспорядки не переросли в вооруженные столкновения и тем более в гражданскую войну, несмотря на то, что силы правопорядка во многих случаях

не слишком церемонились с протестующими. Ни в одной из европейских стран социальные протесты и способы их подавления со стороны властей не стали поводом для звучных протестов на правительственно-парламентском уровне в странах «демократического мира» и тем более для прямого внешнего вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Почему на Украине все было не так, как в других случаях? Почему законному руководству на Украине было отказано в праве самому сделать выбор, когда и на каких условиях подписывать пресловутое соглашение об ассоциации с Евросоюзом? Или вообще не подписывать... Разве Украина не суверенное государство, которое само в состоянии определить свою судьбу? По логике Запада получается, что нет. Тогда возникает еще один закономерный вопрос: а действительно ли Запад привержен принципам демократии настолько, насколько стремится всех в этом убедить? Не являются ли все проповеди на сей счет простым прикрытием для достижения им своей главной цели, связанной с сохранением глобальной гегемонии, которая необходима в том числе и для экономической экспансии?

Не стоит забывать, что во имя высоких идеалов демократии были разрушены Югославия, Ирак, Афганистан, Ливия, теперь разрушаются Сирия и Украина. Число жертв безудержной борьбы за демократию, развернувшейся в течение пары последних десятилетий, достигает сотен тысяч человек, если вообще не перевалило за миллион. В свое время госсекретарь США показывал на заседании Совета Безопасности ООН пробирку с каким-то веществом, якобы свидетельствующим о наличии у режима Саддама Хусейна в Ираке оружия массового уничтожения. Это оказалось циничной ложью, однако стало оправданием для агрессии. Не менее цинично выглядят и обращения к демократии, которая в устах американских политических проповедников становится некоей абсолютной индульгенцией от кровавых преступлений.

Понимая, что в этом пасьянсе что-то не так, что-то не складывается, Запад поспешил назначить виновником украинской трагедии Россию и последовательно старается убедить в этом весь мир. Выступая 28 мая 2014 года в военной академии «Вест-Пойнт», Президент США Б.Обама не просто не пытался это скрывать, а преподнес как достижение Америки и ее агитпропа: «Наши возможности по формированию мирового мнения помогли сразу изолировать Россию». При этом все переворачивается с ног на голову. Правый

становится виноватым и наоборот. В подтверждение этого приведем еще ряд выдержек из упомянутого выступления американского лидера. В одной его части он говорит: «Мы и наши союзники, защищая международное право, дали украинцам шанс выбрать свое будущее». В другой - утверждает, что «когда... на Украине люди в масках занимают здание, мир смотрит на Америку и ждет ее помощи». В третьей - заявляет, что «региональная агрессия, остающаяся безнаказанной - на юге Украины, в Южно-Китайском море или где-либо еще в мире, - в конечном счете повлияет на наших союзников и может втянуть нашу армию»¹.

Первые две цитаты выдержаны в духе театра абсурда. Хотелось спросить: кто же все-таки нарушил и продолжает нарушать на Украине как национальное, так и международное право? Кто организовал и спонсировал государственный переворот, который привел к гражданской войне? Кто сделал так, чтобы «провернуть» переворот в Киеве в период Олимпиады в Сочи, пока Россия была, образно говоря, связана по рукам и ногам? Неужели сама Россия? Какие люди в масках заняли правительственные здания в центре Киева в разгар майданного путча? Неужели тоже посланные Москвой? В третьем высказывании Президента США делается прямой намек на Россию и Китай как на агрессоров и содержится скрытая угроза. Но разве угрозы и запугивание - это приемлемый лексикон для общения между державами, являющимися постоянными членами Совета Безопасности ООН в XXI веке? Разве этого ждет от них весь мир? Разве мало на Земле и за ее пределами проблем, требующих совместных усилий ведущих мировых держав? Те, кто развязывают кризисы, подобные украинскому, должны отдавать себе отчет в том, что, провоцируя международную напряженность, они вполне осознанно уводят мир с магистрального пути развития нашей глобальной цивилизации.

Россия - гигантская страна, способная быть вполне самостоятельной. Режим санкций, применением которого Запад, видимо, стремится наставить Россию на «путь истинный» (естественно, в западном понимании), как ни странно, может оказаться для нее полезным. Осознав реальность угрозы, мы наконец-то перейдем от слов к делу и вплотную займемся развитием своей инновационной экономики, приведем в порядок инфраструктуру, выстроим передовую промышленность полного цикла с упором на развитие машиностроения в самом широком диапазоне его направлений, ре-

шим проблему продовольственной безопасности и т. д. Мы часто слышим, как в Европе говорят о важности диверсификации каналов получения углеводородов, имея в виду прежде всего уменьшение роли России в таких поставках. Однако нам тоже следует идти этим же путем и не замыкаться на одном преференциальном получателе продукции отечественного нефтегазового сектора, каковым сегодня является Евросоюз. Заключение в ходе майского визита Президента России В.В.Путина в Китай исторического, рассчитанного на 30 лет соглашения о поставках российского газа в КНР открывает для нашей страны новые масштабные перспективы на этом направлении.

России - стране двух континентов - давно следовало бы в своей внешнеэкономической деятельности уделять больше внимания своим азиатским партнерам, тем более что Азия будет в XXI веке локомотивом мирового развития на фоне затухающей Европы, которая никак не может преодолеть последствий экономического кризиса и общие ресурсы которой для динамичного развития в дальнейшем объективно весьма ограничены.

Всем должно быть понятно, что кризис на Украине - это не просто очередная конфликтная ситуация, которая останется без последствий. Это глубокая рана, и, даже когда она затянется, от нее останется толстый рубец. Рубец прежде всего в сознании россиян, особенно молодежи. В последние годы отношение значительной части российского общества к США и Западу в целом серьезно изменилось в худшую для них сторону. Если этого добивались определенные круги на Западе, то их можно поздравить с успехом. Но здесь напрашивается еще один вопрос: может ли компенсировать для Запада приобретение подобострастно заглядывающей ему в глаза части Украины, которую ему теперь придется и содержать, утрату партнерских отношений с Россией? Является ли в принципе оправданной линия, суть которой можно сформулировать следующим образом: делать все в ущерб России?

Отвечая на вопросы зарубежных журналистов в ходе экономического форума в Санкт-Петербурге в мае 2014 года, Президент России В.В.Путин, заявив, что Москва не будет обслуживать чужие политические интересы, в то же время подчеркнул: «Мы хотим и готовы к равноправному сотрудничеству. И мне кажется, что не только значительная часть общественности европейских стран, да и в самих Соединенных Штатах... но и правящие круги в этих стра-

нах, все прекрасно понимают и на самом деле на конфронтацию не настроены. И нет для этого никаких оснований»².

Для подтверждения этой оценки сошлемся на мнение г-жи Арасели Мангас, широко известного в Западной Европе специалиста в области международного права, профессора Мадридского университета Комплутенсе. Она говорит: «Евросоюз проявил величайшую глупость, превратив переговоры о заключении соглашения [об ассоциации] в крупномасштабный международный кризис. Все началось в 2007 году, когда НАТО отделила Косово от Сербии и разорвала карту Европы. С этого момента, как костяшки домино, посыпались кризисы в Грузии, а теперь на Украине. Запад должен понять, что страна-мост Украина нуждается в правительстве, где представлены все меньшинства, она должна поддерживать хорошие отношения как с Брюсселем, так и Москвой. Если Евросоюз и США продолжают дестабилизировать Россию, то мы можем прийти к возникновению обстоятельств, схожих с теми, которые были в 1914 году»³.

Можно предположить, что в США и Евросоюзе, форсировав смену власти в Киеве, плохо изучили возможные последствия этого шага. Думаю, им казалось, что, как это было в Грузии в 2003 году и на той же Украине в 2004 году, а еще раньше в Югославии, все опять «проскочит». Но ситуация явно вышла из-под контроля и никто не знает, когда и чем все закончится. Не хотелось бы, как это сделала профессор А.Мангас, проводить параллели между 1914 и 2014 годами, но, объективно говоря, они напрашиваются сами собой. Тогда тоже большинство европейских элит не верило в возможность возникновения мировой войны, но запущенный механизм конфронтации привел к необратимым последствиям.

Итак, подведем итог? Чего добивается Запад, и прежде всего конечно, США, на Украине? Ответ в принципе очевиден: распространения зоны своего влияния на Украину с последующим включением этой страны в НАТО и Евросоюз, а попутно изоляции России, которую к тому же собираются еще и сдерживать, как «сдерживали» Советский Союз в разгар холодной войны. Правда, кто кого сдерживал в тот исторический период, - большой вопрос: мы считаем, что сдерживать приходилось как раз Соединенные Штаты, и, надо сказать, эта задача была успешно решена. Возможные последствия таких действий вряд ли в полной мере просчитаны западными, прежде всего американскими, аналитиками.

Приходится констатировать, что Соединенными Штатами и Евросоюзом, который оказался неспособным на собственный «про-тагонизм» в украинских делах, пройден некий условный Рубикон («красная линия», выражаясь современным языком), за которым открывается полоса неизвестности. Сегодня очень трудно себе представить, что в ближайшем будущем будут восстановлены партнерские отношения между Россией и Западом, а о таком понятии, как взаимное доверие, вероятно, нужно забыть до лучших времен, которые неизвестно когда наступят. Слабость сегодняшней Европы напрямую связана с отсутствием харизматичных лидеров, которые в прежние годы задавали тон не только европейскому, но и мировому развитию. Де Голль, Аденауэр, Брандт еще остаются в памяти многих как маяки европейской политики и как государственные деятели, имевшие собственный взгляд на происходившие в мире процессы, которые были не менее, а, скорее всего, более сложными, чем нынешние. В наши дни Европа весьма ограничена в собственном выборе и, к сожалению, обречена быть ведомой.

Рукотворный украинский кризис является либо крупной, стратегической, пока не осознанной до конца ошибкой Запада, который за два десятилетия абсолютного доминирования в известном смысле утратил чувство реальности, либо в головах тамошних вершителей судеб, главным образом, конечно, в Вашингтоне, действительно вызревают какие-то еще более далекоидущие планы, а Украина - это только этап в их реализации. В этом случае речь уже может идти о глобальной угрозе. И возникает еще один очень важный вопрос: сможет ли та часть западных обществ, те политические силы, которые настроены не на конфронтацию, а на сотрудничество и диалог, вовремя это осознать и заблокировать сползание мира к новой «холодной», а при известных обстоятельствах и «горячей» войне. Искренне хотелось бы верить в то, что такое осознание есть и что оно будет только крепнуть.

¹URL: <http://russian.rt.com/article/34016#ixzz335qzgbSW>

²URL: <http://www.1tv.ru/news/polit/259542>

³Quizá fue un error acabar con la Unión Soviética// El País. 7 de mayo de 2014.

Ключевые слова: кризис на Украине, Запад, Майдан, Евросоюз.

Доктор Сречко ДЖУКИЧ

Сербский публицист,
посол в отставке
drsdjukic@yahoo.co.uk

Крах «украинского проекта»

В настоящее время славянские народы переживают еще один острый конфликт. Но история усиленно движется вперед. Не вызывает сомнения, что в этом конфликте «украинский проект» - мечта об Украине как о западном плацдарме (известно для кого), о чем мечталось еще со времен распада СССР, - переживает поражение. Украинская драма приближается к своей кульминационной точке, отмеченной проблемными выборами президента 25 мая, - к границе, после которой следует либо разделение, либо последняя надежда на диалог с народом в целях сохранения своего рода конфедеративной, асимметрической Украины, то есть создания некоего «другого украинского проекта».

Ни в том ни в другом случае нельзя упускать из виду, игнорировать завоевание плебисцита в Восточной Украине, Донецкой и Луганской областях, который состоялся 11 мая 2014 года, и вскоре после этого - провозглашение независимых республик в качестве ядра Новороссии. Новому украинскому президенту будут необходимы большое мастерство и широта политического мышления,

чтобы с помощью всеукраинских внутренних и внешних факторов предупредить окончательный раскол и приблизить переговоры диаметрально противоположных сторон, введя их в конструктивное и конституционное русло.

Что же на самом деле произошло на Украине зимой и весной этого года? Новый политический кризис в стране спровоцирован известной украинской политикой шантажа, которая характеризует все ее режимы - от приобретения «незалежности» до сегодняшнего дня, - и «прорусские», и прозападные. Как говорится в русской поговорке: «И нашим и вашим». Так в течение последних двух десятков лет ведут себя украинские власти: шаг в сторону России, шаг в сторону ЕС, НАТО и США. Попытки незрелой украинской политики и незрелых украинских политиков «дойти» и Запад, и Россию одновременно закончился классическим государственным переворотом. А в результате - полным фиаско.

Мы, в Сербии, которая в последние четверть века пережила все, что могут пережить народ и страна, до сих пор пребываем в недоумении от того, что происходит на Украине после мирного распада Советского Союза и братоубийственного военного кровопролития и уничтожения Югославии. Наши ожидания от Украины были совершенно другими. Казалось, что Украина, будучи православной страной, самой большой по своей территории в Европе, проявит себя как своего рода европейская Канада или Мексика. Однако Украина пошла по другому пути. Должен сказать, что я всегда указывал на неустойчивость политики Украины и «украинской модели» в целом.

Мною немало было написано относительно транзита русского газа в Европу через украинскую территорию, о том, почему Киев при всех режимах проводит политику шантажа по отношению и к России, и к Европе вместо единой политики, которая бы представляла русско-евразийский мост, что стало бы «окном в Россию» и «окном в Европу». В этом случае не нужны были бы ни северный, ни южный газовые коридоры.

Исходя из своего дипломатического опыта должен сказать, что никогда не понимал некоторых из моих украинских коллег - послов, которые «прогибались» перед западными коллегами в попытке быть выше России. Это было печально и смешно - угодничество ко всему, что находится западнее украинских границ, и превосходство над всем, что русское. Ничего подобного я не замечал даже между дипломатами и послами кровно враждующих бывших югославских республик.

Широкая общественность в Сербии с озабоченностью следит за всем, что происходит на Украине. Понятно, что в событиях на Майдане глубоко запустил свои пальцы Запад. Но также ясно, что 2014 год, в котором мы живем, - не одно и то же, что 1999 год, когда НАТО во главе с США совершила агрессию против Сербии и отделила от нее Косово и Метохию. Мир кардинально изменился, и Запад больше не может с помощью силы и различных революций навязывать свою волю и свои интересы.

Всем ясно, что сегодня на Украине Запад потерпел поражение: охотился на волка, а поймал лису, и то, что посеял еще с момента официального завершения холодной войны, сегодня и пожинает. Сербия не раз предупреждала о возможности балканизации Украины, об опасности отделения некоторых ее частей, и о том, что нет никаких особых случаев в международных отношениях, как утверждала внешняя политика США по вопросам Косова. К сожалению, для них Украина не интересна как крупный производитель зерна, с ее бесконечным природным черноземом, как крупный производитель угля, как страна имеющая большую авиационную и другие отрасли промышленности. Она интересна Западу только как поле конкуренции с Россией не в экономическом плане, а в плане безопасности. Украинские режимы всегда были вовлечены в эти игры.

В Киеве, после долгих демонстраций и кровавых боев в феврале этого года, была установлена временная власть с Майдана, перевернувшая все с ног на голову. Власть, которая само суверенное государство превратила в доминион Запада. Украина получила свою «легитимность» от революционного Майдана и морально-политическую поддержку Запада, при этом ей не хватает предполагаемой финансовой поддержки от этих сторон. Как обычно, все зависит от МВФ и его не раз «проверенных» либеральных реформ, в том числе и на Украине.

Поэтому антирусскому правительству в Киеве, несмотря на миллиардные задолженности за газ, произвольно пришлось искать помощи Москвы: на украинский манер бесплатно отбирается газ, чтобы предотвратить банкротство и остановку любой экономической деятельности. После Майдана временная исполнительная власть Украины оказалась в руках членов партии «Батькивщина». Ее лидер, Юлия Тимошенко, «газовая принцесса», олигарх, бывший премьер-министр страны, давно утратила свою популярность. Выставив свою кандидатуру на президентских выборах, «принцесса

оранжевой революции» Майдана 2004 года ожидала всенародной поддержки, сродни той, с которой ее встретили на Майдане после выхода из тюрьмы в конце февраля. Но поскольку ее президентский рейтинг достиг минимального показателя, она пообещала своему народу «третий Майдан».

Национальная партия «Свобода» и объединенные радикалы, экстремисты и неонацисты «Правого сектора» оказывают поддержку и помощь действующей власти в стране. Тем не менее наивно полагать, что они после президентских выборов сложат оружие и уйдут в отставку. Нет, они обещают начать партизанскую войну на юго-востоке страны. В этой политической среде партия свергнутого Виктора Януковича - «Партия регионов», переживающая нокаут после переворота, пытается восстановиться и стабилизироваться.

Те, которым удалось добраться до власти, считают, что победа на Майдане - это карт-бланш для Украины, созданной, по их меркам, так, как если бы они были единственными ее жителями. Находясь у власти в течение нескольких месяцев, они ни разу не удосужились обратить внимание на насущные проблемы Восточной Украины, с которыми сталкиваются люди, проживающие там, на проблемы русскоязычного населения страны. Они все игнорируют и всем пренебрегают. Это по меньшей мере странно, особенно после потери Крыма. Ведь абсолютно очевидно, что Юго-Восточная Украина не принимает Майдан и прикладывает огромные усилия к тому, чтобы решить свои проблемы путем отделения от Киева.

Мы знаем, что Запад и США постоянно бросают вызов России. Но Путин, осознавая это, укреплял позиции страны.

Тем не менее следует отметить, что условия для «возвращения Крыма домой» и ситуация на Украине, приведшая к этому, отнюдь не была спланирована Россией. Генри Киссинджер прав, считая, что В.Путин не планировал вызывать кризис на Украине, речь идет только о его ответе на чрезвычайную ситуацию. Кроме того, Киссинджер обратился к Западу со словами: «Демонизация Путина - это не политика».

Безусловно, неуважение ко всему русскому, хоть и не новость дня, но стало последней каплей, приведшей к восстанию на юго-востоке Украины. Чтобы взять судьбу в свои руки, в Донецкой и Луганской областях были проведены референдумы. Конечно, эти референдумы не являются юридически урегулированными и признанными, как и любой референдум, который проходит без согласия

центрального правительства. Их смысл не в том, чтобы они были юридически признаны, - они как политический факт, который произошел и который не может быть проигнорирован. Высокая явка людей на голосование и поддержка референдума убедительно доказывают, что речь идет не о навязанной политике нескольких незначительных людей, за которыми никто не стоит, а о том, что они отражают реальные настроения народа.

Конфликты с Киевом и ввод вооруженных сил в Донецкую и Луганскую области, а также страшное фашистское преступление в Одессе еще больше подтолкнули население этих частей Украины пойти на референдум и без Киева решать, где и в какой стране они хотели бы жить. Однако военная мощь Киева не убедительна, и не только потому, что власть в Киеве носит временный характер, но и потому, что простые обыватели и армия - против войны (многие военные покидают место боя, не видя перед собой врага и не понимая смысла приказа воевать против своего народа).

Революционный пыл, взгляд на Запад, ненависть ко всему русскому придают силу властям Майдана. Но чем дольше власть отказывается реагировать позитивно на нужды юго-восточной части населения страны, тем больше набирает силу реакция пророссийских регионов. После переворота именно эта часть страны осталась без политического представительства в майданской власти и диалог никому и не с кем было вести. Сегодня, однако, к мнению юго-востока наряду с общим мнением прислушиваются даже в Государственном департаменте США, но только не в Киеве. Повстанцам, федералистам, самообороне и волонтерам удалось заставить всех обратить внимание на эту часть страны и народ и заставить считаться с ними в будущем.

Как прошли президентские выборы на Украине, не важно. Ведь Запад заранее был готов признать их и демократическими, и законными, лишь бы они состоялись. Однако новый украинский президент еще долго будет «хромой уткой» и украинский кризис выборами не закончится - он только лишь входит в финишную фазу.

Прогнозы сбылись: народ устал и проголосовал, чтобы почувствовать хоть какую-то стабильность. Президентская победа улыбнулась уже в первом туре Петру Порошенко, «шоколадному» олигарху, который работает на российском рынке, бывшему министру в администрации Кучмы, Ющенко, Януковича.

Кто бы ни побеждал в избирательной кампании, повторяются старые лозунги. Как у нас говорят: «Сјаши Курта да узјаше Мурта»,

или по-русски: «Сменили шило на мыло!» И сегодня в постизбирательной Украине ничего нового не произойдет. С приходом новых лиц во власть появится некое пространство для маневра - если они вообще будут в состоянии сделать это. В любом случае выборы, прошедшие на Украине, еще раз подтвердили несостоятельность «украинского проекта», сформированного в первые дни украинской «незалежности», сутью которого остается политика преклонения перед Западом, в то время когда весь украинский народ и страна живут за счет России-матушки.

Если у нового правительства есть желание спасти Украину, оно должно создать новую украинскую государственность («новый украинский проект»), построить ее так, чтобы она существенно отличалась от предыдущей. Включать в проведение «круглых столов» и референдумов всех и вся, пытаясь привлечь тех, кем уже был проведен референдум, а не только лояльных Майдану и президенту.

К тому же в процессе работы над Конституцией - «новым украинским проектом» пророссийское меньшинство должно предварительно получить «золотые акции» и возможность ими распоряжаться. Позиция Украины в международных отношениях должна быть сформирована по другим стандартам, начиная с принципа одинаковой безопасности для всех, как внутри страны, так и за ее пределами.

Хотя в нынешних условиях создается впечатление, что начавшийся процесс фрагментации на Украине уже трудно остановить.

Белград, 27 мая 2014 года

Ключевые слова: украинская драма, Юго-Восточная Украина, Майдан, Запад и США.

Павел Завальный:

«Украина потребляет около 51 млрд. кубометров газа в год. Сама же добывает около 21 миллиарда, 28 миллиардов экспортирует. Любой газ, который поступает на территорию Украины, - это российский газ, неважно, откуда, из какой страны он поступает. Схемы поставки могут быть разными. И газ, поставляемый по реверсу, о котором идет речь, будь то виртуальный или физический, прежде чем направить на Украину, поставщику надо купить у «Газпрома» по согласованной в контракте цене».

Антон Варфоломеев:

«Наблюдается определенный дуализм: с одной стороны, международный терроризм - «классическое» преступление; общеуголовное деяние, которое криминализировано в рамках большинства национальных юрисдикций уже многие десятилетия. С другой стороны, с некоторых пор это также угроза для международного мира и безопасности, в целях противодействия которой вводятся международные санкции, применяются вооруженные силы и средства, подтверждается право государств на самооборону».

Валерия Занина:

«В случае если Конвенция Монтрё не будет распространяться на новый пролив, военный флот нечерноморских держав, пройдя Дарданеллы (пусть даже без нарушений), сможет оставаться в новом проливе, не ограничивая себя 21-дневным сроком пребывания (ст. 18). Более того, Босфор-2 может стать стоянкой для «тяжелых» судов вплоть до авианосцев (несмотря на запрет конвенции размещать базы в проливах), а также элементов ПРО морского базирования «Aegis», нацеленных на перехват межконтинентальных баллистических ракет».

Павел ЗАВАЛЬНЫЙ

Президент Российского газового общества, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по энергетике
zavalnyi@duma.gov.ru

Россия и Европейский союз нацелены на диалог и стратегическую кооперацию

«Международная жизнь»: Павел Николаевич, ваш доклад открывал ежегодную, IX Международную конференцию «Энергетический диалог Россия - ЕС: газовый аспект». Как сказалось на ее проведении осложнение отношений России и Европы из-за ситуации на Украине?

Павел Завальный: Конференция «Энергетический диалог Россия - ЕС: газовый аспект» - это совместное мероприятие, которое Российское газовое общество и Европейский союз газовой промышленности проводят при участии Генерального директората Еврокомиссии по энергетике уже много лет. Сначала местом проведения был Берлин, но уже три года мероприятие проводится в Брюсселе как центре принятия решений в области энергетической политики ЕС. Как правило, все наши конференции проходили очень содержательно,

Беседу подготовила и провела Евгения Пядышева, ответственный секретарь журнала «Международная жизнь».

конкретно, иногда остро, в них всегда принимали участие чиновники высокого уровня с обеих сторон, парламентарии, топ-менеджеры крупнейших энергетических компаний, эксперты и ученые.

Очередная конференция была запланирована на середину мая 2014 года еще в прошлом ноябре, когда у меня была встреча с генеральным директором Генерального директората Еврокомиссии по энергетике Филиппом Лоу. Проведение мероприятия было намечено на 14 мая, в преддверии европейских парламентских выборов и последующих изменений в составе руководства Еврокомиссии. Мы планировали традиционно обсудить актуальные вопросы энергетического сотрудничества, которые существуют между Евросоюзом и Россией, определить текущие тенденции, проблемы, требующие решения, в том числе в части реализации «Третьего энергопакета» реформ европейского рынка газа, и по итогам мероприятия передать наработанное вновь избранным парламентариям и чиновникам. Еврокомиссия подтвердила свой интерес к конференции и важность ее проведения для развития российско-европейских отношений в области энергетики.

Но уже на последнем этапе подготовки мероприятия сказала ситуация, сложившаяся на Украине и существенно обострившая отношения по линии Россия - ЕС. В конце апреля нам было объявлено, что ни еврокомиссар по энергетике Гюнтер Эттингер, ни нынешний глава Генерального директората Еврокомиссии по энергетике Доминик Ристори участия в конференции не примут именно по политическим соображениям.

Мне эта позиция не совсем понятна. Да, у нас всегда были риски с поставками газа через Украину, практически на протяжении всей истории сотрудничества после распада СССР, потому что наш основной транзит энергоресурсов осуществляется именно через Украину. Раньше он составлял почти 90%, сегодня - 55%. Это всегда создавало определенные проблемы. Понятно, что в сегодняшних условиях необходимо решать возникающие вопросы, учитывая высокую зависимость Европы от импортных энергоресурсов, и не только российских газа и нефти (импорт которой составляет 90%). В Европу поступает уголь из Америки, России и других стран. Европа сегодня ни по одному из видов энергоресурсов не обеспечит себя в полном объеме. В задачу конференции входило обсуждение этих вопросов, в том числе и транзита газа через Украину, как текущего, так и перспективного. И если Еврокомиссию волнуют эти

вопросы, зачем же уклоняться еще от одной возможности поиска пути их решения? Рассматривалась и политическая составляющая - как сложится ситуация на Украине, к чему это может привести и как компенсировать потенциальные риски?

Также на повестке дня были вопросы перспектив нашего сотрудничества, потребностей Европы в газе, возобновляемых энергетических источников, просматривались разные сценарии развития газового рынка.

На мой взгляд, несмотря на отсутствие ведущих политиков и первых лиц энергетических компаний, конференция прошла очень конструктивно. В ней приняли участие более 200 человек, в том числе представители «Еврогаза», Международного газового союза, «Газпрома», эксперты и аналитики. Содержательная часть не пострадала, прозвучали серьезные доклады на экономические и политические темы, которые будут опубликованы. По итогам конференции было принято совместное заявление. Раньше на конференциях такого рода документы не принимали. Но на сей раз надо было зафиксировать, что мы думаем о сложившейся ситуации, в том числе в связи с событиями на Украине, о перспективах развития отношений России и ЕС в газовой сфере. В основу заявления был положен тезис о том, что мы не просто торговые партнеры, мы выступаем за диалог и стратегическую кооперацию.

Российская сторона предполагает кооперацию с западными компаниями по добыче, транспортировке газа, его реализации, создание и обмен активами в энергетической сфере, что образует еще более надежную и безопасную основу для долгосрочных поставок наших энергоресурсов в Европу.

«Международная жизнь»: По результатам этой конференции какое у вас создалось впечатление, будет ли некое ухудшение отношений с Европой?

П.Завальный: Уверен, что в перспективе - нет. Это не нужно никому из нас. Европа в условиях нынешнего кризиса еще раз рассмотрела вопросы обеспечения собственной экономики энергией и поняла, что без России не обойдется. При любых сценариях Европе нужен российский газ. Мы поставляем 30% импортируемого Европой газа. Сейчас в Европе добыча составляет около 260 млрд. кубометров при потребности более 500 миллиардов, то есть Европа сама обеспечивает добычу газа только наполовину.

Но мы говорим о взаимозависимости. Сегодня более 70% валютной выручки наша страна получает за счет экспорта нефти и газа. И Европа является для нас основным рынком сбыта нефти, газа и угля. Для нашей страны это источник поступления валюты. Нам нужны деньги для структурной перестройки экономики, для решения социальных проблем, для разработки и приобретения новых технологий. Необходимы инвестиции. Мы открыты для полноценного сотрудничества. Экономический форум, прошедший в конце мая в Санкт-Петербурге, лишний раз подтвердил приверженность нашего государства, правительства тем решениям, которые были приняты в части формирования и поддержки благоприятного инвестиционного климата. Мы подтверждаем, что готовы выполнять долгосрочные обязательства в энергетической сфере, и делаем все для дальнейшего укрепления взаимовыгодных отношений.

«Международная жизнь»: Как вы считаете, американский сжиженный природный газ (СПГ) может составить конкуренцию российскому газу на европейском рынке?

П.Завальный: Нет. Я прекрасно знаю ситуацию по американскому рынку, думаю, что американский СПГ не составит конкуренцию России. Во-первых, экспертная оценка цены для Европы составит примерно 450 долларов за тысячу кубов. Россия же сегодня поставляет газ в Европу по цене 350-360 долларов. Наш газ более конкурентоспособный по этому параметру.

Кроме того, терминалы по сжижению газа, которые строятся в Америке, и те компании, которые имеют лицензию на экспорт СПГ из Америки, ориентированы прежде всего на страны АТР. Там цена на газ в 1,5 раза выше, чем на европейском рынке. Теоретически американский СПГ может в какой-то степени заменить российский газ, практически - нет. Во всяком случае, с точки зрения экономической логики.

«Международная жизнь»: Теперь о поставках газа на Украину. С вашей точки зрения, какой самый вероятный выход из сложившейся ситуации?

П.Завальный: Думаю, что мы придем к тому, что Украина будет своевременно платить за газ. Принято решение перевести ее на полную предоплату, пока не научится платить за газ.

«Международная жизнь»: Как насчет реверсного газа?

П.Завальный: Это все спекуляции - не более того. Украина потребляет около 51 млрд. кубометров газа в год. Сама же добывает около 21 миллиарда, 28 миллиардов экспортирует. Любой газ, который поступает на территорию Украины, - это российский газ, неважно, откуда, из какой страны он поступает. Схемы поставки могут быть разными. И газ, поставляемый по реверсу, о котором идет речь, будь то виртуальный или физический, прежде чем направить на Украину, поставщику надо купить у «Газпрома» по согласованной в контракте цене. Да, бывают варианты, когда при контракте «бери или плати» у компании-покупателя появляются излишки выкупленного и в полном объеме оплаченного газа. В этом случае его можно не закачать в подземные хранилища, а продать, например Украине, по реверсу. Но цена на этот газ, естественно, не будет ниже закупочной. Поэтому утверждение, что цена реверсного газа ниже цены российского газа, - это утопия.

Практика реверсных поставок показала, что все, что Украина получала по виртуальному или физическому реверсу с территории Польши или Словакии, было дороже, чем газ, полученный напрямую из России. И за этот газ приходилось платить исправно. Ни одна западная компания без своевременной оплаты газ поставлять не будет. Г-н Сирелли, президент Европейского союза газовой промышленности, президент «Газ де Франс», с кем Украина вела переговоры о поставках газа, на конференции на мой прямой вопрос, готовы ли они ждать оплаты месяц-два, ответил, что не готовы. Если товар поставлен, он должен быть оплачен.

«Международная жизнь»: Сейчас достаточно много говорят о том, что в Евросоюзе надо ввести единую цену на поставки газа из России, включая и украинские контракты. Это реально?

П.Завальный: С точки зрения экономики и рыночной логики ценообразования это бессмыслица. Во всех странах - разная себестоимость доставки газа до потребителей, разная система налогообложения, разное ценообразование. Так, Украине мы платим самую высокую в Европе и мире цену за транзит газа - 3,7 доллара за 1 тыс. кубометров. Понятно, что ее компенсируют конечные потребители. Через Белоруссию и Польшу транзит стоит дешевле. Уже поэтому не может быть одна цена для всех.

А то что в Польше выдвигаются такие идеи, можно объяснить лишь ее стремлением решить какие-то свои конъюнктурные задачи, либо политические, либо связанные с желанием понизить цену на газ для себя.

«Международная жизнь»: Полная загрузка «Северного потока» и в обозримом будущем строительство и запуск «Южного потока» снизят риски транзита через Украину?

П.Завальный: Да, полностью. Через «Северный поток» при условии полной загрузки в год будет проходить 55 млрд. кубических метров газа. Это уже частично снимет нагрузку на транзит через Украину. В общей сложности в 2013 году через Украину прошло 55% экспорта газа, 86 млрд. кубометров. Загрузка «Северного потока» сегодня - около 25 миллиардов. То есть остается около 55 млрд. кубов, идущих через Украину. Полностью снять риски поможет только «Южный поток». Проектная производительность четырех ниток «Южного потока» - 64 млрд. кубометров в год. Загрузка «Южного потока» полностью исключит транзитные риски, связанные с Украиной. Первая нитка газопровода производительностью 16 миллиардов в год должна быть запущена в 2016 году. Это позволит обеспечить надежность поставок, прежде всего в Юго-Восточную Европу.

В Западную и Центральную Европу мы можем поставлять газ через «Северный поток» и газопровод Ямал - Европа. Юго-Восточная Европа, такие страны, как Болгария, стопроцентно зависят от российского газа. Чехия, Словакия, Венгрия - 78%. Зависимость очень большая. Поэтому со строительством «Южного потока» согласились как страны - участницы проекта, так и в целом Евросоюз. В пользу строительства нового газопровода говорит и тот факт, что в конце апреля в условиях политического кризиса, связанного с Украиной, Австрия вновь согласилась участвовать в строительстве «Южного потока», чтобы газ, который будет поступать, дошел до Австрии, до расчетного центра Баумгартнер.

«Международная жизнь»: Трансадриатический трубопровод для природного газа (TAP) составит конкуренцию «Южному потоку»? Или загрузка так мала, что его не стоит брать в расчет?

П.Завальный: Что касается газопровода TAP, то для него газ есть. Проектная производительность второй фазы эксплуатации ме-

сторождения Шах-Дениз - 10 млрд. кубометров в год. Это с учетом потребностей Европы. Сегодня Европа, как уже было сказано, расходует около 500 млрд. кубов газа, сама добывая половину. Темпы прироста спроса прогнозируются на уровне 0,5% в год, до 600 миллиардов к 2040 году. При этом темпы падения собственной добычи каждый год составляют 5-6 миллиардов. Газ из Азербайджана будет проходить по территории Турции, где уже намечается нехватка газа. Турция, в отличие от Украины, газ будет потреблять и оплачивать. Думаю, для Турции будет очень выгодно покупать газ по этому проекту и в полном объеме до Европы он вряд ли дойдет.

Поэтому этот газопровод серьезной конкуренции российскому газу составить не может. Те объемы, в которых нуждается Европа, поставить может только Россия.

«Международная жизнь»: Каково ваше впечатление от контрактов, которые были подписаны в ходе визита В.В.Путина в Китай?

П.Завальный: Впечатление самое позитивное. Как любой потребитель пытается диверсифицировать поставки, так любой производитель пытается диверсифицировать их направление. И то что мы развиваем поставки в восточном направлении ранее нефти, а сейчас газа, - это очень хорошо. Здесь надо учитывать и экспорт СПГ. Экспорт нефти и газа в восточном направлении расширяет возможности решения наших социальных проблем, перестройки экономики и позволяет развивать целые территории, а это главное.

Что касается восточного направления в целом, там мы имеем большие ресурсы газа, в том числе на Чаяндинском и Ковыктинском месторождениях. Для их разработки нужен был крупный потребитель. Восточная программа задумывалась не для того, чтобы осчастливить китайский народ или обеспечить Китай энергоресурсами и получить выручку. Тем более что стоимость строительства газопровода очень высокая и цена, которая согласована с китайцами, по экономической эффективности ниже, чем в Европе. В то же время эта цена окупает проект и при этом решает основную задачу восточной газовой программы - развитие Сибири и Дальнего Востока: создание новой инфраструктуры, строительство дорог, аэропортов, коммуникаций, обеспечение региона энергетикой. Все это создает основу для развития территории, которую иначе можно геополитически просто потерять.

Переоценить значимость китайского контракта для развития нашей страны невозможно. Это десятки тысяч рабочих мест, загрузка нашего строительного комплекса, наших заводов, это новый импульс развития территорий. К тому же - высокие технологии, необходимые для комплексного освоения месторождений, использования всего компонентного состава газа, того же этана и гелия, которыми богаты эти месторождения. В рамках проекта будет строиться самый мощный в мире газоперерабатывающий и газохимический комплекс в Белогорске производительностью 60 млрд. кубометров в год. Уже через четыре года мы сможем создать необходимые мощности и начать поставки газа в Китай. И вы увидите через несколько лет, как будут эти территории благоустраиваться.

Ключевые слова: конференция «Энергетический диалог Россия - ЕС: газовый аспект», российский газ, европейский рынок газа, поставки газа на Украину.

Антон ВАРФОЛОМЕЕВ

Доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Нижний Новгород),
кандидат политических наук
varfanton@yandex.ru

О ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Несмотря на серьезные усилия, прилагаемые всем мировым сообществом, проблематика новых вызовов продолжает определять повестку дня современной международной безопасности, а ключевая из негосударственных угроз - международная террористическая деятельность - остается предметом главной озабоченности всех ведущих государств и международных организаций.

Безусловно, пальма первенства в непосредственной борьбе с терроризмом принадлежит государственным правоохранительным органам и спецслужбам. Однако долгое противостояние с хитрым и хорошо организованным врагом привело специалистов к однозначному пониманию того, что ощутимо снизить уровень террористической опасности даже в отдельном регионе планеты можно лишь в том случае, когда силовые меры контртеррора дополняются решением про-

блем социальной нестабильности и межэтнической напряженности, которые подпитывают терроризм; вымещением идеологии радикализма и экстремизма; разрушением финансовой и инфраструктурной основы террора*. Именно поэтому в наши дни мы вполне обоснованно можем говорить о социальных, финансово-экономических, организационных и иных технологиях противодействия терроризму. Очевидная цель столь широкой разнонаправленности антитеррористических векторов - повысить эффективность в устранении ключевой угрозы международному миру и безопасности XXI века.

В данной статье мы хотим сфокусировать внимание на политико-правовой составляющей противодействия международной террористической деятельности. Не умаляя значения перечисленных выше технологий противодействия терроризму, отметим, что политико-правовое направление антитеррора играет особую роль. Во-первых, это обусловлено самой сущностью терроризма, который является видом политически мотивированной преступности. Во-вторых, говоря о международной террористической деятельности, нельзя не констатировать, что в целом ряде исторических случаев отдельные правительства «заигрывали» с террористами, пытались использовать их для решения собственных узкополитических задач, в частности для дестабилизации ситуации в соседних странах, и с другими противоречащими духу и букве международного права целями. Для обозначения такой деятельности в свое время Генассамблея ООН ввела в официальный оборот термин «политика государственного терроризма». В этом плане четкая юридическая квалификация террористической деятельности, не оставляющая возможности для двусмысленностей, и грамотное политико-правовое сопровождение контртеррористических мер являются необходимым залогом устранения важнейшей угрозы международному миру и безопасности.

А начать разговор о конкретных политико-правовых технологиях противодействия международной террористической деятельности мы считаем целесообразным с проблемы ее вписывания в отраслевой

*Показательной в этом плане можно считать переориентацию подхода отечественного законодателя к формированию правовой базы антитеррористической деятельности. На смену Федеральному закону «О борьбе с терроризмом» 1998 г., нацеленному в первую очередь на силовые меры, пришел действующий Федеральный закон «О противодействии терроризму» 2006 г. (в обоих случаях выделено нами. - А.В.). Помимо основного предмета предыдущего нормативного акта последний обозначил в качестве ключевых направлений антитеррора также предотвращение терроризма и ликвидацию (минимизацию) последствий террористической деятельности.

нормативно-правовой контекст. Постановка данного вопроса представляется нам как никогда актуальной не только с теоретической, но и с практической - в интересах действенной квалификации - точки зрения.

Какая правовая система и отрасль права должна превалировать при юридической оценке международной террористической деятельности?

В рамках национальной правовой системы к данному виду международной преступности применяются стандартные лекала уголовного права, и ее конкретные проявления квалифицируются как общекриминальные деяния по соответствующим статьям уголовного закона. Дополнительно внутренние антитеррористические меры могут применяться по конституционному и административному законодательству, однако они носят преимущественно организационно-правовой характер.

В формате международного права оценка и квалификация международной террористической деятельности может проводиться с учетом целого арсенала норм, имеющего разноотраслевой характер: здесь и содержание международного уголовного права, и права международной безопасности, и даже международного гуманитарного права. Сталкиваясь с таким положением вещей, некоторые специалисты даже утверждают существование самостоятельной отрасли *международного антитеррористического права*, которая может вобрать в себя элементы всех других отраслей, относящиеся к международному противодействию терроризму¹.

Таким образом, наблюдается определенный дуализм: с одной стороны, международный терроризм - «классическое» *преступление*; общеуголовное деяние, которое криминализовано в рамках большинства национальных юрисдикций уже многие десятилетия. С другой стороны, с некоторых пор это также *угроза для международного мира и безопасности*², в целях противодействия которой вводятся международные санкции, применяются вооруженные силы и средства, подтверждается право государств на самооборону.

Следование подобному двусоставному подходу на практике имеет негативные последствия, которые выражаются в отрыве международного и национального уровней квалификации друг от друга. Как следствие, то же происходит и с мерами противодействия международной террористической деятельности. Если мы трактуем ее как одно из ординарных насильственных преступлений и сводим квалификацию к тому или иному составу, описанному в уголовном законе, выпадает «макроуровень», который предусматривает между-

народное политическое взаимодействие и сотрудничество по праву международной безопасности. Если, наоборот, выводим оценку и квалификацию исключительно на надгосударственный политический уровень, могут выпадать традиционные инструменты уголовно-правового противодействия национального характера.

Таким образом, наблюдается определенный антагонизм подходов к противодействию международной террористической деятельности, которые осуществляются на национальном и интернациональном уровнях. Между тем картина должна быть совершенно иной: они должны дополнять друг друга, повышая тем самым эффективность антитеррористических мер.

Руководствуясь данным принципом, можно предложить единую модель политико-правовой квалификации международной террористической деятельности. В обобщенном виде она представлена на нижеследующей схеме.

На схеме просматриваются два варианта реагирования государств и международных организаций на международную террористическую деятельность. При этом каждый из них может быть соотнесен с определенным этапом практических мер в сфере антитеррора.

На первом этапе международная террористическая деятельность трактуется как *международное преступление*³, субъектом которого выступает то или иное государство, оказывающее активное содействие террористическим организациям и другим транснациональным криминальным структурам. Такое преступление может посягать на целый ряд основополагающих норм международного права, в частности на принципы, как они трактуются в Декларации о принципах международного права⁴.

Так, раскрывая содержание принципа, согласно которому государства воздерживаются от угрозы силой или ее применения, Генеральная Ассамблея ООН указала, что каждое государство обязано воздерживаться от организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в актах гражданской войны или террористических актах в другом государстве или от потворствования организационной деятельности в пределах собственной территории, направленной на совершение таких актов, в том случае, когда они связаны с угрозой силой или ее применением. Говоря о принципе невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, Генассамблея определила, что ни одно государство не должно организовывать, помогать, разжигать, финансировать, поощрять или допускать вооруженную, подрывную или террористическую деятельность, направленную на изменение строя другого государства путем насилия. Собственно, нарушая свои, в том числе упомянутые выше, принципиальные обязательства по международному праву, государства и совершают международные преступления.

В частности, случаи крайне деятельного соучастия в преступной активности негосударственных субъектов могут трактоваться как косвенная агрессия со всеми возможными последствиями (реализацией права на самооборону и другими репрессалиями, коллективными санкциями, репарациями и пр.). При этом регулировать ответные действия должны надгосударственные инструменты, прежде всего релевантные нормы международного права.

Установление его грубейших нарушений - каковыми являются международные преступления - в рамках международных судебных

ных процедур, конечно, отвечало бы идеальной схеме. Однако на практике определение виновности (а точнее, *неправоты*) и реализация ответственности государств производится преимущественно во внесудебном порядке - посредством решений Совета Безопасности ООН либо законных действий самого пострадавшего государства - односторонних либо при коллективной поддержке (например, в рамках реализации того же права на самооборону, гарантированного ст. 51 Устава ООН)⁵.

Продолжим рассмотрение двухуровневой квалификации международной террористической деятельности. В случае успеха на первом этапе - когда значение угрозы заметно снижено, а виновное государство несет ответственность, которая предотвращает появление рецидивов, - происходит переход ко второму этапу. Осуществляется деполитизация террористических угроз, и наступает период практического им противодействия, прежде всего посредством реализации внутригосударственных уголовно-правовых норм. Интересам такой работы будет соответствовать квалификация международной террористической деятельности уже как *преступлений международного характера*⁶. Пусть это и неординарные криминальные деяния, но их субъектами тем не менее должны стать конкретные физические лица, которые будут привлечены к уголовной ответственности в конкретной стране.

Здесь необходимо сделать пояснение по вопросу преследования преступлений международного характера в соответствии с законами той или иной юрисдикции. В нашей схеме (на этапе международной деполитизации) мы не предложили альтернатив внутригосударственному противодействию на основе уголовно-правовых и иных норм. В этой связи может возникнуть вопрос о *международной уголовной юрисдикции**: нельзя ли планировать ее применение в отношении международных террористов? Представляется, что данный подход является бесперспективным. Создание специальных международных «антитеррористических трибуналов» либо включение террористических преступлений (в их деполитизированном пони-

*Как известно, в общем виде под юрисдикцией понимаются пределы компетенции того или иного суда либо другого органа государственной власти. В этом плане считается, что положения о *международной уголовной юрисдикции* содержатся, в частности, в Римском статуте Международного уголовного суда, а также уставных документах международных ad hoc судебных инстанций, например в Уставе Международного трибунала по бывшей Югославии.

мании, а не как правительственной поддержки диверсионно-террористической деятельности) в юрисдикцию Международного уголовного суда - лишь темы для политических дискуссий.

Мы убеждены, что необходимо не искать замену правоприменительной практике на национальном уровне, а повышать эффективность таковой, в том числе за счет планомерного развития международного антикриминального сотрудничества, перенятия передового зарубежного опыта и лучших практик. В этом плане, возможно, не лишена здравого смысла идея о реализации в отношении террористов *универсальной юрисдикции* как права любого государства на захват таких преступников и их предание своему суду - по аналогии с борьбой против пиратов*. Однако в данном контексте «универсальность» заключается в том, что пиратство криминализируется в любой юрисдикции, и конкретное преступление может получить должную правовую оценку с точки зрения уголовного закона любой страны, захватившей морских бандитов. Таким образом, речь идет не о надгосударственном механизме, а об особом - отталкиваемом от экстерриториальности - механизме национального правоприменения.

Считаем важным сделать еще одно уточнение. В рамках наших рассуждений мы представили бинарную квалификацию международной террористической деятельности, как если бы это был последовательный процесс. Может показаться, что на условном начальном этапе происходит работа с государством - соучастником террористов и лишь с завершением этой фазы стартует правоохранительная работа, которая ставит целью привлечь к ответственности конкретных авторов и пособников террористических акций. Конечно, здесь имеет место серьезное упрощение. Совершенно бессмысленно с точки зрения эффективности разводить данные этапы по времени. И оперативно-разыскная деятельность, и дипломатическая работа с государствами - пособниками тер-

*Принято считать, что *универсальная юрисдикция* - один из видов экстерриториальной уголовной юрисдикции, подразумевающий компетенцию государства по привлечению к уголовной ответственности и наказанию индивидов безотносительно к месту совершения преступления либо гражданству обвиняемого или потерпевшего. Отмечается, что данный вид юрисдикционной компетенции основывается главным образом на характере преступлений, уголовное преследование которых представляет «универсальный» интерес для всего международного сообщества. Так, любое государство может захватывать международных пиратов в открытом море - вне зависимости от гражданства таких лиц - и в дальнейшем предавать их суду в соответствии с положениями своего внутреннего законодательства.

рористов, безусловно, могут проходить параллельно. Последовательность нашей схемы относится лишь к внутренней логике процессов, а также собственно к квалификации международной террористической деятельности.

И еще несколько слов об организации политико-правового противодействия международной террористической деятельности - с акцентом на роль внешнеполитических органов. Ранее мы рассуждали о различных вариантах надгосударственного судебного и внесудебного реагирования на транснациональные террористические угрозы. Однако не секрет, что при целом ряде обстоятельств следование идеализированным схемам наднационального устранения угроз международной безопасности, которые заложены в Уставе ООН и других основополагающих документах, весьма затруднительно, а эффективность таких мер сильно хромает. Поэтому, отдавая должное ключевой роли Совета Безопасности ООН, равно как и желательную возрастающую роль международных судебных институтов, приходится признавать, что в наши дни именно государства продолжают принимать на себя главную ответственность за противодействие транснациональной террористической деятельности не только на своей собственной территории, но и в международном масштабе.

Учитывая это, можно говорить о специфическом обособленном участке политико-правового сопровождения международного антитеррора. Дипломаты, безусловно, не могут претендовать на лавры сотрудников правоохранительных органов и спецслужб, задействованных в «горячей» стадии борьбы с террористами и другими международными преступниками. Последние - «эксклюзивный клиент» правоохранителей, которые обеспечивают неотвратимость уголовного преследования и предания правосудию. Однако сотрудники внешнеполитических органов не имеют профессиональных конкурентов при работе в межгосударственном формате. Именно на их плечи ложится сложнейшая, зачастую, казалось бы, безнадежная миссия по убеждению иностранных правительств отказаться от поддержки экстремистов и террористов в других юрисдикциях, какими бы соображениями такая поддержка ни оправдывалась. Именно от их самоотдачи в работе зависит, будут ли нормы международного права по борьбе с терроризмом приниматься другими государствами декларативно либо они действительно станут *modus operandi* для всех субъектов международных отношений.

Таким образом, переоценить значение политико-правовых технологий противодействия международной террористической деятельности весьма сложно. И в значительной степени их успешным применением будет определяться результат борьбы с главной негосударственной угрозой международному миру и безопасности нашего времени.

¹См., например: Международное публичное право: Учебник / Отв. ред. К.А.Бекяшев. 5-е изд. М., 2011. 1008 с. В учебнике выделена самостоятельная глава XXIV «Международное анти-террористическое право».

²Именно так квалифицировал Совет Безопасности ООН террористические атаки на США 11 сентября 2001 г., впервые придав подобный статус угрозе, имеющей негосударственное происхождение (резолюции 1368 и 1373). В своих решениях Совет прямо сослался на главу VII Устава ООН и подтвердил право государств на самооборону в ответ на масштабные террористические атаки, подключив, таким образом, к борьбе с международным терроризмом нормы права международной безопасности. Особо обращает на себя внимание размытая квалификационная формулировка, использованная Совбезом: «Такие действия [террористические нападения 11 сентября 2001 г. на Нью-Йорк, Вашингтон и Пенсильванию], как и *любой акт международного терроризма* (выделено нами. - А.В.), представляют собой угрозу для международного мира и безопасности» // Резолюция 1373 Совета Безопасности ООН от 28 сентября 2001 г. // [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1373\(2001\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1373(2001))

³Проект статей об ответственности государств, подготовленных в свое время Комиссией международного права ООН, указывал, что *международное преступление* составляет «международно-противоправное деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление перед международным сообществом в целом» (см.: Международное право: Учебник. М.: Междунар. отношения, 2001. С. 293-294). Л.А.Моджорян описывала международное преступление как посягательство на само существование государства и нации (*Моджорян Л.А. Субъекты международно-правовой ответственности // Советское государство и право. 1969. №12. С. 122*).

⁴Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г. // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml

⁵Вспомним, что за все годы существования Международного суда ООН им не было вынесено ни одного положительного решения по обвинениям в агрессии. Они были сняты даже в рамках беспрецедентного судебного разбирательства по делу Никарагуа против США. Суд согласился с обвинениями Вашингтона не в косвенной агрессии, а в нарушении

нии обязательства не вмешиваться в дела другого государства (см.: Решение Международного суда от 27 июля 1986 г. по делу о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа // www.icj-cij.org/homepage/ru/sum_1948-1991.pdf). Отметим, что судебные разбирательства по международным преступлениям, если следовать идеализированной правовой логике, были бы необходимы в интересах привлечения к ответственности высших должностных лиц, принимавших решения о поддержке криминальной деятельности негосударственных субъектов в других юрисдикциях. Ведь при деполитизации конкретных дел в рамках национальных судебных процедур к ответственности обычно привлекаются лишь исполнители из числа участников террористических организаций и незаконных вооруженных формирований.

⁶Профессор Э.С.Кривчикова определяет *преступления международного характера* как преступления, совершаемые отдельными лицами или группами лиц не от имени государства, но имеющие международные последствия (Международное право: Учебник. М.: Междунар. отношения, 2001. С. 295).

Ключевые слова: терроризм, международное право, международное сотрудничество, квалификация.

Валерия ЗАНИНА

Атташе Историко-документального
департамента МИД России, аспирантка кафедры
внешней политики России Дипакадемии МИД
VPolyanina@yandex.ru

Конкурс молодых дипломатов

Из Кремля Босфор не виден

«Судходство в Босфоре будет прекращено» - с таким заявлением выступил в апреле 2011 года премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган перед многотысячной турецкой аудиторией, предложив в качестве альтернативы действующего пролива Босфор новый «грандиозный проект» - пролив Босфор-2 (официальное название - «Канал Стамбул»)¹. Поднятый в преддверии парламентских выборов вопрос о строительстве канала сразу же после победы правящей Партии справедливости и развития (ПСР) рисковал быть забытым. Однако из заявлений турецкого правительства накануне президентских выборов в августе этого года стало понятно, что работа над проектом продолжается и уже предприняты практические шаги по его реализации². С определенной долей скептицизма план Эрдогана тем не менее взволновал турецкое и мировое сообщество в связи с необходимостью прояснения юридического статуса нового пролива и ненужным ажиотажем вокруг действующих проливов Босфор и Дарданеллы.

Турецкая сторона не предоставила внятных объяснений относительно статуса Босфора-2, озвучив лишь ряд предложений по его использованию.

Если речь идет исключительно о строительстве дополнительного отводного морского пути из Мраморного моря в Черное без запрета на судоходство через Босфор, тогда логично ставить вопрос о распространении действия Конвенции Монтрё на Босфор-2. Распределение объема перевозок сняло бы чрезмерную загруженность действующего пролива вблизи крупнейшего турецкого мегаполиса и связанную с этим опасность экологической катастрофы, которую турки выдвигают в качестве основной причины для нового строительства. При этом об особом статусе Босфора-2 свидетельствуют намерения Турции взимать плату за его проход с иностранных судов, что является прямым нарушением ст. 2 Конвенции Монтрё. Если же действие конвенции формально не будет распространяться на новый канал, то при условии сохранения статус-кво в отношении действующих проливов предусмотренные ограничения (особенно в отношении военных кораблей третьих стран) фактически касались бы и нового канала, так как попасть в него из Эгейского моря можно только через Дарданеллы. Что же до другого выхода в Черное море через Дунай, то Дунайская комиссия, регулирующая судоходство в этой водной артерии, в принципе запрещает проход через нее военных кораблей третьих стран. В этой связи к Босфору традиционно проявляется особое внимание. При этом название нового пролива меняется на «Стамбул», подразумевая его статус в качестве внутренних водных путей Турции. Это говорит о заинтересованности определенных кругов в отходе от принципов Конвенции Монтрё.

Заключение конвенции в 1936 году воспринималось как очень значимый, но все же вынужденный для Турции шаг на пути возвращения проливов под свой полный контроль. Воспользовавшись нарастанием противоречий в Европе в предвоенные годы, Турция, инициировав созыв конференции в Монтрё в 1936 году, в обмен на свой нейтральный статус вернула себе контроль над проливами (фактически утерянный по итогам Лозаннской конференции 1922 г.), что и было зафиксировано в Конвенции Монтрё. Момент был выбран очень удачно, так как заключение новых договоренностей по проливам также соответствовало интересам Москвы, решая ее основные на тот момент стратегические задачи: свободный

проход через проливы торгового и военного флота и относительная безопасность своих южных границ ввиду ограничений для военного флота нечерноморских стран. Что касается других европейских стран, то они были вынуждены согласиться на пересмотр Лозаннского договора из опасения, что Турция выйдет из него и присоединится к германскому блоку.

Несмотря на то что Конвенция Монтрё окончательно утвердила турецкий суверенитет и сделала турок гарантами безопасности проливов, все же режим судоходства регулировался международными договоренностями. Первый «пробный камень» был брошен во время Второй мировой войны, когда турки позволили отдельным судам, принадлежавшим странам «оси», использовать черноморские проливы в нарушение Конвенции Монтрё*. Действия турок (если учесть, что советское правительство в августе 1941 г. официально подтвердило приверженность принципам Конвенции Монтрё и сохранение турецкого суверенитета)³ были продиктованы не только опасениями захвата русскими проливов (в чем их пыталась убедить Германия), но и попыткой проверить возможную реакцию участников конвенции.

СССР, оказавшись «запертым» в Черном море, не имея при этом возможности проводить свой флот через проливы для собственной защиты от угрозы извне, действительно был вынужден поднять вопрос о необходимости пересмотра конвенции. Еще до Берлинской (Потсдамской) конференции 1945 года, в ходе которой тремя державами (СССР, Великобританией и США) обсуждалась тема проливов, турки обратились к советской стороне с предложением заключить союзный договор, в котором было бы предусмотрено и разрешение вопроса о проливах. В ответ на это турецкому правительству было сообщено, что заключение подобного договора возможно при условии разрешения также и вопроса о территориях, отторгнутых от Советского Союза и присоединенных к Турции в 1921 году⁴.

*9 июля 1941 г. германское командование провело через проливы в Черное море немецкое сторожевое судно «Зеефальке»; в августе 1941 г. турецкие власти дали разрешение на проход в Черное море итальянскому вспомогательному военному судну «Тарвизио»; в 1942 г. Германия намеревалась провести через проливы вспомогательные военные суда под видом торговых для переброски военных сил и военных материалов стран «оси» в Черное море; в мае-июне 1944 г. через проливы в Эгейское море прошли немецкие военные и военно-вспомогательные суда различного тоннажа типа «ЭМС» (восемь судов) и «Кригтранспорт» (пять судов), участвовавших в военно-морских операциях в Черном море.

В дальнейшем турки не соглашались уже ни на какие предложения Москвы о двустороннем региональном сотрудничестве, которое в советском видении заключалось в совместном контроле над проливами, исключающем участие нечерноморских держав. Одним из условий пересмотра конвенции Турция теперь выдвигала обязательное включение США в состав участников нового соглашения, что давало американцам возможность инициировать внесение изменений в эти договоренности (возможно, в этом заключается причина, по которой Турция отказалась включить Украину в состав участников Конвенции Монтрё).

Вступление Турции в НАТО в 1952 году стало очередным шагом в реализации ее «исторической миссии» по укреплению своей роли в регионе, неразрывно связанной с контролем за проливами. Поэтому мнение некоторых турецких исследователей о том, что момент «разочарования» Турции в Конвенции Монтрё (как более не обеспечивающей безопасности турецкого государства) наступил якобы вследствие распада СССР и появления в Черноморском бассейне сразу нескольких независимых государств - бывших советских республик⁵, не совсем увязывается с предпринятой еще в 1982 году турецким правительством попыткой ввести Регламент порта Стамбул, распространив его действие на всю зону проливов и предусмотрев (в нарушение Конвенции Монтрё) некоторые ограничения свободы судоходства.

Причина турецких манипуляций (имеются в виду также принятие турками в одностороннем порядке в 1994 г. Регламента судоходства в проливах и ряд других дополнительных ограничений по проливам 1997, 1998 и 2000 гг.) заключается в том, что конвенцию трудно изменить или отменить. Для этого требуется длительный процесс согласования дипломатическим путем. В случае неуспеха созывается конференция, на которой любые изменения в конвенцию могут быть внесены только единогласным решением всех ее участников. Отмена конвенции возможна при условии заключения нового соглашения в течение двух лет после выдвижения любой из сторон инициативы о ее денонсации до момента проведения конференции. Если сторонам не удастся договориться, конвенция продолжает действовать. В 2016 году истекает очередной 20-летний срок действия Конвенции Монтрё, и если в 2014 году не будет озвучено предложение о ее денонсации, конвенция автоматически продляется на следующие 20 лет.

В условиях политической разрозненности в современном мире и в регионе в частности вероятность выработки каких-либо новых вариантов договоренностей по проливам взамен старых, которые удовлетворяли бы все заинтересованные стороны, крайне мала. Что касается Турции, то конвенция предоставляет ей возможность не только контролировать торговое судоходство через проливы, но и ограничивать военное. Если же Турция решит выйти из конвенции, то тогда само существование договоренностей по проливам теряет смысл. В этом случае Босфор и Дарданеллы приобретут статус международных проливов, который гарантирует свободу торгового и военного судоходства для всех стран в соответствии с нормами международного морского права (обычное право).

Несмотря на то что турецкая сторона активно выдвигает в качестве обоснования закрытия Босфора и открытия Босфора-2 доводы экологического характера, возможны также и военно-политические аспекты этой инициативы. Например, в стратегических планах Российской империи вопрос о проливах был неотделим от решения о статусе Константинополя. Пролив Босфор напрямую связан с обеспечением безопасности бывшей турецкой столицы. Новый пролив планируется прорыть западнее, запретив регулярное судоходство около самого Стамбула.

Каковы бы ни были мотивы турецкой стороны, речь идет об ограничении движения по Босфору, обеспечивающему выход из Черного моря в Средиземное. Из всех черноморских прибрежных государств эта инициатива в наибольшей степени затрагивает российские интересы. Как показывает исторический опыт, закрытие проливов только тогда устраивало Россию, когда было ею самой инициировано и лично к ней не относилось (как, например, в случае подписания с Турцией Ункяр-Искелесийского договора 1833 г.)*, а доступ к Черному морю контролировало лояльное к России государство, заинтересованное в сохранении баланса сил и безопасности в Черноморской акватории. В других случаях закрытие проливов являлось прямой угрозой безопасности России и ее торговым связям, превращая русский военный флот из наступательного

*По Ункяр-Искелесийскому договору от 26 июня (8 июля) 1833 г. Россия и Турция заключали оборонительный союз сроком на восемь лет, причем Турция обязалась взамен неограниченной военной помощи ей со стороны России закрывать по требованию последней проливы.

в оборонительный, лишая Россию возможности влиять на ход военно-политических событий в отдалении от своих собственных границ. Такое уже случалось в истории России (Лондонская конвенция 1841 г., Парижский мир 1856 г.).

Таким образом, инициативы в этой сфере могут расцениваться как попытки расшатать систему договоренностей по проливам и привести остальные стороны к пониманию необходимости заключения нового соглашения ввиду «неэффективности» действующей конвенции (до России эта мысль доносится посредством демонстративных заходов военно-морских сил США и НАТО в Черное море)*. Строительство же нового канала, соответствуя общему вектору раскачивания ситуации в регионе, преследует и более конкретную цель, которая может представлять прямую угрозу России. В случае если Конвенция Монтрё не будет распространяться на новый пролив, военный флот нечерноморских держав, пройдя Дарданеллы (пусть даже без нарушений), сможет оставаться в новом проливе, не ограничивая себя 21-дневным сроком пребывания (ст. 18). Более того, Босфор-2 может стать стоянкой для «тяжелых» судов вплоть до авианосцев** (несмотря на запрет конвенции размещать базы в проливах), а также элементов ПРО морского базирования «Aegis», нацеленных на перехват межконтинентальных баллистических ракет.

Следует принять во внимание, что в ограничении влияния России заинтересованы не только и не столько в Турции (турки лишь хотят усилить собственные позиции путем замены широких международных договоренностей по проливам на более соизмеримые турецким потребностям), сколько в ряде других стран, которые традиционно поддерживали «грандиозные» инициативы в отношении проливов по мере наращивания Россией военно-политического потенциала в регионе. Задача нового соглашения, таким образом,

*5 февраля с.г. для «обеспечения безопасности» в период Олимпийских игр в Сочи в Черное море зашел американский эсминец «Тейлор» и сел на мель в центральной части судоходного фарватера, обладая при этом современными видами связи и навигации. Буксировка поврежденного эсминца через проливы на военно-морскую базу США Суда-Бей на о. Крит (Греция) была начата лишь 7 марта 2014 г. Таким образом, был превышен допустимый конвенцией 21-дневный срок пребывания в Черном море военных кораблей нечерноморских стран (ст. 18).

** В ноябре 2001 г. купленный китайцами у Украины недостроенный авианесущий крейсер «Варяг» (сейчас авианесущий крейсер «Ляонин» в составе Военно-морских сил Китая) после 16 месяцев ожидания в Черном море получил разрешение Турции на выход из Черного моря через проливы.

может заключаться в попытке ограничить свободный российский транзит через проливы в Средиземное море (кстати, проект был озвучен спустя месяц после начала кризиса в Сирии).

Усиление же присутствия России в Средиземноморье в настоящий момент является одной из первоочередных задач в связи с угрозами санкций и международных исков в отношении России*, что потребует расширения военно-морского и консульско-дипломатического (открытие новых консульств) сопровождения ее торговых операций в Восточном Средиземноморье, Южной Европе, Ближнем Востоке, с Индией и другими странами (поставки зерна, углеводородов, оборудования и др.), реализации совместных экономических проектов в странах-партнерах, на морском шельфе и т. д.

Политика США исторически заключалась в стремлении «нейтрализовать» проливы, поскольку они позже всех начали «осваивать» Ближневосточный регион (с момента подписания торгового соглашения между США и Османской империей (*Ottoman-American Treaty*) в 1830 г.) и не обладали необходимым влиянием на политические события. Чувствуя некую ущербность от того, что обсуждение столь важного вопроса о порядке использования одной из основных морских артерий между Востоком и Западом происходило без их участия, американцы неоднократно заявляли, что не считают договоренности по проливам обязательными для себя. По мнению некоторых западных исследователей, США, не являясь участником Конвенции Монтрё и отправляя ежегодно в Черное море военные фрегаты, по сей день ставят себя в исключительное положение и проводят политику неприятия международных договоренностей⁶, нацеленную на подрыв устойчивого порядка судоходства через проливы.

Мотивы США очевидны: играть главенствующую роль во всех основных международных соглашениях, а те, в которых они по каким-либо причинам не состоят, разваливать. Тем более что отрицательная сторона Конвенции Монтрё для американцев заключается не столько в ограничениях для военного флота нечерноморских держав, сколько в свободе прохода военного флота России из Черного

*В июне 2012 г. российский корабль с вертолетами для Сирии был вынужден следовать в Средиземное море через Северное море из Балтийска мимо берегов Шотландии, где был остановлен, вследствие чего направился обратно в Калининград; в марте 2014 г. спецназ Военно-морских сил США захватил северокорейский танкер с нефтью, следовавший из контролируемого повстанцами ливийского порта. Операция была проведена по просьбе правительства Ливии и Кипра.

моря в Средиземное. Ограничение военного и торгового потенциалов России путем сокращения транзита в проливах вполне укладывается в рамки геополитической стратегии «анаконды», в основе которой лежит принцип экономического «удушения» противника за счет выведения из под его контроля береговых зон и перекрытия выходов к морским пространствам.

Ввиду приостановки на неопределенный срок реализации российско-греко-болгарского проекта нефтепровода по территории Болгарии и Греции Бургас - Александруполис основным способом поставок российской нефти на Запад по «южному коридору» продолжает оставаться судотоннажный через проливы. Кроме того, экспорт российской нефти в Турцию составляет порядка 9-10 млн. тонн в год, и, по прогнозам, ее зависимость от российских поставок углеводородов будет расти. Турция, в свою очередь, обеспечивает безопасный транзит российской нефти в Европу через проливы и в этом, по мнению аналитиков, заключается прямая взаимозависимость между Россией и Турцией⁷. Сдерживание России в регионе будет означать в том числе ослабление ее торгово-экономических связей с Турцией (товарооборот с которой уже составляет 40 млрд. долларов в год и в ближайшие годы планирует достигнуть 100 млрд.)⁸, а ограничение российского судоходства через проливы может привести к прямой конфронтации между двумя странами. Таким образом, стороны, незаинтересованные в российско-турецком сближении, видят в конфронтации способ ослабления (прежде всего экономического) и России, и Турции.

Несмотря на то что Анкара является одним из ключевых партнеров США в рамках Североатлантического альянса, после распада СССР, по мнению американцев, Турция стала проводить слишком независимую политику в соответствии со своими интересами. В 2001 году по инициативе турецкой стороны была создана Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия «Блэксифор», при помощи которой Турция фактически монополизировала в рамках НАТО контроль над Черным морем, не допуская до участия в группе другие страны - члены альянса, за исключением причерноморских (ссылаясь на Конвенцию Монтрё).

Во время южноосетинского конфликта в 2008 году турки не разрешили проход американских военных кораблей в Черное море с «гуманитарным» грузом для Грузии, чем вызвали ответную реакцию американцев: «Турция наш союзник по НАТО и ей следовало

бы оказывать большую поддержку своему соседу - Грузии и партнерам по альянсу. Все это возвращает нас к ситуации 2003 года, когда Турция, заблокировав проход американских вооруженных сил в Ирак через свою территорию, совершила поступок, резко ухудшивший турецко-американские отношения. Мы надеялись, что это больше не повторится»⁹. В этой связи расчет, по-видимому, делается на то, что усиление контроля турецкой стороны над проливами обострит ее отношения с соседями. Например, это вряд ли понравится Греции (участнице Конвенции Монтрё), историческому сопернику Турции в регионе*. Усиление напряженности между Турцией и Грецией увеличивает их зависимость от США, традиционно претендующих на роль арбитра в Восточном Средиземноморье, и усиливает конфронтацию между Турцией и ЕС (Греция председательствует в ЕС в январе-июне 2014 г.).

С учетом этого, как представляется, предполагаемые цели Турции и США в отношении проливов несколько отличаются. Размывание Турцией договоренностей по проливам направлено в сторону расширения своих полномочий, сохраняя при этом права, закрепленные за Турцией в Конвенции Монтрё. В то же время планы США связаны с полным устранением договоренностей по проливам, ограничивающих военное судоходство нечерноморских стран.

Однако нельзя исключить вероятность того, что контроль турок над новым каналом будет не фактическим, а номинальным. Американцы не заинтересованы в сильной, независимой Турции, самостоятельно определяющей порядок пользования проливами. И если турки, не являясь участниками Конвенции ООН по морскому праву от 1982 года, рассчитывают самостоятельно регулировать прохождение судов через Босфор-2, то США, исторически не признавая никаких договоренностей по проливам и также не являясь участниками указанной конвенции ООН, вряд ли будут утруждать себя получением специального разрешения от турецких властей на проход через новый канал. В лучшем случае такое сотрудничество будет носить информационно-оповестительный характер.

Россия, которая напрямую увязывает проведение турками независимой политики с поддержанием безопасности в Черном море,

*По данным греческой стороны, с 2009 г. зафиксировано более 868 нарушений греческих территориальных вод турецкими ВМС и порядка 4700 случаев нарушения национального воздушного пространства Греции ВВС Турции в Эгейском море.

наоборот, заинтересована в Турции как сильном региональном партнере. Взаимопонимание между двумя сторонами не должно страдать из-за необоснованных попыток нарушить или аннулировать имеющиеся договоренности по проливам исходя из исторических стереотипов о российско-турецком противостоянии в этом вопросе. Даже если Россия останется единственной страной, поддерживающей Конвенцию Монтрё, юридически договоренности останутся в силе и любые попытки кардинальным образом изменить условия прохода через проливы будут означать прямую угрозу безопасности России, что приведет к прямой конфронтации в первую очередь с Турцией - гарантом безопасности проливов. Пропуск же враждебного России флота через проливы *de facto* будет означать вступление Турции в войну, даже при условии официального турецкого нейтралитета (согласно статье 19 Конвенции Монтрё, запрещающей проход через проливы военного флота воюющих сторон). Очевидно, попыткой задействовать указанную статью конвенции объясняется появившаяся 18 марта этого года в прессе информация о якобы имевших место намерениях турецкой стороны закрыть для России Черноморские проливы в случае угрозы территориальной целостности Украины либо положению крымских татар.

Таким образом, попытка Турции проверить на прочность устоявшуюся систему регулирования судоходства через проливы путем принятия односторонних ограничений, а также инициатив по строительству нового канала в обход Босфора (а потенциально и Дарданелл) нацелена на еще большее расширение своих полномочий в отношении проливов по сравнению с теми, которые дает конвенция. При этом совсем не принимается в расчет то обстоятельство, что некая третья сторона может воспользоваться этими планами Турции для окончательной отмены действующих договоренностей по проливам, что приведет к их полной интернационализации, и в таком случае турки не только лишатся возможности увеличить свое влияние в проливах, но и потеряют какой-либо контроль над ними (как это уже случалось в истории Турции).

И все же не следует упускать из виду проект «Босфор-2», пусть даже угрозы в случае его реализации на данный момент являются гипотетическими. Более того, речь может идти о сотрудничестве в реализации этого проекта.

Если на Босфор-2 не будут распространяться никакие договоренности международного характера, Россия может найти для себя но-

вые возможности его использования. Принимая во внимание стремительно меняющуюся политическую ситуацию в Черноморском регионе, вполне вероятно, что новый пролив может быть рассмотрен Россией в качестве альтернативного пути для стоянки или прохода российского флота в Мраморном море в рамках двусторонних договоренностей с Турцией. Новый канал может открыть возможность экспорта нефти и СПГ из Черноморского региона крупнотоннажными танкерами, обеспечивающими прямой выход на глобальные рынки углеводородов, и т. д.

При условии заключения таких договоренностей не исключено участие России в новом проекте в качестве инвестора. По предварительным подсчетам, затраты на строительство нового пролива уже оцениваются более чем в 20 млрд. долларов, а речь о крупных иностранных инвестициях пока не идет. Экономическая модель проекта предполагает создание и дальнейшее развитие инфраструктуры по обе стороны нового пролива, в частности строительство гостиничных комплексов, жилых помещений, аэропорта, морского порта и ряда предприятий с привлечением иностранного капитала. Но мало кто рискнет вкладывать деньги в проект канала с неопределенным статусом, на который не распространяются никакие международные договоренности, а регулирование судоходства зависит от воли турецкой стороны. США также вряд ли станут финансировать проект, если они не получат согласия Турции на его использование в своих прямых военно-стратегических целях. Единственный реальный способ покрыть затраты на строительство канала заключается во введении платы за проход*.

Не исключено, что «грандиозный и блистательный» проект, соответствуя вектору политики Эрдогана, направленной на поднятие уровня турецкого национального самосознания и традиционно прибавлявшей премьер-министру популярности у населения (особенно в отдаленных уголках страны), уже играет свою роль, способствуя победе правящей Партии справедливости и развития на муниципальных выборах в Турции 30 марта этого года. Как известно, Р.Т.Эрдоган намерен участвовать в президентских выборах в августе 2014 года, в ходе которых впервые в истории Турции президент

*Из интервью посла России в Турции В.Е.Ивановского турецкой газете «Радикал» от 30.04.2011 («Rusya Buyukelcisi: Montro korunmalı»).

страны будет избираться не парламентом, а прямым голосованием всех граждан Турции.

Проект канала планируется завершить к 2023 году (приурочив его к 100-летию юбилею образования Турецкой Республики, в становлении которой немалую роль сыграл СССР). Его реализация позволит Турции продемонстрировать свою внешнеполитическую самостоятельность в решении столь важных вопросов, как международный порядок судоходства через проливы. Выступая перед однопартийцами 31 марта этого года, в ночь после победы на выборах, Р.Т.Эрдоган заявил о «рождении новой Турции». В этом случае из двух девизов «ноль проблем с соседями»* и «ноль движения по Босфору» Турции придется выбрать что-то одно. Вместе с тем следует учитывать возможность использования оппозицией усиливающегося недовольства общественности и интеллектуальной элиты в лице видных ученых-экологов в связи с неизбежными, по их мнению, последствиями экологической катастрофы, вызванной строительством канала «Стамбул»**. Представитель ведущей оппозиционной силы в Турции - Народно-республиканской партии***, глава одного из районов Стамбула Мустафа Сарыгюль стремительно набирает популярность у прогрессивных горожан.

¹Речь премьер-министра Турции Р.Т.Эрдогана 27.04.2011 («Kanal Istanbul»).

²Выступление Эрдогана в Брукингском институте (Вашингтон, США) 20 мая 2013; заявление министра транспорта, морских дел и коммуникаций Турции Б.Йылдырыма 15 октября 2013.

³Заявление советского правительства об уважении территориальной неприкосновенности Турецкой республики от 13 авг. 1941 г. // Черноморские проливы. Сборник документов 1917-1946 гг. М., 1947. С. 157.

⁴Ответная нота наркома, министра иностранных дел СССР В.М.Молотова на имя английского посла Керра от 20 июля 1945 г. // Черноморские проливы. Сборник документов 1917-1946 гг. М., 1947. С. 166.

* Внешнеполитическая доктрина А.Давутоглу, советника премьер-министра (в настоящее время министр иностранных дел Турции), озвученная в 2009 г.

** 28 января 2014 г. в Стамбульском университете (Istanbul Bilgi University) состоялось заседание группы специалистов (видных турецких ученых) на тему «Юридические, городские и экологические аспекты строительства канала «Стамбул». Основной посыл заключался в обосновании угрозы, которую представляет новый пролив для Стамбула и его жителей.

*** Старейшая в стране партия, образована в 1923 году Мустафой Кемалем Ататюрком (основателем современной республиканской Турции). Находится в оппозиции к правящей ПСР.

⁵*Oguz Yuksel*. Montreux'den gunumuze Turk Bogazlari. Yuksek Lisans Tezi. Ankara, 2007.

⁶*Howard Harry N.* Turkey, the Straits and U.S. Policy. Baltimore and London. P. 20.

⁷*Mozur M.* Turco-Russian Energy Relations: Interdependence and Prospects for Energy Security // The Washington Review of Turkish & Eurasian Affairs. May, 2011.

⁸*Озертем Хасан Селим; Оздал Хабибе.* Турция и Россия: преодоление препятствий // Россия в глобальной политике // <http://www.globalaffairs.ru>

⁹*Enginsoy Umit.* U.S. in talks with Turkey for Straits passage of its naval vessels // Turkish Daily News. 2008. Aug. 20.

Ключевые слова: Черноморские проливы, Босфор, Дарданеллы, проект Р.Т.Эрдогана «Канал Стамбул», новый пролив Босфор-2, Конвенция Монтрё, Военно-морской флот России, Военно-морской флот США, НАТО, Черное море.

Международная

ЖИЗНЬ

Мир вокруг нас

Эдуард Соловьев:

«Понятно, что абсолютного суверенитета сегодня, где любое государство функционирует в условиях значительных внутренних и внешних ограничений и обязательств, где процессы глобализации способствуют существенному перераспределению ресурсов власти от правительств к иным субъектам мировой политики, быть не может».

Екатерина Виноградова:

«Помимо традиционных СМИ, экспертам, работающим в области стратегических коммуникаций, приходится осваивать электронные коммуникации, которые предоставляют новые возможности передачи сообщения целевым аудиториям для расширения эффективной коммуникационной стратегии, отвечающей за продвижения государственных интересов и целей как за рубежом, так и в своих странах».

Вера Анисимова:

«Собственно, проблема нелегалов характерна сегодня и для Франции, и для России. Эта социальная группа - между прочим, представители наших братских народов по СССР - фактически вне закона, в их отношении не соблюдается трудовое законодательство, они социально не обеспечены и крайне слабо интегрированы в общество, вынуждены селиться замкнутыми анклавными».

Сергей Шарко:

«Согласно анализу южнокорейских ученых, таких как Пайк Нак Чун, «корейская «разделительная система» в действительности служит надежным компонентом современной глобальной системы, так как она не только придает легитимность доминирующей роли США, но и воспроизводит новую версию колониального режима, усиливая тем самым идеологические позиции государственного тоталитаризма, расизма и сексизма».

Эдуард СОЛОВЬЕВ

Заведующий сектором ИМЭМО РАН,
кандидат политических наук
solovyev@imemo.ru

Суверенитет в рамках полицентричного миропорядка: возвращение к истокам

На протяжении последних 30 лет на наших глазах произошла глубокая трансформация системы международных отношений. «Классическая биполярность» стала фактом прошлого. Все мы являемся свидетелями парадоксальных эффектов глобализации и трансформации мировой политики. С одной стороны, становится все более очевидной неделимость и взаимосвязанность всего человеческого сообщества. Глобализация подталкивает к сотрудничеству перед лицом общих проблем, к выработке общих норм и правил поведения мировой политики, к совершенствованию существующих и созданию новых эффективно функционирующих международных институтов. Но одновременно глобализация с ее неравномерностью развития и очевидно получающим основные преимущества авангардом в лице ведущих государств и некоторых

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №12-03-00611а «Метаморфозы геополитики в условиях новой фазы глобализации».

транснациональных сил (включая ТНК) ведет к обострению целого ряда проблем, порождая серьезные экономические и политические кризисы и социальные потрясения.

СТАНОВЛЕНИЕ ОДНОПОЛЯРНОГО МИРА И ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ПРАВИЛ ИГРЫ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Период после окончания холодной войны обладал рядом специфических черт. Прежде всего, на протяжении почти двух десятилетий никем не оспаривалось глобальное лидерство США (большое число аналитиков и экспертов открыто говорили об американской гегемонии, «гипердержаве» и т. д.). Совокупная мощь США действительно впечатляла. На них приходилось более 20% мирового ВВП, почти половина мировых военных расходов. Соединенные Штаты оставались мировым инновационным центром и глобальным технологическим лидером. Попытки закрепления американского доминирования в мировых политических и экономических процессах, в принятии ключевых решений глобального масштаба рассматривались в этом контексте как обоснованные, а американское политическое лидерство - как *de facto* вполне легитимное.

Еще в ходе биполярного противостояния США приняли активное участие в создании системы международных норм, которая служила бы их интересам, поддерживала и развивала продвигаемые ими ценности. К моменту падения Берлинской стены США добились невероятного успеха в легитимации и институционализации собственных притязаний на власть и влияние - прежде всего за счет подтверждения жизнеспособности собственной модели политической и экономической организации. Поддерживаемую США либеральную модель (Вашингтонский консенсус), включавшую свободную рыночную экономику и развитие демократических институтов, другие государства мира принимали прежде всего потому, что и политические элиты, и широкая общественность в соответствующих странах считали ее наиболее эффективной. Либеральная идеология стала настолько доминирующей (причем доминирующей почти по всеобщему признанию), что в пору было вести речь о «конце истории».

В контексте торжества либеральной идеологической парадигмы утверждалось как аксиома, что либерализация необходима для обеспечения всеобщего мира и безопасности и может быть достигну-

та в самых разных странах мира. Также как аксиома утверждалось, что нелиберальные государства в большей мере склонны проявлять агрессию и пытаться наращивать военную мощь. Либеральные же режимы, напротив, более миролюбивы. Соответственно, уровень угрозы в международных отношениях зависит от соотношения либеральных и нелиберальных режимов. В этом контексте смена режима, демократизация («распространение демократии») являются наиболее предпочтительной стратегией обеспечения собственной безопасности и собственного морального и политического лидерства со стороны старых либеральных демократий. Экономическая взаимозависимость (особенно среди государств с рыночной экономикой) и международные институты являются альтернативными либеральными стратегиями, направленными на смягчение политики государств, создание более мирной и кооперативной международной среды. При этом либералы акцентируют положение о том, что либерализм универсален, применим вне зависимости от национальных и культурных различий.

Страны-лидеры в системе международных отношений в самые разные эпохи неизменно выступали с инициативами формулирования комплекса ценностей и норм поведения на международной арене. Подобный тренд объясняется довольно просто. Политика лидирующей державы, не обладающей достаточной легитимностью, неизбежно сталкивается с сопротивлением (активным или пассивным). В соответствии с представлением реалистов активное сопротивление состоит в попытке балансирования мощи лидирующей державы (держав) путем заключения формальных политических союзов и соглашений. Продвижение собственной политической линии в таких условиях возможно, но требует дополнительных ресурсов и усилий. А степень взаимного доверия основных политических субъектов на мировой арене в подобном контексте обычно колеблется в районе очень низких значений.

Лидерство (или тем более гегемония), не опирающееся на международную легитимность, оказывается в конечном счете слишком обременительным делом. По мнению западных экспертов и значительной части политического класса, для того чтобы снизить уровень издержек на осуществление лидерства, необходимо продвижение общих норм и ценностей, которые смогут привести не только к поддержке проводимой лидирующей державой политической линии, но и, собственно, легитимировать ее преобладающее положение. В этом смысле трансформация старых и формирование новых

международных ценностей, норм и режимов могут иметь для лидирующей державы принципиальное значение, обеспечивая необходимую международную поддержку и гарантируя тем самым эффективность проекции собственных мощи и влияния. Однако при этом доминирующие державы не должны сами избегать определенных ограничений своей активности посредством решений международных институтов, следования принятым нормам и правилам.

Вот этой способности к самоограничению западные страны, и прежде всего США, проявить так и не смогли. В результате, как ни парадоксально, в период «однополярного момента» стало труднее создавать и поддерживать международные режимы в сфере безопасности, контроля различных пространств (космоса, Арктики и т. д.), соблюдения экологических норм. Двойные стандарты или стандарты действий *ad hoc*, по конкретной ситуации или в соответствии с имеющимся прецедентом, стали частью формировавшейся США и их ближайшими союзниками модели мирорегулирования. Было бы не вполне справедливо утверждать, что только США и их ближайшие союзники выступали бенефициантами ситуации общей нормативной неопределенности. Произвольное конструирование норм единоличным мировым лидером устраивало до последнего времени и целый ряд средних и даже малых стран, которые в этих условиях получали возможность выбора ситуативных (или долговременных - вступление в НАТО, например) коалиций в целях укрепления своих региональных политических и/или глобальных экономических позиций. Именно это обстоятельство и обеспечивало определенную устойчивость системе, выстраиваемой на весьма шатких нормативных основаниях.

Продвижение демократических норм и ценностей, насыщение гуманистической и гуманитарной риторикой современного политического дискурса также вызывало немало вопросов. Поскольку трансформация риторики сопровождалась активными попытками размывания ключевых норм международного права, введением в оборот понятий «ограниченный суверенитет», «смена режимов», «гуманитарные интервенции» и т. д.

В рамках четко проявившего себя к началу XXI века «униполярного момента» страны Запада, как и 100, и 200 лет назад, в рамках Вестфальской системы международных отношений, пытались по-прежнему играть роль авангарда, проецирующего (в том числе принудительно) свои ценности и институты (рынок, права человека, демократию) на другие общества, которые (пусть и в различной степени)

готовы были оказать этому сопротивление и которые, как ни парадоксально, отстаивают ныне совокупность институтов и норм, навязанных им Западом ранее (суверенитет, территориальная целостность, дипломатия как основная форма взаимодействия на международной арене и т. д.)¹. В этом смысле система международных отношений по-прежнему являет собой картину центр-периферийных отношений, в которых роль генератора и распространителя новых ценностей и норм принадлежит исключительно странам Запада. Успешность миссии внедрения новых норм во многом зависит от возможности поддержания единства западного сообщества (как общества, располагающего общим набором целей и приоритетов, а не только норм и правил поведения) и усилий по их проекции на другие страны мира.

Проявившаяся в последние полтора десятилетия склонность американского политического класса к простым (как правило, силовым) решениям международных проблем становится частью американского политического дискурса². И хотя именно американцы ввели в оборот понятия «мягкой» и «умной силы», отказа Вашингтона от приверженности традиционному инструментарию «жесткой силы» это отнюдь не предполагает. Соединенные Штаты продолжают политику, основанную на поддержании глобального военного присутствия, проецировании своего влияния в ключевых регионах мира³. В условиях, когда формирование униполярной тенденции в мировой политике считалось чем-то само собой разумеющимся, в этом был смысл. Но все более отчетливо проявляющиеся в последние годы тенденции полицентричности несколько меняют общую картину.

Как отмечают некоторые американские эксперты, «Соединенным Штатам нужно приветствовать многообразие не только внутри собственной страны, но и во всем мире, а также согласиться с тем, что либеральная демократия должна конкурировать на рынке идей с другими типами политического устройства, не умаляя их достоинств. В действительности терпимость к различным типам политического устройства гораздо больше отвечает интересам США, чем высокомерие неоконсерваторов или недалекий идеализм современных либералов. Уважительное отношение к ответственным правительствам, терпимость к политическому и культурному многообразию, баланс между глобальным управлением и передачей полномочий региональным властям, а также более умеренный подход к глобализации - вот принципы, которые, вероятнее всего, должны лечь в основу будущего мироустройства»⁴. Раздаются призывы

к экономии ресурсов, ограничению масштабов международной деятельности, взаимодействию с другими державами или передаче им полномочий по решению проблем их региональных подсистем⁵.

Однако рассчитывать на рациональное самоограничение США и осмысленную кооперативную стратегию поведения со стороны американской политической элиты довольно трудно. Ни один крупный американский политик (кроме разве что Р.Пола) не выступает в пользу самоустранения от глобального регулирования и за отказ от планов по формированию гомогенного в политическом смысле «демократического мира» (что автоматически обуславливает готовность к «распространению демократии» и работе по смене режимов в самых разных странах мира). Проблема видится лишь сквозь призму поисков эффективных инструментов и релевантных идей, способных консолидировать американо- и западноцентричный миропорядок. США остаются державой с глобальными интересами и чувством миссии, отказываться от которой они не намерены. Основные задачи по обеспечению американского лидерства сводятся правящими демократами к процветающей экономике, недостижимой военной мощи и приверженности политике распространения «универсальных ценностей»⁶. Задача США, учитывая некоторые экономические сложности в среднесрочной перспективе, состоит в том, чтобы подвигнуть иные державы внести более весомый вклад в «глобальные публичные блага» поддержания новых международных норм и институтов, урегулирования на условиях Запада конфликтов в различных регионах мира.

СТАРЫЕ НОРМЫ И НОВЫЕ ТРЕНДЫ

Финансово-экономический кризис 2007-2010 годов подстегнул процессы перераспределения влияния и способствовал росту потенциала ряда незападных центров силы (Китая, Индии, Бразилии, России), у каждого из которых проявились свои сильные стороны и растущее региональное и глобальное влияние. Но главное - кризис наглядно продемонстрировал неспособность узкого круга западных стран, ответственных за глобальное регулирование на протяжении последних десятилетий (а в более широком смысле - и всего XX в.), осуществлять эффективное глобальное управление, справиться с вызовами эпохи. Возникла острая потребность в расшире-

нии круга стран, участвующих в принятии ключевых решений. Это стало побудительным мотивом для возникновения новых институтов глобального регулирования («Группа 20»). Однако законодателями норм и принципов мирорегулирования по инерции продолжает оставаться узкая группа стран. *Отсюда очевидное противоречие сегодняшней переходной ситуации в мировой политике. «Однополярный момент» уходит в прошлое, а нормы, сгенерированные в его недрах и способные обеспечить стабильность, но крайне дестабилизирующие ситуацию в полицентричном мире (типа принципов «ограниченного суверенитета», «избирательной легитимности», практики интервенционизма и т. д.), остаются в силе и продолжают активно продвигаться группой стран Запада.*

Иными словами, когда в рамках однополярной системы международных отношений страны Запада постулировали необходимость ограничения традиционного вестфальского суверенитета, было понятно, что именно они собираются этим ограничением суверенитета других участников международных отношений воспользоваться, проецировать на них собственное влияние, легитимировать (или, наоборот, делегитимировать) те или иные политические практики. Государства, пытающиеся вести себя несистемно, все время находились под угрозой санкций или даже военной интервенции - и это обстоятельство дисциплинировало всех участников мировой политики (как государственных, так и негосударственных акторов) и создавало ощущение контролируемости конфликтных ситуаций, равно как и понятные «правила игры». Имплицитно подразумевалось, что ограничения (в т. ч. суверенитета) в любом случае не будут распространяться на лидеров униполярной системы. Объектом делегитимизации собственного суверенного статуса и потенциальной жертвой интервенции все время были аутсайдеры и маргиналы, а субъектом - США и страны Запада. Возможность конфликтов между крупными государствами рассматривалась при этом как абсолютно нереалистичная опция.

Нельзя сказать, что западные политики и особенно западные исследователи намеренно игнорировали трудности, возникающие на пути продвижения принципов «избирательной легитимности», «гуманитарной интервенции» и тем более концепции смены режимов. Но они концентрировали внимание на том, что получило название концепции «солидаризма» в международных отношениях. Солидаризм придерживается точки зрения о том, что основными акторами международного сообщества являются люди (в отличие от «плюра-

лизма», представляющего собой доктрину о том, что эту позицию монополизировали конкурирующие между собой суверенные государства), и утверждает, что интервенция - это важный способ продвижения мирового и международного порядка и одновременно спасения человеческих жизней.

Главным принципом существующей анархической и плюралистической системы международных отношений является невмешательство. Кроме того, оно жизненно необходимо для сохранения стабильности между великими державами. Растущее количество «несостоявшихся государств» в 1990-х годах, нарушение прав человека, феномен беженцев и главное, как тогда казалось, - всерьез и надолго формирующаяся однополярная структура миропорядка создали предпосылки для зарождения идеи о том, что в канву международного права должно быть вплетено право на вмешательство во внутренние дела. В гуманистической интерпретации, озвученной западными авторами и политиками, - это было нужно для разрешения серьезных гуманитарных кризисов. Мировое сообщество должно было стать солидаристским, то есть готовым применять силу для защиты прав отдельных индивидов.

Против солидаризма было приведено множество самых разных аргументов в отечественной и зарубежной литературе, например чисто рационалистическая точка зрения, согласно которой страны, совершающие интервенцию, могут быть не готовы к долгосрочным затратам на восстановление несостоявшихся государств; аргумент о том, что совершающие интервенцию страны могут быть вовлечены в борьбу за власть между различными политическими группировками с непредсказуемыми последствиями; довод о том, что их деятельность может подвергнуться осуждению за попытку осуществления политики «гуманитарного империализма» и т. д. Важнее другое - готовность применить силу и последующая военная оккупация державой или группой государств некой страны, внешнее управление этой страной на протяжении определенного периода времени способны вызвать взаимные подозрения и ожесточить конкуренцию среди ведущих мировых держав.

Иными словами, внедрение принципа «гуманитарного вмешательства» в международное право может быть и способно спасти некоторое количество людей в слаборазвитых странах, но совсем не исключает взаимную эскалацию напряженности и усиление подозрительности в отношениях ведущих мировых держав, а также

прямо подразумевает большие политические риски и финансовые расходы в долгосрочной перспективе. Но главное, на чем настаивали критики концепции, - это констатация возможности ослабления только было утвердившихся в практике международных отношений запретов на применение силы.

Утверждение принципов ограниченного суверенитета, превентивности действий, избирательной легитимности, интервенционизма не только не дают приращения управляемости в рамках мировой политики, но и возвращают на международную арену чувство неопределенности. Так, известный французский эксперт по проблемам конфликтов и теории международных отношений Пьер Аснер отмечает, что «нынешняя ситуация даже опаснее ситуации «холодной войны», [поскольку] тогда действовали определенные правила, позволявшие вести сдержанный диалог, [и] одностороннее превентивное вмешательство в дела другого государства было немыслимо»⁷. Ноты авантюризма и безответственности, все более заметные в политике ведущих современных государств, размывают принципы международного сотрудничества и формируют атмосферу политической непредсказуемости и неопределенности. И при этом большинство наиболее серьезных нарушений прав человека происходит как раз тогда, когда сообщества находятся в состоянии войны, в том числе и в рамках «гуманитарных» военных операций.

Укрепление тенденции к формированию полицентричного миропорядка меняет общую картину. Действующие поныне нормы и принципы международного права (включая невмешательство во внутренние дела, неприменение силы и угрозы силой, принципы внутреннего и внешнего суверенитета и нерушимости границ) во многом были нацелены как раз на минимизацию межгосударственных конфликтов в полицентричной системе международных отношений. И их игнорирование становится опасным уже в ближайшей перспективе. В формирующемся полицентричном мире нормами, созданными «для себя» США и странами Запада, со временем могут воспользоваться иные, быстро растущие центры силы (от Турции до Китая). И вот тогда вместо иллюзии управляемости и контроля сторонники активного продвижения новых норм и принципов современной мировой политики могут получить довольно хаотичную картину международных отношений если не полную их дестабилизацию.

Все это порождает серьезные системные риски. Вполне логично в этой связи, что в центр экспертных дискуссий выдвигаются интер-

претации понятий суверенитета, толкование новых норм типа «ответственности по защите» (responsibility to protect).

СУВЕРЕНИТЕТ И ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ ИНДИВИДА

Проблематика человеческой безопасности (human security) была впервые озвучена еще в рамках ооновской программы развития в середине 1990-х годов. Некоторые негосударственные организации (НГО) и целый ряд политиков и общественных деятелей подхватили тезис о том, что «жесткой» безопасностью государств и международной безопасностью ныне отнюдь не исчерпывается повестка дня мировой политики. Хотя сухая статистика свидетельствовала на протяжении 1990-х годов о снижении числа вооруженных конфликтов в мире и конфликтологи с удовлетворением констатировали гармонизацию международной обстановки после окончания холодной войны, ряд авторов отмечали противоположную тенденцию применительно к безопасности конкретного человека.

Новые вызовы и угрозы безопасности (в том числе экологические, биологические, связанные с распространением наркотиков, международного терроризма и т. д.), незащищенность индивидов в ходе нередко весьма brutальных внутренних конфликтов ставили в международную повестку дня вопрос о поиске новых подходов к обеспечению безопасности. В центре этих подходов должен находиться конкретный человек. С точки зрения авторов данной концепции, необходимо прежде всего оценивать «человеческие издержки» стратегий, которые имеют целью продвинуть национальную безопасность того или иного государства или международную безопасность. В этом смысле человеческая безопасность не всегда совпадает с государственной, а то и прямо ей противопоставляется.

Со временем концепция оказалась тесно увязана с проблематикой гуманитарного интервенционизма. Очевидный перекося сторону гуманитарного вмешательства отчетливо проявился в ходе работы формально являющейся неправительственной организацией неофициальной Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (International Commission on Intervention and State Sovereignty (ICISS)), в рамках которой была оформлена концепция «ответственности по защите». Ее идеи оказались довольно быстро подхвачены в ряде внешнепо-

литических документов США, ЕС и Канады, а также в заявлениях Генерального секретаря и документах ООН, получив полуофициальный статус.

В рамках концепции особо отмечается, что государства несут «ответственность» за защиту набора базовых прав людей. И в случае несоответствия предложенным комиссией стандартам (прежде всего предотвращения массовых жертв среди населения), государства не могут уже ссылаться на свой суверенитет в противодействии интервенционистским практикам⁸. В соответствии с принципами «ответственности по защите», государственный суверенитет может быть ограничен, а любая страна подвергнута интервенции в случаях, если правящий в ней режим не справляется с задачами обеспечения безопасности населения.

В ряде случаев инициированные США и их союзниками «гуманитарные интервенции» проводились по мандату СБ ООН и не выходили за его пределы, были действительно нацелены на защиту жизни мирного населения (в Сомали, Гаити, Чаде, Дарфуре и т. д.). Однако накопился и целый ряд негативных примеров проведения «гуманитарных интервенций», с существенными нарушениями решений СБ и Устава ООН (когда, как в случае с Югославией и Ливией, представители западного политического истеблишмента оставляют за собой право их широкой интерпретации), а то и вовсе без соблюдения необходимых международных процедур.

Гуманистический пафос концепции «ответственности по защите» таким образом очевиден. Но не менее явной была и политическая подоплека ее утверждения в международной повестке дня. На рубеже XX-XXI веков концепция получала активную поддержку в США, поскольку позволяла внятно в этическом и политическом смысле обосновать значимость американских интервенционистских практик в различных регионах мира. Генсек ООН К. Аннан также считал ее весьма своевременной - вступая в XXI век, было важно обозначить новые приоритеты и новые правила игры на мировой арене и примирить концепцию «гуманитарной интервенции» с текущей политической практикой ведущих мировых держав.

Концепция «ответственности по защите» не отменяет полностью такого фундаментального принципа международного права, как уважение государственного суверенитета, который является основой современной системы международных отношений, но, по сути, она преследует более широкие международно-политические цели -

она направлена на трансформацию базовых принципов применения силы в мировой политике и легитимацию силовых интервенционистских практик. Повторимся - в условиях полицентричного мира расширительные интерпретации и попытки делегитимизировать признанные международные институты (вроде ООН) и положения международного права скорее уменьшают степень управляемости глобальными процессами, нежели придают ей новый импульс.

Один из глобальных трендов современного международно-политического развития - обострение политических дебатов вокруг положения о безусловном вестфальском суверенитете государств. Возникает вопрос о возможности внешнего воздействия на внутривнутриполитические ситуации в тех или иных странах, его целях, средствах, пределах и т. п. Понятно, что абсолютного суверенитета сегодня, где любое государство функционирует в условиях значительных внутренних и внешних ограничений и обязательств, где процессы глобализации способствуют существенному перераспределению ресурсов власти от правительств к иным субъектам мировой политики (ТНК, НГО и др.), быть не может. Но сомнительными представляются и утверждения о том, что суверенитет государств является неким рудиментом старой, постепенно подвергающейся все более серьезной политической и правовой эрозии Вестфальской системы организации международных отношений, что «традиционные концепции суверенитета» якобы оказались неспособными отразить всю сложность современных международных отношений⁹. Как известно, «новое - это лишь хорошо забытое старое». И когда мы сталкиваемся с утверждениями относительно несовместимости «устаревшего» суверенитета и гуманитарных принципов современного мироустройства, как не вспомнить здесь мнение одного из отцов-основателей теории международных отношений Э.Карра, высказанное более полувека назад: «Неуместность государственного суверенитета - идеология доминирующих держав, которые рассматривают суверенитет других государств как препятствие для использования своего собственного преобладающего положения»¹⁰.

Безусловно, и раньше в истории неоднократно имела место трансформация, казалось бы, ключевых для функционирования мировой системы норм. Происходило полное отмирание таких формирующих международную среду основных принципов и институтов, как династический принцип передачи власти или институт колони-

ализма, и т. д. Одновременно происходила реинтерпретация других важных принципов и понятий - так, например, в XVII-XVIII веках с рынком прежде всего была связана доктрина меркантилизма; последние полтора века мы ассоциируем с рынком принцип свободы торговли. Иными словами, в трансформации концепта суверенитета не было бы ничего необычного. Проблема состоит в том, что во все более полицентричном мире роль интерпретатора и законодателя принципов и институтов пытаются взять на себя ограниченная группа стран (что, собственно, и выступает эквивалентом права сильного и проявлением «программирующего лидерства» в условиях современной мировой политики). На наших глазах происходит, по выражению С.Краснера, инструментализация суверенитета, означающая манипулирование международным правовым признанием, угрозой гуманитарной интервенции и т. д. для достижения практических целей и интересов определенных государств.

Современное межгосударственное соперничество ограничено структурой признанных международными нормами суверенных прав и в этом смысле основано на верховенстве международного права. Суверенитет представляется «несущей конструкцией» современной политики, выполняющей важную функцию минимизации межгосударственного насилия. Стоит поколебать этот фундамент мировой политики (разрушить господствующие в дискурсе о международных отношениях «доминантные политические установки»), подорвать значимость этого одного из важнейших, «первичных», в терминологии английской школы, институтов (*primary institutions*)¹¹, и избежать предсказанного рядом авторов в конце XX века отнюдь не управляемого хаоса будет совсем непросто. Неслучайно поэтому термин «ограниченный суверенитет» пока не получил окончательного признания даже на Западе. Отсюда огромное количество эвфемизмов типа «многослойный» (*layered*)¹², «дисагрегированный» (*disaggregated*), «мягкий» (*softened*) и тому подобный суверенитет¹³.

Наиболее привлекательной идеей выступает не ограничение, а добровольное делегирование суверенитета в той или иной его части. Как это уже происходит в рамках ряда международных режимов и интеграционных проектов, идеалом которых до последнего времени выступали институты и механизмы европейской интеграции. Однако, насколько возможно воспроизвести подобный опыт в разных институциональных и контекстуальных обстоятельствах, остается вопросом, на который пока нет очевидного ответа.

На протяжении ближайших десятилетий традиционной концепции суверенитета придется столкнуться с целым рядом вызовов, которые не смогут не привнести новых нюансов в интерпретацию этого понятия. В их числе - *требования интернационализации дефицитных ресурсов; усиление международных режимов; расширение транснациональных политических пространств; формирование глобального информационного пространства; глобальные экологические и климатические императивы*. В подобном контексте, например, возможны обвинения тех или иных стран в «ресурсном национализме», то есть использовании контроля над значительными объемами ресурсов, например энергоносителей, для достижения узких национальных политических целей. И под этим предлогом - попытки интернационализации, признания общемировым достоянием соответствующих типов ресурсов.

В мировой политике на обозримую перспективу сохранится противоборство двух разнонаправленных тенденций - к укреплению суверенитета, с одной стороны, и к его ограничению - с другой. Притом что эти тенденции нередко будут воплощаться в политике одного государства или группы государств (укрепление собственного суверенитета ведущих мировых держав будет соседствовать с попытками ограничения суверенитета других). А противоречие между тенденциями к суверенизации и десуверенизации государств будет служить перманентным источником международной напряженности. Но суверенитет никуда не исчезнет. Причем не только потому, что государства останутся главными и наиболее эффективными игроками на международной арене. В книге «Воображаемые сообщества» Бенедикт Андерсон прекрасно описал феномен национализма как распространенного способа воображения и интерпретации действительности¹⁴. Способа, обладающего магической мобилизующей силой и одновременно значительной исторической инерцией. Мы просто привыкли воображать и интерпретировать факты мировой политики в терминах наций, государств и суверенитета.

И в XXI веке, при всей уже очевидной масштабности грядущих перемен в системе международных отношений, абстрактное понятие суверенитета для многих миллиардов людей и многих политиков в самых разных уголках нашей планеты останется своего рода путеводной звездой в мире политики. И это вовсе не будет означать, что они встали на «неправильную сторону» истории.

-
- ¹*Buzan B.* From International to World Society? English school theory and the social structure of globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 237.
- ²*Friedman G.* Next 100 Years. A Forecast for 21 Century. N.Y., 2010. P. 39-41.
- ³*Bacevich A.* Washington Rules. America's Path to Permanent War. N.Y., 2010. P. 14-16.
- ⁴*Капчан Ч., Маунт А.* Автономное управление // Россия в глобальной политике. 2009. №3, май-июнь // http://www.globalaffairs.ru/print/number/n_13203
- ⁵См.: *Mandelbaum M.* The Frugal Superpower. N.Y., 2010; *Bacevich A.J.* The Limits of Power. The End of American Exceptionalism. N.Y.: Holt Paperbacks, 2009, и др.
- ⁶Moving America Forward. 2012 Democratic National Platform//www.democraticconvention2012.com
- ⁷*Аснер П.* Великие державы должны иметь таких соседей, какой была Финляндия в годы «холодной войны» // Свободная мысль. 2008. № 9. С. 63.
- ⁸См.: *Evans G.* The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and For All. Washington DC: Brookings Institution Press, 2008.
- ⁹См.: *Keating M.* Plurinational Democracy: Stateless Nations in a Post-Sovereignty Era. Oxford, New York: Oxford University Press, 2002; *Slaughter A.-M.* A New World Order. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004.
- ¹⁰*Carr E.* The Twenty Years' Crisis 1919-1939. An Introduction to the Study of International Relations. L., 1939. P. 18.
- ¹¹См.: *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999; *Buzan B.* Op. cit., и др.
- ¹²См.: *Buzan B.* and *Little R.* International Systems in World History. Remaking the Study of International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- ¹³Ungoverned Spaces: Alternatives to State Authority in an Era of Softened Sovereignty / Ed. by A.Clunan and H.Trinkunas. Stanford (Ca.): Stanford University Press, 2010; Walled States, Waning Sovereignty. New York: Zone Books, 2010.
- ¹⁴См.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс, Кучково Поле, 2001.

Ключевые слова: геополитика, мировая политика, миропорядок, суверенитет, безопасность, международные нормы, однополярность, полицентричный мир, «ответственность по защите».

Екатерина ВИНОГРАДОВА

Соискатель факультета политологии
МГУ им. М.В.Ломоносова
vinogradovacatherine7@gmail.com

Роль стратегической коммуникации в международных отношениях

Инструменты убеждения и влияния были необходимы для идеологической борьбы в XX веке.

Я считаю, что они также необходимы и в XXI веке, даже, может быть, еще больше.

Роберт Гейтс (бывший министр обороны США)

Важнейшей тенденцией развития современного мира следует рассматривать глобализацию*. Ее технологической основой стали информатизация всех областей социальной деятельности, интеграция информационных систем различных государств в единую общемировую информационную сферу, формирование единого информационного пространства, создание глобальных информационно-коммуни-

*В данном контексте под глобализацией мы понимаем процесс всевозрастающего воздействия различных факторов международного значения (например, тесных экономических и политических связей, культурного и информационного обмена) на социальную действительность в отдельных странах.

кационных сетей, интенсивное внедрение новых информационных технологий во все области человеческой деятельности¹.

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Развитие информационных технологий меняет принципы и методы управления, обучения, оно же легло в основу революции в области международных отношений и в военном деле.

В этой связи одной из важнейших задач, стоящих перед современными государствами и их военными ведомствами, является использование информации для управления любыми конфликтами, так как информация способна влиять на восприятие людей.

Сегодня при грамотной стратегии работы с информацией возможно одержать победу в силовом конфликте. Работа с такими видами информации, как Интернет, новые СМИ, стала иным способом ведения современных войн.

В силу подобной информатизации общества в выстраивании международных отношений между странами также произошли существенные изменения, связанные с новейшими достижениями в области информационно-коммуникационных технологий.

Неслучайно в США, а затем и в ряде других стран в начале XXI века происходит оформление нового подхода к рассмотрению роли массовых коммуникаций в государственной политике, получившего свое конкретное воплощение в концепции «стратегическая коммуникация» (СК).

В данной работе под термином «СК» автор понимает стратегически скоординированную деятельность, направленную на управление целевыми аудиториями как внутри страны, так и за ее пределами с целью повышения репутации своей страны на международном уровне, а в случае политического конфликта - с целью победы в информационной войне.

На наш взгляд, факторами быстрого развития СК стали:

- возросшая информатизация общества;
- увеличение силовых конфликтов в мире;
- возросшая роль информационного противоборства для достижения военно-политических и экономических целей;

- террористические атаки;
- формирование новых национальных стратегий современных государств;
- корректировка и изменение имиджа стран на международной арене;
- появление и развитие новых форм дипломатии, таких как общественная дипломатия, кибер-дипломатия.

Термин «СК» в его современном понимании впервые появился в военных кругах США в 2001 году², однако в официальных документах США стал использоваться начиная с 2006 года. Согласно четырехлетнему плану развития, термин «СК» трактовался как фокусированные усилия США, направленные на понимание специфики целевых аудиторий и работу с ними для создания, укрепления и сохранения правительством США благоприятных условий для продвижения национальных интересов и целей путем скоординированной информации, комплексных планов, программ действия и синхронизации с другими элементами национальной власти³.

В начале XXI века СК получила активное распространение и в Великобритании. На сегодняшний день СК находится на стадии активной разработки и внедрения ее в военные органы страны.

Так, согласно национальной доктрине, опубликованной в 2011 году Министерством обороны Великобритании, СК должна работать на продвижение национальных интересов путем использования всех видов обороны для оказания влияния на поведение целевых аудиторий⁴.

СК должна внести решающий вклад в разработку и осуществление национальной стратегии. Стратегия понимается как совокупность идей, предпочтений и методов, которые объясняют деятельность (дипломатическую, экономическую или военную) и приводят ее к поставленной цели. Поэтому согласно этой точке зрения, СК может помочь сохранить взаимосвязь между целью и действием.

В соответствии с оценкой эффективности СК, данной английскими аналитиками, на сегодняшний день слабость СК заключается в том, что, согласно последним правительственным документам США и Великобритании, она является, по существу, атрибутом военного процесса. В результате чего ее потенциал остается недоиспользованным⁵.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

СК также активно изучается и разрабатывается в странах ЕС, Китае, России и ряде стран Латинской Америки.

В настоящий момент существуют и научные центры для изучения возможностей СК в решении военных конфликтов и предотвращении террористических атак.

Одной из таких организаций является Центр по борьбе с терроризмом в Анкаре, который был создан в 2005 году с целью поддержки НАТО по проблемам защиты от терроризма.

Центр на протяжении нескольких лет организует многочисленные конгрессы, семинары, курсы с целью расширения теоретических и практических знаний и информации о терроризме для экспертов и аналитиков НАТО⁶.

В мае 2009 года в Анкаре в рамках заседания Центра по борьбе с терроризмом состоялся конгресс «Стратегическая коммуникация для борьбы с терроризмом». В его работе приняли участие военные эксперты, ученые из США, Великобритании, Болгарии, Румынии, Нидерландов, Германии и Турции, работающие в сфере СК. Всего в конгрессе приняли участие около 40 специалистов из восьми стран - членов НАТО.

Независимые специалисты и военные эксперты, присутствующие на конгрессе, подчеркнули важность изучения СК в работе и с целевыми аудиториями, и с каналами передачи информации.

Еще одной научной организацией, занимающейся проблемами СК, является Консорциум по СК в Аризонском университете. Он объединяет работу передовых ученых, преподавателей и общественности в дискуссии о повышении роли коммуникации в борьбе с терроризмом для национальной безопасности и в общественной дипломатии⁷.

На сегодняшний день существует множество определений СК. Приведем некоторые из них:

- сочетание двух влиятельных понятий, «мягкой силы» и сдерживания, которые оказывают влияние на мировое общественное мнение⁸;

- непрерывный и быстрый поток информационных сообщений, направленный на целевые аудитории, который с помощью современных технологических достижений и удачных общегосударст-

венных методов работы со СМИ должен стать мощным рычагом воздействия⁹;

- синхронизация слов и дел, и то, как они будут восприняты отобранными аудиториями; программы и действия, сознательно нацеленные на общение и привлечение целевых аудиторий, осуществляемые посредством связей с общественностью, общественной дипломатии и информационных операций¹⁰;

- проецирование в массовое сознание государством определенных стратегических ценностей, интересов и целей путем адекватной синхронизации разносторонней деятельности во всех областях общественной жизни с ее профессиональным коммуникационным сопровождением¹¹;

- процесс, направленный на работу с целевыми аудиториями по созданию, укреплению и сохранению благоприятных условий для продвижения национальных интересов и целей путем скоординированной информации, комплексных планов, программ действия и синхронизации с другими элементами национальной власти¹²;

- систематическая серия длительных и последовательно связанных между собой действий, проводимых через стратегические, операционные и тактические уровни, которые позволяют понять целевые аудитории и каналы, где может быть продвинуто сообщение для установления нужных типов поведения целевой аудитории¹³;

- целый комплекс мер, направленных на управление целевыми аудиториями как внутри страны, так и за ее пределами, состоящий из трех частей - связей с общественностью, общественной дипломатии и информационных операций¹⁴.

Одной из причин такого большого количества определений, по мнению американского военного аналитика из военного колледжа США Дениса Мерфи, является изначальная неточная трактовка СК в документах США¹⁵.

Другой причиной такого огромного количества определений СК, на наш взгляд, является то, что как управленческая дисциплина она до сих пор находится на стадии формирования как в теоретическом, так и в практическом применении.

Однако, как мы можем видеть, несмотря на большое количество определений, суть СК, согласно всем трактовкам, заключается в управлении целевыми аудиториями с целью изменить их поведение и донести до них те ценности или информацию, которые

необходимы государству, применяющему СК. Также необходимо отметить, что все исследователи в основном выделяют три составные части СК: общественную дипломатию*, связи с общественностью** и информационно-психологические операции***. Эти понятия появились намного раньше СК, но их скоординированное применение стало новым рычагом управления в военных и гражданских операциях XXI века.

Деятельность СК направлена не только на оказание влияния на определенную целевую аудиторию с целью победы в информационно-психологической войне, но и на то, чтобы поправить имидж страны, использующей СК, как у противников, так и союзников посредством таких технологий, как имиджмейкинг, брендинг, межкультурная коммуникация, репутационный менеджмент, спин-доктор.

ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Анализируя генезис и эволюционную концепцию СК, необходимо отметить, что в настоящее время, несмотря на многочисленные попытки создать из нее универсальную теорию и скоординировать усилия для ее более эффективного использования, она остается предметом серьезных дискуссий и находится на стадии незавершенного механизма управления.

На наш взгляд, одной из причин неэффективного использования СК является ее теоретическая и практическая незавершенность.

*Общественная дипломатия - комплекс мер, нацеленных на изучение и информирование зарубежной аудитории, а также на установление контактов.

**Связи с общественностью - управление общественным мнением, выстраивание взаимоотношений общества и государственных органов или коммерческих структур, в том числе для объективного осмысления социальных, политических или экономических процессов.

***Информационно-психологические операции - спланированное использование средств, форм и методов распространения информации для оказания определенного воздействия на установки и поведение человека. Такие операции состоят из политических, военных и идеологических мероприятий, цель которых - изменение поведенческих и эмоциональных установок определенных групп людей и отдельных лиц по тем или иным вопросам в желательном направлении. Они проводятся в русле государственной политики (как часть стратегии СК), а их военная сторона координируется с деятельностью соответствующих правительственных учреждений. В более узком плане психологические операции применяются вооруженными силами для деморализации и дезориентации противника.

На сегодняшний день военные аналитики, ученые и эксперты, занимающиеся СК, не могут выработать один универсальный подход в работе СК.

Так, британский военный эксперт С.Тезем считает, что одной из проблем СК является то, что акцент зачастую делается на коммуникацию, а не на стратегию или просто на стратегию, а не на СК.

В британской военной среде этот термин часто сравнивают с деятельностью СМИ и их влиянием на убеждение населения. Гражданские ученые приравнивают ее к «мягкой силе» и общественной дипломатии, а циники - к пропаганде. Таким образом, существует реальная угроза связи СК с отрицательными терминами, что на эмоциональном уровне тормозит понимание этого сложного и важного понятия¹⁶.

Согласно другому подходу, который активно поддерживают такие специалисты, как Тодд Хелмус («Рэнд Корпорейшн»), Ян Танниклайф (Лаборатория СТРАТКОМ США), в работе СК необходим маркетинговый подход.

По мнению Хелмуса, вооруженные силы нуждаются в новой марке, которая поможет продвигать все формы их деятельности. Она должна обеспечить рекламу всех действий вооруженных сил, а тем необходимо следовать правилам бизнес-индустрии и разработать правила взаимодействия, а не только правила применения силы¹⁷.

Говоря о моделях СК, Ян Танниклайф подчеркнул, что в настоящее время одной из самых больших проблем является то, что сообщения не доходят до целевых аудиторий, потому что нет подходящего бренда, который бы воспринимался целевой аудиторией.

Танниклайф считает, что подавая сообщение, необходимо использовать пример маркетингового подхода для продвижения источника СК через дискурс, канал к целевой аудитории. Однако все это будет работать неэффективно, если целевая аудитория не принимает сообщение и не верит источнику¹⁸.

Существует еще один подход, согласно которому СК становится своего рода синонимом общественной дипломатии.

Так, американский специалист в области СК Г.Брюс в своей работе «Стратегическая коммуникация и общественная дипломатия» отмечает, что общественная дипломатия и СК могут быть использованы как аналоги в описании деятельности правительств, групп или отдельных лиц для осмысления культуры, целевой аудитории и диалога между людьми и институтами, консультирования поли-

тических лидеров об общественном мнении. СК и общественная дипломатия - это средства, предназначенные для убеждения¹⁹.

В качестве еще одной проблемы, оказывающей негативное влияние на эффективность СК, можно выделить неумение правильно и вовремя применять межкультурную коммуникацию в работе с целевыми аудиториями. Эта тема была доминирующей на конгрессе по борьбе с терроризмом в Анкаре в 2009 году, однако она актуальна и сегодня.

Так, доктор Стив Корман, выступая на конгрессе в Анкаре, справедливо отметил, что большинство специалистов в области СК в последние 50 лет использовали модель 1950-х годов, которая состояла из источника, сообщения, канала и получателя. В этой модели существовал полный контроль со стороны отправителя, а получатель (то есть целевые аудитории) не принимался во внимание. Эта модель использовалась в 1950-1980-х годах, однако своим упрощенным видом она никак не вписывается в современный мир и не может быть использована для работы с аудиторией противника²⁰.

Турецкий специалист по СК Абдулкадир Чевик также отметил, что наше восприятие управляется ожиданием, мы часто воспринимаем то, что мы ожидали увидеть. Каждая культура имеет различные ожидания и способ восприятия событий. Восприятие управлением убеждения и умелое использование пропаганды можно назвать восприятием под влиянием внешних сил, которые изменяются для того, чтобы достичь желаемого поведения «спин эффект». Террористические организации используют методы управления восприятием для того, чтобы изменить поведение своих последователей²¹.

В качестве путей решения этой проблемы немецкий специалист по СК Эми Зальман, опираясь на проведенный анализ восприятия макрокультурного аспекта, считает, что коммуникаторы в первую очередь должны понять себя и свое собственное восприятие, а также понимание и восприятие целевой аудитории²².

Американский военный эксперт в области СК М.Крейг справедливо отметил, что для того, чтобы эффективно влиять на общественное мнение, СК должна сфокусироваться не вокруг конфликта, а на управлении им²³.

По мнению экспертов, для успешной работы в области СК необходимо разработать определенный план, согласно которому будет проводиться работа СК.

В данной работе в качестве примера такого плана выступает разработка британского военного эксперта С.Тезема. План работы СК - согласно его точке зрения - должен состоять из *понимания того, как нужно общаться с аудиторией, правильного выстраивания сообщений, выстраивания асимметричных коммуникаций, анализа целевой аудитории, анализа каналов передачи информации, определения главной цели СК, анализа быстротечных результатов, взаимосвязи СК со СМИ, измерения возможностей, измерения времени*²⁴.

Отметим, что похожего плана придерживаются многие эксперты в области СК.

К ВОПРОСУ О РАБОТЕ С КАНАЛАМИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Важной задачей, стоящей перед современными государствами, разрабатывающими СК, является умение работать с ее каналами, которые в последние годы расширились благодаря развитию Интернет-технологий.

Помимо традиционных СМИ, экспертам, работающим в области СК, приходится осваивать электронные коммуникации, которые предоставляют новые возможности передачи сообщения целевым аудиториям для расширения эффективной коммуникационной стратегии, отвечающей за продвижения государственных интересов и целей как за рубежом, так и в своих странах.

Как отмечают ведущие специалисты, старые каналы СК, например традиционные СМИ, были основаны только на монологической базе, в результате чего аудитории являлись лишь пассивными потребителями сообщений²⁵.

Подтверждением кризиса современных традиционных СМИ могут служить тревожные оценки американских специалистов, которые, называя причины своих неудач в войне «за умы и сердца» в Афганистане, среди множества проблем выделяют такую проблему, как неправильный источник сообщения. Она заключается в том, что в информационном вещании на Афганистан преобладают иностранцы, а должны сами афганцы²⁶.

Таким образом, традиционные СМИ, даже в электронной форме, значительно уступают международным сетевым площадкам,

снижая степень доверия к стратегическому коммуникатору со стороны целевой аудитории, на которую он старается повлиять.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ «НОВЫХ МЕДИА» В КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Появление «новых медиа» открыло широкие возможности для развития диалогической связи между лицами, заинтересованными в послании сообщения, и целевой аудиторией, которой адресовано то или иное сообщение. Таким образом, происходит равнозначное производство и потребление этого сообщения²⁷.

Многие эксперты и аналитики, работающие в области СК, считают, что новые средства массовой информации ставят под угрозу сам эффект послания, которое они намерены передать целевой аудитории. Эту точку зрения опровергает американский военный эксперт Тимоти Каннингем. Он считает, что на самом деле стратегические коммуникаторы никогда не контролировали сообщения, которые они посылали в международные СМИ, так как печатные СМИ всегда ассоциировались с сообщениями, предназначенными для потребителей²⁸.

Посредством «новых медиа» коммуникатор теперь видит свою аудиторию, может лучше и быстрее выстраивать, корректировать свои сообщения в зависимости от сложившейся ситуации и настроений выбранной аудитории, то есть он может управлять ее поведением.

Говоря об эффектах, которые используются в электронных коммуникациях для постоянной дискуссии, необходимо отметить, что фактором, удерживающим постоянных пользователей в сети, является желание поддержать дискуссию. От активности участников и их бережного отношения к сообществу, то есть от поведения, соответствующего его нормам, зависит сохранение у участников интереса к сообществу, а следовательно, приемлемого числа его членов. Помимо этого, важным преимуществом такого взаимодействия является анонимность сообщения. Выступая в качестве виртуального субъекта в Интернет-среде, индивид может реализовать те намерения, которые в обычной «статусной» жизни он не смог бы осуществить в силу социальной обусловленности. Предоставление условий анонимного общения освобождает человека

от многих барьеров и условностей, а гарантия того, что маршруты навигации в кибер-пространстве глобальной сети не будут представлять ни для кого интерес, позволяет индивиду без опасения быть «неправильно понятым» затребовать разные материалы²⁹.

Как справедливо отмечает Н.А.Цветкова в своей статье «Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США», постоянное увеличение числа граждан, которые слушают радио, смотрят телевизионные программы через Интернет, пользуются определенными ресурсами и обсуждают важнейшие общественные и политические проблемы в социальных сетях, изменило суть современной общественной дипломатии. Ее программы переносятся правительствами разных стран в киберпространство, а ключевой целевой аудиторией становятся миллионы граждан - участников социальных сетей³⁰.

В этой связи специалисты, занятые в разработках СК, выделяют следующие электронные каналы, с которыми в первую очередь нужно научиться работать: электронные СМИ (сюда входят журналы, газеты, информационные агентства), социальные сети (наиболее предпочтительными являются такие сети, как «Facebook», «Twitter»), блоги, мобильная связь.

ЭЛЕКТРОННЫЕ КАНАЛЫ КОММУНИКАЦИИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В РАБОТЕ СОВРЕМЕННЫМИ СТРАТЕГИЧЕСКИМИ КОММУНИКАТОРАМИ

Электронные СМИ. Как уже говорилось выше, СМИ в Интернете имеют серьезные преимущества перед традиционными СМИ. Прежде всего, это низкая стоимость информационного продукта; нефиксируемый объем, не ограниченный газетными полосами или эфирным временем; экстерриториальность, то есть материал доступен там, где есть Интернет; мультимедийность, что предполагает использование практически всех видов передачи информации (текст, фото, звук, видео, графика)³¹. Кроме того, многие традиционные СМИ, перенесшие свои версии в электронный формат, имеют такую блогговую функцию, как комментарии, которая позволяет коммуникатору отследить эффект своего сообщения у целевой аудитории.

Социальные сети. Социальные сети, ставшие Интернетом внутри Интернета, представляют собой крупнейшие платформы для общения.

Главным преимуществом социальных сетей в отличие от электронных СМИ является международный фактор - общедоступность. Если электронное издание имеет свою целевую аудиторию, то социальные сети объединяют всех за счет международного статуса. Именно поэтому они стали оказывать влияние не только на международную целевую аудиторию, но и на самих стратегических коммуникаторов. Ведущие периодические издания мира вынуждены использовать специальную функцию, позволяющую оценить их публикации в крупнейших социальных сетях мира - «Facebook», «Twitter», что делает их в какой-то мере зависимыми от социальных сетей, а последних - еще более популярными за счет информационного обмена новостями с международными изданиями.

Социальные сети, такие как «Facebook», «Twitter», стали излюбленным инструментом у политических лидеров в их публичных дискуссиях с международной аудиторией. Так, «Twitter» создал самую популярную на данный момент Интернет-площадку, где пользователи могут выражать свои недовольства и быть услышанными. В этом смысле показательны протесты против результатов выборов в Иране в июне 2009 года, на которых была провозглашена победа Махмуда Ахмадинежада. Тысячи иранцев вышли тогда на улицы, выкрикивая в адрес Ахмадинежада упреки в фальсификации итогов голосования. Главным электронным каналом их негодования стал «Twitter». Под хеш-тегами «#IranElection»* иранские пользователи «Twitter» с секундным промежутком выкладывали новости о демонстрациях на улицах Тегерана и других городов. Глас народа, уместившийся в 140 знаков, на время проложил себе путь в свободную прессу через Интернет-цензуру Ирана. «Twitter» стал символом иранского восстания, и сервис коротких новостей был номинирован на Нобелевскую премию мира³².

Социальная сеть «Facebook» наряду с «Twitter» активно используется современными политиками в их политической коммуникации. Ярким примером может послужить кампания в поддержку Барака Обамы на президентских выборах 2008 года - первый случай в истории, когда в президентской кампании настолько масштабно и успешно использовали социальные медиа. Барак

* Дополнительный значок перед заголовком ставится, чтобы выделить сообщение в числе прочих.

Обама получил поддержку бывшего сотрудника и одного из основателей «Facebook» Криса Хьюза. Сердцем кампании был сайт: my.barackobama.com, где сторонники Обамы могли организовывать группы, координировать мероприятия и собирать пожертвования. Наряду с электронными письмами и приложениями для мобильных телефонов, важнейшими составляющими кампании стали социальные сети, в первую очередь «Facebook». Поклонники официальной страницы кампании могли делиться контентом, связанным с Обамой, оповещать других о сделанных пожертвованиях, об участии в акциях предвыборной гонки. Всего по объявлениям «Facebook» было собрано 643 тыс. долларов, а во время торжественной присяги ежеминутно на эту тему публиковалось 4 тыс. обновлений статусов. Вместе с «Facebook» президентскую кампанию обслуживали «LinkedIn», «MySpace», «Twitter» «YouTube», «Flickr» и другие социальные сети³³.

Активно используют опыт социальных медиа страны Латинской Америки. Последние президентские выборы в Бразилии, Аргентине, Чили, Венесуэле и Эквадоре показали активное использование социальных сетей в президентских кампаниях.

Кроме того, социальная сеть «Twitter» является излюбленным каналом коммуникации многих президентов Латинской Америки, среди которых можно выделить Президента Аргентины Кристину де Киршнер, бывшего Президента Венесуэлы Уго Чавеса, а также нынешнего Президента этой страны Николаса Мадуро, Президента Эквадора Рафаэля Корреа и др*.

Здесь надо отметить, что «Twitter» и «Facebook» сыграли главную роль в предотвращении социального конфликта в Венесуэле в конце 2012 - начале 2013 года. Акции протеста, прокатившиеся по стране в связи с долгим отсутствием информации о состоянии здоровья действующего президента страны Уго Чавеса, были в значи-

* Социальная сеть «Twitter» насчитывает 2 153 489 сторонников Президента Аргентины, 1 113 872 сторонника Президента Эквадора, 1 229 147 сторонников Президента Венесуэлы. Лидирующие позиции в данном рейтинге занимал бывший Президент Венесуэлы Уго Чавес - 4 196 884. Средний возраст сторонников 25-57 лет. Большое количество читателей живут в других странах. Социальная сеть «Facebook» значительно уступает «Twitter» по числу участников: лидирующее положение по числу участников и активности занимает действующий Президент Аргентины - 789 693 читателя, затем Президент Эквадора - 405 577, бывший Президент Венесуэлы Уго Чавес - 314 880, действующий Президент Венесуэлы - 75 004. Такое количество объясняется активностью политиков в данной социальной сети. За расчет были взяты только официальные странички политиков.

тельной степени прекращены после выхода последнего на связь с целевой аудиторией страны через «Twitter»³⁴. Всего несколько сообщений Уго Чавеса смогли успокоить население страны настолько, что приближенные президента сумели скооперировать свои усилия для дальнейшей предвыборной кампании ближайшего сторонника Уго Чавеса Николаса Мадуро, который благодаря активному использованию социальных сетей смог одержать победу на выборах.

Блоги. Мониторинг социальных сетей позволяет коммуникаторам направлять дискуссии блогеров в нужное русло и мобилизовать группы для той или иной цели.

Преимущество блогов перед традиционными СМИ является неоспоримым фактом. Благодаря высокой конкурентоспособности блогов в их среде «естественный отбор» происходит намного быстрее, чем среди традиционных СМИ. Выпуск новой газеты или вывод новой радиостанции требует значительных затрат средств и времени - создание блога обходится в ничтожную сумму и занимает несколько минут. Плохие газеты, теле- и радиокomпании «живут» намного дольше, чем неудачные блоги, поскольку последним легче привлечь банковские кредиты, инвестиции и пр., способные отсрочить их конец. В мире блогов все происходит крайне быстро: неудачники мгновенно отсеиваются и прозябают на обочине внимания. Помимо высокой конкурентоспособности, блогеры работают намного оперативнее традиционных журналистов. Частично это объясняется тем, что авторы блогов могут не обращать внимания на важные детали, например на правильное построение фраз, грамотность, симпатичное оформление текста, - «традиционные» сайты уделяют этому большое внимание³⁵.

Кроме того, блогеры помещают на свои страницы множество линков на сторонние сайты и блоги, таким образом помогая искать информацию посетителям, желающим лучше разобраться в обсуждаемой проблеме. В 2004 году Дэниел Дрезнер, профессор политологии Университета Чикаго, и Генри Фарелл, профессор Университета Джорджа Вашингтона, в своем исследовании «Мощь и политика блогов» опубликовали результаты опроса, проведенного ими среди 140 американских журналистов, работающих в традиционных СМИ - от крупных, таких как газета «New York Times» и телекомпания «ABC News», до мелких, с тиражом, не превышающим 10 тыс. экземпляров. Всех их просили назвать часто посе-

щаемые ими блоги. Как оказалось, 54% опрошенных читают пять определенных блогов (среди элитных журналистов доля приверженности этим пяти блогам оказалась еще выше - 74%)³⁶.

Таким образом, благодаря определенным посланиям в блогах целевая аудитория стратегического коммуникатора становится более информированной и заинтересованной и может быстро реагировать на те или иные события.

Еще одним эффективным электронным каналом коммуникации является *мобильная связь*. Рассылка SMS-сообщений на мобильные телефоны целевой аудитории позволяет коммуникаторам добраться до той части аудитории, которая не имеет доступа к сети Интернет, а также увеличить скорость передачи определенного послания. Ярким примером такого электронного воздействия может служить ситуация во время теракта в Мумбаи в 2008 году. Как было доказано, террористы использовали мобильные сообщения для быстрого контакта между собой, а также для дезинформации части населения Индии во время проведения серии терактов³⁷. Во время теракта в Мумбаи в секунду было отправлено несколько сообщений со словом «Мумбаи» в заголовке. Как и все нерегулярные формы отчетности, это создавало эффект точной информации, а ложь не была воспринята целевой аудиторией. Причем использование террористами известной социальной сети «Twitter» и мобильных SMS-сообщений ввело в заблуждение многих журналистов, у которых не было времени для проверки фактов, а последние дезинформировали население страны, внося путаницу в информацию, которая поступала от правоохранительных органов страны.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО ПОДХОДА СК В РАБОТЕ С НОВЫМИ ИСТОЧНИКАМИ ИНФОРМАЦИИ

Вместе с тем ведущие военные эксперты выделяют в качестве серьезной проблемы, тормозящей работу стратегических коммуникаторов, неумение пользоваться новыми каналами коммуникации, такими как электронные СМИ.

Например, американские эксперты в области СК неоднократно отмечали, что одна из причин снижения доверия к США со стороны союзников и противников заключается в недостаточно чет-

ко выстроенной национальной стратегии США и недостаточной оценке «новых медиа»³⁸.

Согласно стратегии США 2006 года, все агентства и посольства должны были учитывать в своей работе возможности Интернета для распространения американских ценностей и политики в мире, однако работа в этом направлении развивается недостаточными темпами³⁹.

В качестве одной из причин, затрудняющих работу с «новыми медиа», многие специалисты выделяют такой фактор, как отсутствие квалифицированных стратегических коммуникаторов, которые способны работать в новой визуальной системе.

Ряд военных аналитиков с тревогой отмечает, что пока государства заняты изучением и дискуссиями о том, как правильно работать с каналами СК, террористы уже научились их использовать и активно применяют в своей практике. Так, военный аналитик Мэтт Армстонг подчеркивает, что кинетические воздействия имеют огромное значение в информационном мире, так как идет борьба за умы и влияние на поведение целевых аудиторий. Доступ к распространению информации увеличился. Доступность СМИ создает ощущение, что все находится в эпицентре конфликта и новости распространяются как сарафанное радио. Это и есть кинетический обман для целевых аудиторий⁴⁰.

Несмотря на огромные возможности «новых медиа», коммуникаторы сталкиваются с еще большими проблемами, вызванными тем, что послание может быть растолковано неправильно благодаря моментальному перехвату и обработке его противником, что часто встречается в социальных сетях. Это распространяется и на традиционные СМИ, которые, попав в социальные сети, зачастую трактуются и воспринимаются иначе, чем того хотел бы коммуникатор. В этой связи стратегические коммуникаторы должны учитывать, что восприятие и мировоззрение - наиболее важные составляющие для целевых аудиторий, и просчитывать свои действия, понимая, как с помощью информации может измениться восприятие других⁴¹.

Важность работы с новыми СМИ подчеркивает британский военный эксперт Питер Буш. Он считает, что новые средства массовой информации должны находиться под постоянным контролем государства и восприниматься как часть СК, так как это основной источник информации в XXI веке⁴².

Российские специалисты также предлагают новые подходы к работе с социальными сетями. Д.А.Губанов, А.Г.Чхартишвили предоставляют широкий спектр рекомендаций для анализа и оценки информации, содержащейся в социальных сетях. Эксперты считают необходимой разработку автоматизированной системы их мониторинга и анализа, которая позволит стратегическим коммуникаторам эффективнее использовать социальные сети при работе с той или иной целевой аудиторией, исследовать послания, быстро собирать нужную информацию⁴³.

Подводя некоторые итоги, отметим, что как управленческая дисциплина СК появилась в США в XXI веке. С момента своего появления и до настоящего момента СК находится на стадии разработки и изучения как специалистами в военной области, так и исследователями в области общественных наук в разных частях мира.

Появление «новых медиа» (информационных агентств, социальных сетей, электронных газет и журналов, блогов, мобильных телефонов) дает возможность более эффективно проводить работу в сфере стратегических коммуникаций.

Уже сейчас политические институты не могут игнорировать активность в «Facebook» и «Twitter» и на аналогичных ресурсах, ведь эти сети добились очень важного результата: они создали стандарт для политических кампаний будущего. Социальные сети смогли разбудить у населения мира политическую активность. После долгих лет политического застоя во многих странах граждане стали высказывать свое мнение, пусть даже в виртуальном пространстве.

Вместе с тем «новые медиа» создают серьезные проблемы для стратегических коммуникаторов, которые не могут в полной мере управлять посланиями к целевой аудитории из-за общедоступности социальных сетей. Вследствие этого создается серьезная угроза кибер-безопасности Интернета и развертывания серьезного информационного противоборства между стратегическими коммуникаторами различных стран и вовлечение в них мировой аудитории. В итоге может снизиться степень доверия друг к другу среди населения разных стран, а также может быть легко подорван авторитет любого государства среди его жителей, чем могут воспользоваться шовинистически настроенные группировки.

На наш взгляд, эффективность работы СК тормозят такие факторы, как отсутствие четкого подхода в работе СК и недооценка значимости межкультурной коммуникации и «новых медиа» при работе с целевыми аудиториями, на которые направлена СК.

¹Федоров А.В. Информационная безопасность в мировом политическом процессе. М.: МГИМО-Университет, 2006. С. 8.

²См.: Paul Ch. Report of the Defence Science Board Task Force on Managed Dissemination. 2001.

³Quadrennial Defense Review Report. 2006. February 6. The Secretary of Defense. 1000 Defense Pentagon. Washington. P. 92.

⁴Development, Concepts and Doctrine Centre, Joint Doctrine Note 1/11, 'Strategic Communication: The Defence Contribution'. 2011. March. (Shrivenham: DCDC). P. 1.

⁵Cornish Paul, Lindley-French Julian, Yorke A.Claire. Strategic communications and National Strategy. London. Chatham House Report (The Royal Institute of International Affairs). 2011. September. P. 39.

⁶Ed. by A.Aykut Öncü, Troy Bucher, Osman Aytacı. Strategic communication for combating terrorism / Ankara, Turkey. 2009. Centre of Excellence - Defence Against Terrorism. P. 1.

⁷<http://www.asu.edu/clas/communication/about/csc/>

⁸Maj Craig C.Colucci. Shaping Colombia's Stability through Strategic Communication: Evaluating U.S. Effectiveness / United States Army School of Advanced Military Studies; United States Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth, Kansas AY. 2009. P. 8.

⁹National Framework for Strategic Communications. White House. Washington, DC. 2010. March. P. 3.

¹⁰Ibid. P. 2.

¹¹Пашенцев Е.Н. Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация. М.: МЦСПИК, 2012. С. 254.

¹²Dennis M.Murphy. Strategic Communication Talking the Talk: Why Warfighters Don't Understand Information Operations / Center for Strategic Leadership; U.S. Army War College. 2009. May. Volume 4-09. P. 3.

¹³См.: Paul Ch. Strategic Communication: Origins, Concept, and Current Debates. Santa Barbara, 2011.

¹⁴Tatham S.A. Strategic Communication: A Primer Academy of the United Kingdom, 2008. P. 2.

¹⁵Dennis M.Murphy. Talking the Talk: Why Warfighters Don't Understand Information Operations // Retrieved. 2012. 12 November; Dennis M.Murphy. Strategic Communication Talking the Talk...

¹⁶Tatham S.A. Op. cit. P. 3.

¹⁷Strategic communication for... P. 4.

¹⁸Ibid. P. 5.

¹⁹Bruce Gregory. Public Diplomacy and Strategic Communication: Cultures, Firewalls, and Imported Norms. George Washington University and Georgetown University. Washington, D.C., 2005. P. 39-40.

- ²⁰Strategic communication for... P. 5-6.
- ²¹Ibid. P. 6.
- ²²Ibid.
- ²³*Maj Craig C. Colucci*. Op. cit. P. 29.
- ²⁴*Tatham S.A.* Op. cit. P. 7.
- ²⁵*Cunningham T.* Strategic Communication in the New Media Sphere // Joint Forces Quarterly. Issue 59. 4th Quarter 2010. P. 110-111.
- ²⁶*Пашенцев Е.Н.* Указ. соч. С. 73.
- ²⁷*Cunningham T.* Op. cit. P. 111.
- ²⁸Ibid. P. 5.
- ²⁹*Шарков Ф.И.* Интерактивные электронные коммуникации. М., 2010. С. 100.
- ³⁰*Цветкова Н.А.* Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: Экономика, политика, культура. 2011. №3. С. 109.
- ³¹*Ушанов П.В.* Медиа рилейшнз. Основные аспекты взаимодействия СМИ и public relations. М., 2009. С. 71.
- ³²*Штайниаден Я.* Социальная сеть. Феномен Facebook. СПб., 2011. С. 110.
- ³³Там же. С. 172.
- ³⁴В своем микроблоге Уго Чавес написал: «Мы вновь прибыли на нашу венесуэльскую родину! Спасибо Господу, спасибо любимому народу, лечение продолжится здесь» // URL: <https://twitter.com/chavezcandanga/following> (07.07.2013).
- ³⁵Как блоги влияют на реальную политику // URL: http://www.commcenr.ru/mmedia/articles/2007_07_12.html (07.07.2013).
- ³⁶*Drezner D.W., Farrell H.* The Power and Politics of Blogs. Chicago, 2004 // URL: <http://www.utoronto.ca/~farrell/blogpaperfinal.pdf> (24.10.2013).
- ³⁷Did Terrorists Use Twitter to Increase Situational Awareness? // URL: <http://irevolution.net/2013/02/14/terrorists-used-twitter/> (07.07.2013).
- ³⁸*Love S.B., Rieping H.K.* New Media and Strategic Communication: Meeting Challenges Through Cultural Change / The Industrial College of the Armed Forces National Defense University. Fort McNair; Washington. 2008. 20 May. P. 2 // URL: <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esc=s&source=web&cd=1&cad=rja&ved=0CCkQFjAA&url=http%3A%2F%2Fsmallwarsjournal.com%2Fdocuments%2Fnewmedia2008.pdf&ei=dn58UuG7L8Kn4ASxvYHACg&usq=AFQjCNGuCSQhHdq0taMMOXkLJC0OyuQALQ&bvm=bv.56146854,d.bGE> (08.11.13).
- ³⁹Ibid. P. 9.
- ⁴⁰Strategic Communication for... P. 7.
- ⁴¹Ibid. P. 8.
- ⁴²Ibid. P. 7-8.
- ⁴³*Губанов Д.А., Чхартушвили А.Г.* Концептуальный подход к анализу онлайн-социальных сетей // Управление большими системами. М., 2013. Вып. 45. С. 222-236.

Ключевые слова: стратегическая коммуникация (СК), международные отношения, технологии СК, электронные каналы коммуникации, социальные сети.

Вера АНИСИМОВА

Атташе Третьего департамента
стран СНГ МИД России
wefa.anisimova@gmail.com

Конкурс молодых дипломатов

Французский миграционный опыт и российская реальность

После распада СССР Российская Федерация и другие молодые государства постсоветского пространства вынуждены были адаптироваться к процессам глобализации и жесткой конкуренции на мировой арене. С одной стороны, это раскрывало новые возможности для развития, с другой - неизбежно бросало новые вызовы и обнажало слабости и недуги еще неокрепших социально-политических и экономических систем. Ранее единая хозяйственная структура, позволявшая сгладить неравномерное распределение ресурсов и оптимально их задействовать, чтобы, насколько возможно, обеспечить гармоничное развитие всех территорий бывшего Союза, оказалась искусственно разорванной в угоду политическим интересам без оглядки на складывающиеся десятилетиями экономические связи. Именно данный фактор вкупе с проблемами демографии и предопределил возрастающую динамику миграционных потоков на постсоветском пространстве.

Для России это стало новым явлением - существовавшее до распада Союза внутригосударственное перемещение трудовых ресурсов, причем зачастую от центра в бывшие республики, превратилось в несопостави-

мую по масштабам трансграничную миграцию, направленную исключительно в Российскую Федерацию. В данных условиях страна оказалась перед необходимостью в кратчайшие сроки разработать и принять профильное законодательство и на его основе приступить к государственному регулированию миграционных потоков. Оптимизация соответствующих норм и механизмов продолжается и до настоящего времени.

Именно поэтому представляется весьма востребованным соответствующий зарубежный опыт, прежде всего европейский, где маховик современных миграционных процессов начал раскручиваться лет на 30 раньше, чем в России. Массовый приток иностранцев из африканских и азиатских государств (бывших колоний) с иными культурой и традициями, образом мышления и уровнем образования обострил социальные проблемы европейских обществ и поставил под угрозу национальное своеобразие европейцев. А в последнее время в связи с ростом исламского экстремизма и терроризма - и безопасность государств¹. В итоге в большинстве европейских стран идея синтезировать многообразие культур уступила место стремлению к «жесткой интеграции» мигрантов в европейское общество на условиях компромисса: с соблюдением их гражданских прав в том объеме, в котором они не вступают в противоречие с национальными интересами и культурными традициями европейских государств.

Эти тенденции хорошо видны на примере Франции, где в силу исторических особенностей развития накоплен и активно применяется на практике значительный опыт в области миграционной политики. Перед нашими странами стоят схожие задачи в урегулировании миграционных потоков. Прежде всего, речь идет о решении демографического (убыли населения) и экономического (привлечении необходимых трудовых ресурсов) вопросов.

Опыт Франции также актуален, потому что в истории правового регулирования миграционных потоков французскому законодательству удалось добиться реальных результатов в решении поставленных перед ним задач. Это хорошо видно на примере постепенной имплементации ограничительной политики, заметно сократившей приток иммигрантов в страну. В 1974-1982 годах во Францию в среднем ежегодно прибывало 220 тыс. иммигрантов, в 1982-1990-х - 100 тысяч, в 1991-1995-х - 90 тысяч, в 1997 году - 81 тыс. человек, из которых только 6,4 тысячи были гражданами Европейского союза². За первое десятилетие XXI века поток иммигрантов во Францию сократился еще на 10 тысяч.

Две упомянутые цели - удовлетворить потребности рынка труда путем привлечения рабочей силы из-за рубежа и компенсировать демографический дефицит - французская иммиграционная политика пресле-

довала уже с середины XIX века, обеспечивая при этом с переменным успехом интеграцию приезжих³. При этом профильное госрегулирование и законодательство были достаточно гибкими и в зависимости от складывающейся конъюнктуры рынка труда, потребностей и состояния экономики в целом ужесточались или, напротив, становились более либеральными.

Еще со времен революции 1789 года Франция принимала иммигрантов из самых разных стран. В 1889 году, в год столетия революции, в стране насчитывалось более миллиона иммигрантов, многие из которых получили в связи с этим юбилеем гражданство. Очевидно, что вначале иммиграция имела определенный политический оттенок: в XIX веке в числе приезжих были поляки, бежавшие из России, армяне - беженцы из Турции. К началу XX века политические иммигранты стали сменяться трудовыми. Особенно велик их приток был в 1920-х годах, когда Франции потребовалось большое количество рабочей силы для восстановления экономики после Первой мировой войны. С этой волной во Францию прибывали трудовые ресурсы в основном из европейских стран - Польши, Италии, Португалии. Вторая волна трудовой иммиграции, продолжающаяся до сих пор, началась в 50-х годах XX века, когда французская экономика вновь испытала нехватку рабочих рук. С этого времени среди переселенцев преобладают выходцы из бывших французских колоний, прежде всего стран Северной Африки⁴.

Уже в 1945 году был принят специальный закон, регулирующий иммиграцию. Он включает в себя девять глав и 40 статей, которые определяют процессы въезда в страну и дальнейшее в ней пребывание. В этот закон было внесено более 40 поправок⁵.

В период 1954-1962 годов, характеризующийся глубокими изменениями рынка труда, войной в Алжире и экономическим подъемом в метрополии, наблюдалось некоторое снижение числа приезжих из Алжира (11,3 тыс. человек в год) и, наоборот, увеличение числа марокканцев и тунисцев. Среди марокканских иммигрантов, в частности, было много солдат, сражавшихся во французской армии, которые после демобилизации остались работать в горнодобывающей промышленности и прочих трудоемких секторах производства.

Однако с провозглашением независимости в Алжире в 1962 году пришел конец и свободной эмиграции - началось расширение государственного регулирования миграционных процессов. 10 апреля 1964 года было заключено первое франко-алжирское соглашение о рабочей силе, известное как «Соглашение Наккаша-Гранваля», отличавшееся жестким контролем притока алжирцев. Новое соглашение на три года (подписано 27 декабря 1968 г.) определило ежегодный контингент въезжающих во

Францию по 35 тыс. человек в год. Таким образом, Франция применила политику квотирования. И несмотря на это, алжирская иммиграция оставалась по-прежнему самой многочисленной: с 1962 по 1972 год она выросла с 425 до 800 тыс. человек.

Основывалась она на принципах временного организационного найма рабочей силы, предполагавших возвращение приезжего на родину по окончании срока контракта. Пребывание в стране свыше оговоренного срока считалось незаконным, и иммигрант лишался ряда привилегий.

Наряду с ужесточением законодательства французское правительство предпринимало и некоторые либеральные шаги в отношении мигрантов. В это время начинается поощрение семейной иммиграции, что было более выгодно с экономической точки зрения, поскольку она влекла за собой расширение внутреннего рынка, рост сбыта производимых в стране товаров, а также сдерживала утечку валюты. Однако поощрение семейной миграции привело к образованию обособленных сообществ иммигрантов по этническому признаку, которые вполне адаптировались к жизни во Франции и не собирались ее покидать. И мигранты, и принимающая сторона столкнулись с необходимостью улучшения жилищных условий приезжих, потребностью выделять средства на образование и питание их детей.

В 1962-1972 годах французская экономика остро нуждалась в рабочих руках, и, несмотря на принятые рестриктивные меры, поток мигрантов неуклонно возрастал. В этот период выросло число лиц, принявших французское гражданство. В 1970 году их число составило 35 тыс. человек, а в 1978-м - уже 54 тысячи.

Кризисные явления конца 1960-х - начала 1970-х годов (рост безработицы, снижение государственных ассигнований на социальные нужды) особенно тяжело сказались на приезжих. Французские власти продолжали попытки поставить иммиграцию под контроль. Согласно договору с правительством Алжира 1972 года, устанавливался ежегодный лимит трудовой иммиграции в 25 тыс. человек. Кроме того, 23 февраля 1972 года вступил в силу указ, названный в честь его автора «циркуляром Фонтане», который регулировал въезд новых мигрантов, унифицировал срок действия карточек пребывания и работы, обязывал работодателей искать рабочую силу только через Национальное агентство по занятости (ANPE) и предоставлять иностранным рабочим жилье на территории Франции. Указ был направлен на борьбу с ростом нелегальной иммиграции, но не учитывал возможности и интересы средних и мелких нанимателей, особенно в вопросе размещения иностранной рабочей силы.

Нефтяной кризис 1973 года, усугубленный национализацией Алжиром нефтяной промышленности, вызвал антиэмигрантские на-

строения в обществе. Летом 1973 года (так называемое «смертоносное лето») дело дошло до кровавых инцидентов, жертвами которых стали алжирские граждане. Во время демонстрации протеста против бедственного положения иммигрантов были убиты десятки магрибинцев. В такой обстановке забота о безопасности соотечественников заставила правительство Алжира уже 17 сентября 1973 года принять решение о приостановке иммиграции во Францию.

Франция продолжала вводить ограничения. Согласно указу от 5 июля 1974 года, иммиграция иностранных рабочих во Францию была приостановлена, а иммиграция семей прекращена до 1 июля 1975 года. Кроме того, после достижения совершеннолетия дети иммигрантов высылались, ограничивался приезд родственников, создавались неблагоприятные условия для заключения браков между иммигрантами и местными жителями, а также пересматривались правила предоставления политического убежища. Подобная политика принесла определенные плоды: в 1974 году число постоянных иностранных рабочих, въехавших во Францию, сократилось с 132 055 человек (1973 г.) до 64 461 человека, а в 1975 году составило 25 591 человек.

Французские власти помимо мер ограничения въезда иммигрантов предпринимали шаги, направленные на стимулирование выезда ранее прибывших. В случае их отбытия на родину им предоставлялась специальная денежная помощь, которая в 1974 году составляла около 10 тыс. франков на одного работающего и 5 тыс. франков - на ребенка.

Однако на практике политика возвращения доказала свою неэффективность - поэтому на родину вернулись лишь 3% мигрантов⁶. Здесь необходимо обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, с 1970-х годов трудовая миграция во Франции превратилась в социальную: мигранты отправлялись не только за заработком, но за новыми, более комфортными социальными условиями жизни, ведь политическое и экономическое положение стран Магриба (основного источника мигрантов) пребывало в плачевном состоянии. Во-вторых, мигранты стали приобретать прочные социальные связи в самой Франции, интегрироваться в общество, и, имея корни уже на новой земле, возвращаться на историческую родину потребности и смысла не было.

Кризис занятости во Франции в 1980-х годах породил изменения в структуре иммиграции, вызвал дальнейший рост безработицы. К середине 1980-х годов возникла многочисленная армия местных безработных, включая впервые выходящую на рынок труда молодежь. Стране пришлось содержать 300 тыс. безработных иностранцев с их семьями, выплачивать им пособия системы социального обеспечения, оплачивать их общее и специальное обучение, жилье и т. п.

В октябре 1981 года было принято три закона, направленные на обеспечение правового равенства иммигрантов с основным населением Франции в области занятости, образования и культуры, в обеспечении жильем. В 1984 году издан новый указ, уточнявший некоторые аспекты пребывания иностранцев во Франции. В его рамках начал осуществляться курс на либерализацию правил найма и увольнения, повышение гибкости управления трудовыми ресурсами.

В 90-х годах XX века Франция столкнулась с проблемами, которые заставили ее пересмотреть миграционную политику и ужесточить миграционное законодательство.

Во-первых, необходимо учитывать, что низкий социальный статус нелегальных иммигрантов и, как правило, высокий уровень преступности в их среде привели к стойкому ассоциированию французами понятия «иммигрант» (особенно из стран Африканского региона) с понятием «преступник».

Во-вторых, в 1990-х годах в стране наблюдался рост безработицы. В 1994 году количество безработных составило 12,5% всей численности экономически активного населения. В этих условиях обострилась боязнь конкуренции со стороны иммигрантов на рынке труда.

В-третьих, рост количества иммигрантов и постоянно проживающих во Франции иностранцев (соответственно 4,2 и 3,6 млн. человек в 1990 г.) при сохранении их культурной автономии в рамках французского общества привел к возникновению «проблемы национальной идентичности». Иммигранты не были склонны принимать культурные и этнические ценности своей новой родины. Последняя проблема не стояла ранее перед французским обществом, так как до второй половины XX века большую часть мигрантов составляли европейцы, которые быстро ассимилировались и во втором поколении уже ничем не отличались от французов.

Основой для преобразований в сфере иммиграционной политики стало внесение изменений в Кодекс о гражданстве в 1993 году. Формально закон ограничивал право автоматического получения французского гражданства человеком, родившимся на территории страны. Родившийся в семье иностранцев может стать гражданином Франции только по достижении совершеннолетия и «проявив свое желание». На самом деле уровень натурализации этим путем заметно вырос.

Закон «Об урегулировании иммиграции, условиях прибытия и нахождения иностранцев во Франции» уточнял и развивал новые положения Кодекса о гражданстве. Предполагалось увеличение срока задержания иностранца, не предоставившего документы полиции, с семи до десяти дней до его выпровождения за границу. Выдворенный за пределы стра-

ны, он мог вернуться на территорию Франции только через год. Студентам-иностранцам запрещалось привозить с собой семью во время учебы. Только постоянно работающим во Франции иностранцам сохраняли право пользоваться системой социального страхования.

Иммиграционное законодательство 1993-1995 годов имело определенные недостатки. В некоторых случаях принятые законы не предполагали процедуры принудительного возвращения иммигранта в свою страну, но при этом полностью блокировали его права во Франции. Человек мог стать персоной вне закона, что противоречило его естественным правам.

В настоящее время важным вектором французской правовой политики стала борьба с нелегальной миграцией, о которой следует сказать отдельно.

В 1993-1995 годах французским правительством был проведен комплекс соответствующих мер: создание профильной структуры в правоохранительных органах, расширение прав проверки личности, введение жестких экономических санкций по отношению к предприятиям, использующим труд незаконных мигрантов. В частности, такой комплекс мер был утвержден в первой главе Пятилетнего закона о труде, занятости и профессиональной подготовке от 20 декабря 1993 года. Была учреждена Дирекция по контролю за иммиграцией и борьбе с использованием труда нелегальных иммигрантов.

Закон «О расширении прав проверки личности», принятый 10 июня 1993 года, стал превентивной мерой к ратификации Францией Шенгенских соглашений. Он предусматривал усиление полицейского высокотехнологичного контроля в 20-километровой приграничной зоне, международных портах, вокзалах и аэропортах, введение пластиковых электронных карточек для верификации личности. Полицейский получил право проверять документы любого подозрительного человека при любых обстоятельствах.

Масштабы нелегальной иммиграции вынудили французское правительство дважды за современную историю провести широкомасштабные «амнистии», регулируя положение большого числа нелегальных мигрантов в 1982 и 1997 годах. Однако практика амнистий не всегда является эффективным способом борьбы с нелегальной миграцией, так как не решает одну из главных задач миграционной политики: не способствует интеграции и поддерживает диспропорции на рынке труда.

Кроме борьбы с нелегальной миграцией, стоит отдельно выделить политику натурализации, которая составляет концептуальную основу миграционной политики Франции. Маятник общественного и научного мнения колеблется то в сторону национального идеала равенства и уни-

фикации прав, то в пользу признания права на многообразие этнических общин между «республиканским универсализмом» и «культурным дифференциализмом».

Для ряда социологов интеграция во французское общество предполагает ясное осознание принадлежности к французской нации не только как к этнической общности, но и как к добровольному «сообществу граждан». Другие полагают, что только национальное государство, основанное на республиканских принципах, может гарантировать идентичность и безопасность при усилении конфликтов, связанных с экономической нестабильностью общества. Они призывают к гражданской мобилизации, чтобы идеи французской идентичности перестали быть козырем в руках крайне правых.

На практике в результате имплементации политики натурализации Франция получила большую часть инокультурных граждан (мигрантов первого и второго поколений), которые не восприняли ценности и традиции принимающего общества. Напротив, они сохранили этнические и культурные особенности страны, из которой прибыли. Затрудняет интеграцию мигрантов во французское общество и их компактное проживание (более трети мигрантов проживают в районе Парижа). В настоящее время помимо социальных проблем (при существующем спаде экономики и росте безработицы потребность в труде мигрантов отпала) прибавились проблемы межэтнических конфликтов, ксенофобии и социальной напряженности.

События во Франции середины 2000-х годов показали, что либеральная натурализация, ориентированная на неограниченный мультикультурализм, не возымела должного эффекта. Французское правительство, находясь под давлением проблем, связанных с иммигрантами, и требований коренного населения, повернулось в сторону «жесткой интеграции», когда во главу угла ставится социальная стабильность и единство общества на основе соблюдения законодательных и культурно-этических норм, единых для данного многонационального населения страны.

Не будем подробно останавливаться на описании российской миграционной политики и законодательства, попробуем выявить общие черты в российской и французской миграционной ситуации. Хотя, конечно же, своя специфика есть и игнорировать ее нельзя.

Так, на начальном этапе регулирование миграционных потоков в России имело ряд особенностей. В 90-х годах XX столетия миграция в Россию носила социальный, и даже гуманитарный, характер, многие из мигрантов официально получили статус беженцев. Более 2/3 приезжих в этот период составляли русское и русскоязычное население - фактически происходил процесс возвращения соотечественников по-

сле распада единого государства⁷. Иммигрантами, в общеупотребимом сейчас понимании этого термина, этих людей назвать сложно.

Во Франции, кстати, в настоящее время есть не аналогичная, но вполне сопоставимая категория, остающаяся вне поля зрения миграционной политики. Это жители стран ЕС, а также заморских департаментов и территорий Франции. Первые - потому, что французское законодательство рассматривает их как европейских граждан, имеющих полное право на свободное передвижение, проживание и работу внутри Европейского союза, вторые - потому, что являются полноправными гражданами Франции и имеют право на свободное перемещение по всей территории государства, в том числе и по метрополии.

В настоящее время этнический состав прибывающих в Россию мигрантов резко изменился. В нем преобладают представители титульных наций стран Закавказья и Центральной Азии, категория с социально-экономической и культурно-религиозной точек зрения вполне сравнимая с французскими иммигрантами из Магриба. Изменились и задачи, которые приходится решать Российской Федерации, реализуя миграционную политику, - это демографический аспект и вопросы занятости, прежде всего в секторе низкооплачиваемого труда (что непосредственно сближает ее с Францией).

С одной стороны, миграция является способом решения этих проблем. Различные формы внешнего и внутреннего перемещений человеческих ресурсов представляют собой факторы сдерживания естественной убыли населения в Российской Федерации, источники восполнения потерь трудоспособного населения и удовлетворения потребностей развивающейся экономики в рабочих руках. Большое количество мигрантов теоретически способно повысить конкурентоспособность российской экономики за счет дешевой рабочей силы. Для поддержания численности населения необходимо привлекать ежегодно не менее 700 тыс. иммигрантов, а для сохранения численности трудоспособного населения - не менее миллиона в год. По некоторым оценкам, Россия для удержания экономического роста и роста благосостояния населения до середины века должна принять как минимум 20 млн. иммигрантов.

С другой стороны, привлечение неквалифицированных мигрантов не способствует увеличению ВВП на душу населения. Экономический рост в долгосрочной перспективе может происходить лишь за счет повышения производительности труда. Приезд малоквалифицированных мигрантов увеличивает долю малообеспеченного населения с заведомо низким уровнем оплаты.

При этом неконтролируемые миграционные процессы и отсутствие интеграции при излишне либеральном подходе несут в себе социально-

экономические и этнокультурные угрозы, как на уровне отдельных территориальных общностей, так и государства в целом⁸.

Анализируя аналогичные проблемы у себя на родине, французские власти в рамках применяемой на сегодняшний день тактики «жесткой интеграции» избрали тактику селективного отбора мигрантов, прежде всего по уровню образования и специализации. Реализация данного подхода возможна только при тщательном государственном регулировании демографических процессов, контроле кадровых потребностей в экономике, а также при жесткой и эффективной борьбе с нелегальной миграцией.

Собственно, проблема нелегалов характерна сегодня и для Франции, и для России. По разным оценкам, в РФ находятся от 15 до 17 млн. нелегальных мигрантов. Эта социальная группа - между прочим, представители наших братских народов по СССР - фактически вне закона, в их отношении не соблюдается трудовое законодательство, они социально не обеспечены и крайне слабо интегрированы в общество, вынуждены селиться замкнутыми анклавами. Все эти факторы неизбежно ведут к криминализации мигрантских сообществ.

Проведению политики отбора в России препятствуют открытость границ со многими иностранными государствами (прежде всего странами СНГ) и либеральность миграционного законодательства. Тем не менее в 2014 году принят ряд государственных шагов, направленных на ужесточение миграционной политики. Так, согласно Федеральному закону от 20 апреля 2014 года №74-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», мигранты должны будут подтверждать владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации для получения разрешений на работу или временное проживание*.

Эволюция российской миграционной политики продолжается. Этот сложный и болезненный для общества процесс, как мы видим на французском примере, идет зачастую методом проб и ошибок. Например, так было с доказавшей свою неэффективность практикой поощрения возвращения мигрантов на родину.

Вполне очевидно, что для каждого государства в определенный исторический период миграционные процессы имеют свою неповторимую

*Подтвердить соответствие этим требованиям можно будет сертификатом о владении русским языком, знанием России и основ законодательства РФ или документом государственного образца об образовании (на уровне не ниже основного общего образования), выданным образовательным учреждением на территории государства, входившего в состав СССР, до 1 сентября 1991 г.) или документом об образовании /квалификации, выданным лицам, успешно прошедшим государственную итоговую аттестацию на территории Российской Федерации с 1 сентября 1991 г. Закон вступает в силу с 1 января 2015 г., за исключением отдельных положений, которые вступают в силу с 1 сентября 2014 г.

специфику, определяемую уникальным сочетанием факторов, начиная с географии и заканчивая этнокультурным и религиозным. Тем не менее для всех принимающих стран существуют общие проблемы, связанные с миграцией и порождаемые ею: проблема интеграции (ассимиляции) в обществе, нелегальные миграционные потоки, криминализация мигрантских сообществ и др.

В частности, как показывает опыт Франции, в данных условиях наиболее эффективной проявляет себя единая рамочная модель миграционной политики, сохраняющая при должной прочности общей структуры резерв для гибкого реагирования и оптимально сочетающая в зависимости от текущих условий два основных стратегических элемента.

Первый, рестриктивный, заключается в отказе от стимулирования миграционного потока, так называемая программа сдерживания. Увлечение такого рода политикой при сохранении неблагоприятных тенденций в развитии демографической ситуации может привести к тяжелым последствиям, связанным с нехваткой рабочих рук.

Второй, разрешительный, с опорой на ассимиляцию, предполагает стимулирование иммиграции с выработкой государством особых подходов к их расселению и адаптации.

¹Рыжов И.В. Миграционная политика Франции: опыт для России/И.В.Рыжов, Д.М.Золина//Фаизхановские чтения. 2008. №5.

²Денисенко М.Б. Иммиграционная политики в Российской Федерации и странах Запада/М.Б.Денисенко, О.А.Хараева, О.С.Чудиновских. М., 2003.

³Hamilton K. Challenge of French Diversity/K.Hamilton, P.Simon, C.Veniard//Migration Policy Institute. Washington, 2004// URL: <http://www.migrationinformation.org/feature/display.cfm?ID=266>

⁴Боргулев М. Иммиграционная политика Франции: выводы и уроки для России/М.Боргулев//Социологические исследования. 2003. С. 18-32.

⁵Морозов Д.Ю. Североафриканская иммиграция во Францию//Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 2009. №210.

⁶Там же.

⁷Макарова Л.В. Региональные аспекты российской иммиграции /Л.В.Макарова, Г.Ф.Морозова, Т.И.Борзунова//Социологические исследования. 1998. №6. С. 48-55.

⁸См.: Шлыкова Е.В. Социальная преемственность нововведений миграционного законодательства /Е.В.Шлыкова//Социологические исследования. 2010. №2. С. 56-65.

Ключевые слова: миграционный опыт Франции, иммиграция.

Сергей ШАРКО

Доцент факультета мировой экономики
и мировой политики НИУ ВШЭ,
кандидат политических наук
shuaige@bk.ru

Геостратегические интересы Южной Кореи и будущее Корейского полуострова

Правительство Южной Кореи во главе с новым Президентом Пак Кын Хе критически переосмысливает практику обеспечения жизненно важных интересов своего государства в геополитическом и геоэкономическом пространстве Корейского полуострова. Сегодня, когда речь идет о формировании новой системы глобального управления, повышается ответственность Республики Корея, как и других государств, за происходящие события в Восточно-Азиатском регионе и мире в целом.

Для южнокорейского государства важно укрепить свои позиции на международной арене в качестве влиятельного субъекта мировой политики и экономики. Международный авторитет Южной Кореи, а следовательно, и степень влияния на Корейском полуострове будет зависеть от способности ее руководства вовремя увидеть преобладающие тенденции глобального и регионального развития и формы отношений между ведущими геополитическими акторами в регионе, правильно определить свои геостратегические ориентиры в жизненно важном для страны пространстве.

Определение вектора долгосрочного стратегического развития страны необходимо для выстраивания своих отношений как с мировыми державами, так и с соседними странами, включая КНДР, на основе инициативной внешней политики, подчиненной решению не узко экономических задач сегодняшнего дня, а перспективным геополитическим целям государства. Создание благоприятных внешних условий для национального развития Южной Кореи во многом определяется геополитической ситуацией на Корейском полуострове как неотъемлемой части АТР и мира в целом. Внешний окружающий мир для Южной Кореи становится значительно более важным, чем за всю предыдущую историю ее национального развития. Мера ответственности южнокорейского государства значительно возросла: на чаше весов - мир и доверие на Корейском полуострове путем создания новых межкорейских отношений или грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного внешним манипуляциям корейского народа.

Способна ли провозглашенная Президентом Южной Кореи Пак Кын Хе «политика доверия» в отношении КНДР стать эффективным инструментом разрешения корейского кризиса и действительно действующей стратегией вывода Севера из изоляции?

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ ПАК КЫН ХЕ: МИРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Президент Республики Корея Пак Кын Хе, в отличие от своего предшественника Ли Мён Бака, утратившего доверие избирателей по причине отсутствия видимых результатов проводимого им внешнеполитического курса, предложила новую стратегию в отношении Северной Кореи. Главный смысл этой стратегии состоит в «политике доверия». Пак Кын Хе в целом ряде своих выступлений говорит о намерении последовательно продвигать процесс доверия на Корейском полуострове на основе здравого смысла и международных правил. По ее убеждению, для обеих Корей после 68-летнего раскола настала «пора вступить в новую эру мира и воссоединения на Корейском полуострове, выходя за рамки недоверия и конфронтации между двумя Кореями»¹.

Путь к доверию лежит через взаимовыгодное сотрудничество к общему процветанию. В качестве первых шагов Южная Корея предлагает Пхеньяну возобновить встречи разлученных семей на предстоящем общенациональном корейском празднике Чхусок² в сентя-

бре этого года. Кроме этого, превращение Корейского полуострова в «землю доверия, гармонии и сотрудничества»³ необходимо начинать с восстановления нормальной работы промышленного комплекса Кэсон после 133-дневного перерыва в его работе по инициативе Северной Кореи. Согласно совместному соглашению от 14 августа 2013 года, обе Кореи пришли к мнению о необходимости дальнейшей интернационализации парка Кэсон с возможным привлечением зарубежных партнеров, а также предотвращения любых подобных рецидивов в этой демилитаризованной зоне.

Следовательно, для последующих шагов к новым взаимовыгодным отношениям сотрудничества у обеих Кореи есть определенные возможности. Новые взаимовыгодные отношения сотрудничества Южной Кореи и Северной Кореи не только на двусторонней, но многосторонней основе могут «генерировать значительный синергетический эффект»⁴ совместного развития стран Северо-Восточной Азии⁵.

В международно-политическом плане инициативы Пак Кын Хе в целом направлены на мирное объединение Корейского полуострова. Подталкиваемая объективными обстоятельствами к большей открытости, к активному включению в процессы глобализации Южная Корея вынуждена изменить свою роль в ходе нормализации отношений с КНДР в сторону большей активности. Южнокорейский президент руководствуется новым видением Северо-Восточной Азии. На взгляд Пак Кын Хе, в США сложилась парадоксальная ситуация: «уровень экономической взаимозависимости в регионе растет, но и одновременно расширяются конфликты вокруг исторических и территориальных проблем»⁶. Поэтому азиатские страны нуждаются в создании нового порядка, построении мира, процветания и общего будущего в США. Однако, как неоднократно подчеркивает южнокорейский президент, «открыть новую эру на Корейском полуострове»⁷ возможно при условии отказа Северной Кореи от ее ядерных программ.

Ядерная программа Северной Кореи, как поясняет бывший Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНДР (2006-2012 гг.) В.Е.Сухинин, не является «предметом торга» в обмен на экономическую помощь, а это «инструмент, который требуется Пхеньяну для защиты безопасности, [т. е.] суверенитета страны»⁸. Северокорейский руководитель Ким Чен Ын в своей речи на мартовском Пленуме ЦК партии выделил стратегическую линию развития государства, направленную на повышение жизненного уровня населения. Согласно его логике, «в настоящее время, когда наша страна стала полноправ-

ным обладателем ядерного оружия, у нас созданы благоприятные условия для сосредоточения всех финансовых и трудовых ресурсов в борьбе за экономическое строительство и улучшение благосостояния населения при опоре на могучие силы военного сдерживания»⁹.

«ВЕЛИКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ КОРЕЙСКАЯ ИДЕЯ» - ОБЪЕДИНЕНИЕ НАРОДА

Геополитическая доминанта корейского народа, веками опирающегося на инстинкт национального самосохранения и единства, складывалась в сложнейших исторических условиях выживания некогда единой нации. В настоящее время, во-первых, корейский народ переживает судьбу так называемого «разделенного народа» после окончания Корейской войны прошлого века. Южнокорейский Президент Пак Кын Хе убеждена в том, что необходимо объединить усилия, с тем чтобы помочь северокорейскому народу преодолеть невзгоды и трудности. В своей речи, посвященной 68-й годовщине освобождения Кореи от японской оккупации, она говорит: «Мы не можем больше закрывать глаза на голод и другие трудности, с которыми сталкиваются корейцы на другой стороне полуострова»¹⁰. Во-вторых, международный статус каждого из корейских государств не определен. Как объясняют сами южнокорейцы, причиной является отсутствие легитимной общепризнанной границы: два корейских государства словно «обречены оставаться не совсем полноправными национальными государствами - это прекрасно иллюстрируется тем фактом, что ни одному из них так и не удалось добиться международного признания границы, отделяющей его от главного антагониста»¹¹. Это два сиамских близнеца. Поэтому долгосрочное стратегическое развитие как Южной Кореи, так и Северной Кореи невозможно без осуществления великой национальной корейской идеи, связанной с воссоединением страны и народа в объединяющем пространстве Корейского полуострова.

ЮЖНАЯ КОРЕЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Южная Корея поставлена перед необходимостью пересмотра своих геополитических приоритетов в сторону большего реализма

в подходе к Северу. Неслучайно в актуальной повестке дня южнокорейского Президента Пак Кын Хе во время визита с 27 по 30 июня в Китай значился вопрос решения корейской проблемы как наиболее стратегически необходимый для РК.

В настоящее время в большей степени, чем когда бы то ни было, от отношений двух Корей зависят перспективы Южной Кореи как высокоразвитой промышленной державы, так как состояние межкорейского противоборства мешает укреплению отношений и их выводу на новый качественный уровень взаимосвязей Южной Кореи с развивающейся Россией, блокирует совместные инвестиционные инициативы по осуществлению крупномасштабных проектов на Корейском полуострове и в Восточной Азии в целом. Россия действительно заинтересована не просто в разрядке напряженности на Корейском полуострове, а именно в сотрудничестве двух Корей, поскольку это позволит ей проложить транскорейский газопровод и соединить Транскорейскую магистраль с Транссибирской, получив выход на остальную часть Восточной Азии.

Наиболее важной задачей Республики Корея на ближайшее десятилетие будет обеспечение соответствия страны требованиям формирующегося глобального мира. Новая открытость мира, глобальные рынки не терпят препятствий для свободного проникновения финансовых и иных потоков, тем более не приемлют каких-либо разделительных линий, подобно тому, которая существует на Корейском полуострове между РК и КНДР. Если Южная Корея намерена защищать и продвигать свои национальные интересы на международной арене, ей следует быть современной глобальной державой, занимающей ключевые геостратегические позиции в новой Азии, куда перемещается центр мировой политической, экономической, военно-стратегической активности и неотъемлемой частью которой является эта активность на Корейском полуострове.

Посткризисные условия трансформации глобальной экономики, международной финансовой системы и мировой политики ведут к ускорению геополитической динамики современного и особенно будущего мира, где Корейскому полуострову суждено сыграть свою важную геополитическую роль. Исходя из современной реальности, ему уже уготована роль моста между Востоком и Западом. Пока нет никаких гарантий мирного урегулирования корейского кризиса, поскольку процессы роста экономической взаимозависимости в Северо-Восточной Азии, требующие формирования единого региональ-

ного пространства, сопровождаются процессами противоположной направленности, обусловленными историческими конфликтами, территориальными проблемами, расколом некогда единой Кореи, а также вмешательством мировых центров силы и геополитическим противостоянием США и Китая.

Корейский полуостров - это важнейшая геостратегическая точка мира, открывающая доступ Евразии к просторам Тихого океана и другим континентам, которая из-за международной изоляции КНДР является недоступной для глобального рынка и по сути дела блокирует РК. От того, насколько адекватным и последовательным будет южнокорейский ответ вызовам безопасности на Корейском полуострове, процессу создания доверия между Севером и Югом, зависят геополитические перспективы Южной Кореи как тихоокеанской державы.

Геополитическая реальность Корейского полуострова - разъединенная Корея. Так называемая корейская «разделительная система» в качестве своеобразной подсистемы современной мировой структуры продолжает сохранять устаревшую логику глобального противостояния несуществующих лагерей (СССР и США). Согласно анализу южнокорейских ученых, таких как Пайк Нак Чун, «корейская «разделительная система» в действительности служит надежным компонентом современной глобальной системы, так как она не только придает легитимность доминирующей роли США, но и воспроизводит новую версию колониального режима, усиливая тем самым идеологические позиции государственного тоталитаризма, расизма и сексизма»¹². Логика конфронтации Юга и Севера, в свою очередь, диктует и свои правила геостратегической игры глобальных и региональных держав на Корейском полуострове. Инициаторы геополитического передела Корейского полуострова провоцируют состояние новой холодной войны. Взрывоопасная стратегическая ситуация на Корейском полуострове ведет к гонке вооружений в АТР, которую будет трудно остановить. Оценивая состояние отношений между КНДР и Республикой Корея, российский посол в КНДР В.Е.Сухинин свидетельствует о том, что «конфликт, который можно было на более ранних этапах предотвратить, довели до точки кипения»¹³. Он также высказал свое личное мнение об отсутствии гибкости и безынициативности международного сообщества к корейскому кризису. С его точки зрения, «все резолюции СБ ООН в отношении КНДР пишутся как под копирку. К многосторонним резолюциям добавляются односторонние санкции, которые японцы, американцы предпринимают вне рамок Совета Безопасности»¹⁴.

ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО ОБЪЕДИНЕНИЯ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Во взглядах южнокорейского общества на будущее единение Корейского полуострова с провозглашением «политики доверия» нового Президента РК Пак Кын Хе к КНДР происходит смещение в сторону от превалирующей стратегической цели, связанной с поглощением Севера Югом, к более реалистическому подходу в оценке последующего развития геополитической ситуации на Корейском полуострове. На смену консервативным взглядам прежней администрации Ли Мён Бака идет процесс медленного освобождения южнокорейцев от прозападных иллюзий, которые подпитывались и подпитываются американскими геополитическими проектами, рассчитанными на скорый и неминуемый коллапс КНДР.

Согласно подобной точке зрения, северокорейский режим рухнет под тяжестью внешних факторов влияния - экономических санкций и международной изоляции, демонстрационного эффекта «арабской весны», а также внутренней нестабильности из-за борьбы за власть в руководстве страны, утраты веры северокорейского населения в социалистические идеалы, нехватки продовольствия и валюты, истощения потенциала мобилизационной парадигмы развития. Становится востребованным более реалистичный подход, закамуфлируемый ранее под научный скептицизм относительно возможности крушения корейской «разделительной системы» под воздействием объективных факторов на фоне структурного кризиса в управлении мировой системой.

Внешнеполитические инициативы Президента РК Пак Кын Хе свидетельствуют о том, что южнокорейское общество, исходя из национальных интересов своей страны, находится в поиске новых внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов, способствующих дальнейшему стратегическому развитию Республики Корея. В Южной Корее идет пока медленный настрой на весьма осторожные контакты между Севером и Югом: предложенная новым Президентом РК Пак Кын Хе стратегия вывода Севера из изоляции посредством «политики доверия» одобрена Барак Обама и сверяется с общими действиями США.

Новый руководитель КНДР Ким Чен Ын еще в начале 2013 года объявил о размораживании отношений с РК и устранении «конфронтации между Севером и Югом»¹⁵ Корейского полуострова. Однако он не был услышан. Далее последовала целая череда негатива,

усиливающего напряженность на Корейском полуострове вплоть до взрывоопасного состояния, вызванного ядерными испытаниями, проведенными КНДР в феврале 2013 года; очередной резолюцией Совета Безопасности ООН в отношении КНДР в марте; ответными угрозами и военной истерией КНДР в отношении РК в апреле; закрытием совместной индустриальной зоны Кэсон для компаний из Южной Кореи в том же месяце по инициативе Пхеньяна; южнокорейским планом «активного сдерживания КНДР», предусматривающим возможность нанесения превентивного удара в случае признаков возможного ядерного или ракетного удара по Югу.

Южная Корея оказалась также не готовой к неожиданным для нее инициативам Пхеньяна о заключении мирного договора.

Прогнозная оценка предусматривает последствия развития того или иного сценария по объединению Кореи и его влияния как внутри полуострова, так и за его пределами.

Первый сценарий - поглощение Севера Югом, где ставка в азартной геостратегической игре США с восточноазиатскими странами делалась на объединение Кореи, а не на сохранение КНДР в качестве независимого государства, - как показала практика, не имеет под собой реалистической основы. Такой сценарий содержит в себе заведомо заниженные оценки на абсорбционные способности Южной Кореи по воссоединению страны. Что будет происходить внутри Корейского полуострова? В этом сценарии трудно исключить возможное экономическое банкротство Южной Кореи, вынужденной взвалить на себя весь груз финансовой ответственности, гораздо более тяжелый, чем это сделала в свое время ФРГ, располагающая более значительными финансовыми ресурсами, чем РК. По большому счету этот сценарий может усилить позиции правящих кругов Южной Кореи. Однако он не принесет никакого ущерба внешним силам, управляющим глобальной системой. Для США и Японии - это относительно беспроигрышный вариант.

Второй сценарий - сохранение разделения двух Кореи в менее критической и взрывоопасной форме - являет собой более реалистический вариант. Однако только на краткосрочную перспективу. Для обоих корейских режимов вступают в силу конъюнктурные факторы внутреннего давления - чрезвычайная нестабильность Севера и прогрессирующая нестабильность Юга вследствие эскалации неустойчивости. Для внешних доминирующих сил, пытающихся держать под контролем геополитическую динамику современного

мира, этот сценарий более чем приемлем, так как он продлевает век американского доминирования, особенно в контексте стратегии возвращения США в Восточную Азию на фоне вывода коалиционных сил из Афганистана (2014-2024 гг.). При этом фактор времени окажется особенно благоприятным для набирающего мощь Китая.

Однако этот сценарий является не менее рискованным, чем первый, так как геополитические аппетиты мировых держав, как правило, растут. Геостратегическое мышление геополитиков отдельных государств АТР подпитывает желание политических лидеров разрешить как можно скорее корейский кризис силовыми методами.

Третий сценарий - эволюционное объединение Корейского полуострова - преследует цель образования инновационного государства на основе интеграционного сближения. Интеграция, в отличие от других форм международного взаимодействия, имеет довольно широкий диапазон обоюдного совместного развития как Южной, так и Северной Кореи. От свободного движения (либерализации) рынка товаров, услуг, капиталов, людей по типу мягкой интеграции до конвергенции процессов воспроизводства, в которых возможно использование высокотехнологических схем и инновационных механизмов, а также учет международной специализации и кооперации по типу глубокой интеграции. К достоинству интеграции относится уничтожение дискриминации взаимосопряженных хозяйственных единиц, изменяющей подчиненное положение той или иной успешно интегрированной национальной экономики. Самое главное - при интеграции возможны как межгосударственные механизмы управления, так и надгосударственные структуры совместного управления, а также отсутствие таковых в случае децентрализованной интеграционной структуры нового инновационного типа.

Можно сделать вывод, что развитие подобного сценария ведет к уничтожению существующей «разделительной системы», освобождает РК и КНДР от необходимости выстраивать свою внешнеполитическую стратегию в зависимости от правил геостратегической игры внешних держав в Восточной Азии и соответствует макротенденциям мирового развития, центр которого смещается в азиатскую часть АТР.

¹Великий путь Республики Корея. Выступление Президента Пак Кын Хе, посвященное 68-й годовщине освобождения Кореи. 15 августа 2013. Сеул// http://english.president.go.kr/pre_activity/speeches/speeches_view2.php?uno=8194&board_no=E12&search_key=&search_

value=&search_cate_code=&cur_page_no=1

²Чхусок (кор. 추석, 秋夕, дословно осенний вечер) - корейский традиционный праздник. Отмечается 15 числа 8 лунного месяца. В Южной Корее Чхусок, а также день до и после него являются нерабочими. Во время Чхусока корейцы обычно едут к себе на родину для встречи с родственниками // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Чхусок>

³Великий путь Республики Корея...

⁴Там же.

⁵Синергия, синергетический эффект - возрастание эффективности деятельности в результате интеграции, слияния отдельных частей в единую систему за счет так называемого системного эффекта (эмерджентности) // *Борисов А.Б.* Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2003. 895 с.

⁶Великий путь Республики Корея...

⁷Там же.

⁸*Сухинин В.Е.* Интервью 20 июня 2013 // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1991#top

⁹Заключительная речь Ким Чен Ына на мартовском (2013 г.) Пленуме ЦК ТПК // <http://mar12.livejournal.com/181768.html>

¹⁰Там же.

¹¹*Пайк Нак Чун.* Колониализм в Корее и южнокорейский проект преодоления модерна // Кросскультурное взаимодействие в Азии: теория и практика. Ежегодник-2010: Сб. статей / Под ред. Н.С.Кирабаева, А.М.Ушакова, А.Г.Юркевича. М.: РУДН, 2010. С. 298.

¹²*Пайк Нак Чун.* Указ. соч. С. 299.

¹³*Сухинин В.Е.* Интервью...

¹⁴Там же.

¹⁵Новогодняя речь товарища Ким Чен Ына, 1 января 102 года чучхе (2013). Пресс-релиз посольства Корейской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации. 1 января 2013 // <http://bolshevick.org/novogodnyaya-rech-tovarishha-kim-chen-yna>

Ключевые слова: Южная Корея, Северная Корея, мировая политика, геостратегические интересы.

Международная

ЖИЗНЬ

КНИГИ И ОБЗОРЫ

Евгения ПЯДЫШЕВА

Ответственный секретарь журнала
«Международная жизнь»,
кандидат исторических наук, PhD
pyadysheva@gmail.com

«ДРУГАЯ РУСЬ» НА СТРАНИЦАХ «ИСТОРИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА»

В МИД России 22 мая состоялась презентация специального тематического номера «Литва, Русь и Польша XIII-XVI вв.» журнала «Исторический вестник»*, которая была организована редакцией журнала и Ассоциацией российских дипломатов.

Ежеквартальный журнал «Исторический вестник» представляет собой возобновленное дореволюционное издание одноименного журнала, выходившего в 1880-1917 годах. Журнал был основан известным русским писателем и публицистом А.С.Сувориным и русским историком, библиофилом С.Н.Шубинским. Современный журнал «Исторический вестник» издается начиная с 2012 года при поддержке компании ОАО «АК «Транснефть». Редколлегию

возглавляет ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) профессор, член-корреспондент РАН Е.И.Пивовар.

Очередной тематический номер, или, как его в соответствии с дореволюционной традицией принято именовать, том «Исторического вестника», посвящен проблемам взаимоотношений России, Литвы и Польши в XIII-XVI столетиях, принципиально изменивших карту Восточной Европы. Появление на ее просторах улуса Монгольской империи - Золотой Орды запустило процесс выдвижения новых политических центров. Одним из них стала Москва, но рядом с ней выросла другая Русь - Великое княжество Литовское и Русское, большая часть населения которого называлась «русскими», или «русинами», но не считала себя «московитами».

* Исторический вестник. Том седьмой [154]. Март 2014.

В средневековой Европе Литва сочетала воинственную центральную власть князей Гедиминовичей с широкими автономными правами отдельных земель и получила уникальный опыт конфессиональной и национальной терпимости.

В номере собраны работы исследователей, изучавших с различных точек зрения своеобразие литовской модели государственности и факторы, способствовавшие дивергенции систем общественно-политического устройства двух крупнейших государств Восточной Европы - Великого княжества Литовского и Московского царства. Редакция «Исторического вестника» предоставила возможность высказать свои позиции не только российским историкам, но и их коллегам из Украины, Белоруссии, Литвы и Польши - тех стран, которые считают себя преемниками средневековой державы Гедиминовичей.

Вероятно, нет смысла даже упоминать, насколько актуальна эта проблематика сегодня, особенно в свете происходящих в последнее время событий.

Неслучайно представленный том вызвал большой интерес у российских дипломатов, представителей иностранного дипкорпуса, аккредитованного в Москве, российских и зарубежных ученых, журналистов, собравшихся в здании на Смоленской площади.

Основным критерием публикуемых в журнале статей является их объективность и опора на исторические документы.

Касаясь заявленной темы номера, главный редактор журнала А.Э.Титков привлек внимание к тому, что авторы из разных стран, представленные на страницах издания, стремились выявить в первую очередь то, что объединяло народы этих средневековых стран.

Председатель Совета Ассоциации российских дипломатов И.В.Халевинский отметил,

что выпуск журнала - это не только событие в научном мире, но и то, что подобные издания, несомненно, представляют ценность и для практической работы наших дипломатов.

Ректор РГГУ, член-корреспондент РАН Е.И.Пивовар, возглавляющий Редакционный совет «Исторического вестника», отметил, что редакция старается представить своему читателю отличное во всех отношениях издание, начиная от оформления, но уделяя главное внимание качеству содержания. Критерии отбора материалов достаточно жесткие. Каждая статья проходит экспертную оценку.

«Исторический вестник» - это составная часть глобального проекта «Руниверс». По словам президента АНО «Руниверс» М.В.Баранова, главная задача проекта - обеспечить свободный доступ к первоисточникам, книгам и текстам, которые на-

*Князь Даниил Галицкий на фоне Львова.
Портрет XVII в.*

ходятся в крупнейших книгохранилищах и государственных архивах и доступны пока только посетителям десятка крупнейших российских библиотек. Есть проблема, которой следует уделить особое внимание. Дело в том, что в Интернете присутствие России достаточно фрагментарно. Отсутствуют ключевые документы по истории на русском языке. Этот пробел, как подчеркнул М.В.Баранов, и намерен восполнить «Руниверс».

Редактор тематического номера профессор И.В.Курукин открыл научную дискуссию, сопровождавшую презентацию. Конкретные научные темы применительно к современным реалиям приобретали особое звучание. Прямые исторические параллели напрашивались сами собой.

Тематический номер начинается со статьи белорусского ученого А.И.Груши. В центре его интересов - теория и практика археологии. На этот раз представлена история

архива как такового, частного и государственного. Автор через, казалось бы, достаточно скучный для неспециалиста материал показывает психологию разных социальных слоев средневековья.

Однако, разумеется, главное внимание уделено состоянию, порядку хранения и ведения архивов. Как отмечает сам А.И.Груша: «Накопленный материал позволяет пойти в обобщении и далее, подключив к нему сведения и о других видах архивов. Эта задача и стоит перед нашим исследованием. Современное состояние проблемы истории архивов ВКЛ [Великого княжества Литовского] требует решения вопросов классификации архивов и архивных документов. Необходимо выяснить факторы, определявшие состав и объем архивных собраний. Важно установить больше связей между материалом, из которых изготовлялись документы, условием и местом их хранения» (с. 8).

Автор демонстрирует в своей статье доскональное знакомство не только с бытом средневековья, но и с письменной культурой Великого княжества Литовского.

Примечательно и одно из заключений белорусского ученого: «Проникновение документа в общество ВКЛ не было стремительным. Традиция медленно сдавала свои позиции. На каком-то этапе между документом и традицией устанавливался определенный баланс» (с. 50).

Литовский ученый А.Дубонис предлагает весьма неординарную концепцию перерастания набегов литовских дружин в завоевание соседних земель. «Грабительские походы дружин литовской знати, направленные на территорию соседних балтских племен, русских и польских княжеств, были естественной ступенью хозяйственного, социального и политического этапа развития этноса. Этот процесс был связан с углубле-

нием неравенства в социально-экономических отношениях, возникновением власти монарха и потребностями дружины, которая была главной его опорой. Такие походы в исторических источниках впервые фиксируются в 1159-1162 гг. в междоусобной борьбе минских и полоцких князей. На протяжении следующего столетия подчинение земель Руси и использование их ресурсов в своих целях стало главным направлением политики литовских монархов», - пишет А.Дубонис в своей работе, опубликованной на страницах тематического номера «Исторического вестника» (с. 54).

Автор отмечает и некую миссионерскую миссию ВКЛ. «Одним из объектов литовского миссионерства должны были стать блуждающие на неверном пути жители Русского королевства, а другим - соседние племена и земли язычников. Ради Христа король собирался их победить силой» (с. 58).

Примечателен и вывод, содержащийся в статье: «К грабительской активности ли-

товцев подталкивала не столько скудность местных природных ресурсов, сколько глубокие социальные перемены, которые обусловили несопоставимо большую потребность в материальных богатствах, особенно тех, которыми можно было подчеркнуть свое социальное положение и удовлетворить потребности дружины. Но лишь с появлением единой власти монарха Литвы, способной сконцентрировать военно-политический потенциал для реализации своих хозяйственных, коммерческих и фискальных задач, разрозненные грабительские набеги литовских дружин превратились в завоевание соседних нелитовских земель» (с. 82-83).

А.Дубонис в своем исследовании предлагает две модели взаимоотношений с соседними владениями - войны и мирное проникновение и распространение литовского этноса.

Процесс ассимиляции выходцев из Московского княжества в Литве изучил белорусский

Острожский замок на старинной гравюре

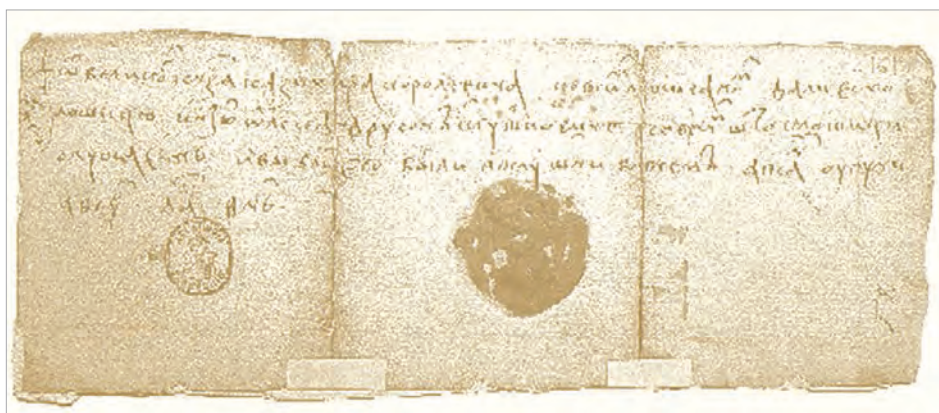
Плакат в память о Кревской унии. 1861 г.

историк А.В.Казаков на материалах Литовской метрики, которая в основном встречается ныне только в литовских изданиях. В качестве примера ученый привел биографию Ивана Тимофеевича Юрлова.

«По-прежнему внимание историков привлекают кризисные периоды (придворная борьба в малолетство Ивана Грозного, времена Ливонской войны) и наиболее яркие фигуры, особое место среди которых продолжает занимать князь Андрей Михай-

лович Курбский. Отдельные очерки были посвящены князю-авантюристу Семену Федоровичу Бельскому и современнику Курбского Владимиру Заболоцкому. Однако эпоха первой трети XVI века также не лишена персонажей, достойных того, чтобы вывести их из тени своих более знаменитых соотечественников. Среди таких лиц - Иван Тимофеевич Юрлов из рода Плещеевых» (с. 87).

А.В.Казаков указывает и на причины, которые вели к изменению подданства представителей русских средневековых элит: «Что касается характерных причин, толкавших русскую знать к эмиграции в Великое княжество Литовское во второй половине XV - первой трети XVI века, то с уверенностью можно говорить только об одной - политической (если чуть расширить это причинное поле, то можно говорить о конфликте с властью). Переход в разряд подданных великих князей литовских был путем спасения для элит Руси, потерпевших поражение в противостоянии с Москвой. Кроме того, это давало им хотя бы теоретическую надежду на реванш при поддержке из Вильны» (с. 90). Польские исследователи Р.Яворский и Д.Шульц рассматривают Кревскую (1385 г.) и Люблинскую (1569 г.) унии и связанные с их

Послушный лист великого князя Казимира

подписанием события, в оценке которых высказываются весьма неожиданные суждения. Авторы статьи утверждают, например, что «исследование отношений Польского королевства с Великим княжеством Литовским является одним из самых важных направлений польской историографии. Вряд ли это может вызвать удивление - польско-литовский союз на столетия определил историю польского народа и государства. Можно даже сказать, что его последствия (несмотря на то, что уния распалась вместе с III разделом Речи Посполитой в 1795 г.) до сих пор дают о себе знать, к примеру в отношениях современной Республики Польша с ее восточными соседями» (с. 114).

Р.Яворский и Д.Шульц приводят и такой вывод, встречающийся в работах польских и литовских историков: «В историографии бытуют два мнения относительно инициаторов заключения польско-литовской унии. Наибольшим признанием пользуется утверждение, что инициатива исходила от польской стороны. Такой взгляд, основания для которого могут дать события, непосредственно предшествовавшие заключению унии, а также тон содержания Кревского акта существуют в польской историографии с XIX века. Его приняла также и практически вся литовская историография, поскольку он согласуется с устоявшимся в ней убеждением, что союз Великого княжества и Короны, начало которому было положено в Крево, имел негативные последствия для литовской государственности и литовской нации, и, таким образом, трудно представить, чтобы литвины сами активно действовали во вред себе» (с. 124).

Несомненный интерес представляет статья историка-медиевиста из Белоруссии В.А.Воронина о взаимоотношениях православных и католиков в Великом княжестве

Ядвига Анжуйская. Портрет работы М.Бачиарелли. XVIII в.

Литовском в конце XIV - середине XVI века. Ему удалось на основе немногих сохранившихся документов воссоздать реальную картину вполне мирного, а порой и дружественного сосуществования двух ветвей христианства. Достаточно упомянуть приведенные ученым факты крещения католиков православными священниками.

«В конце XIV или начале XV века князь Федор Данилович Острожский основал у себя в Остроге доминиканский монастырь. Интересно, что монахами в нем были не поляки, как можно было бы ожидать, а чехи. Так, в частности, документы называют Яна Чеха, которому была адресована вкладная грамота и который был, по всей видимости, настоятелем монастыря. Между 1443 и 1452 годами Василий Федорович Острожский подтвердил отцовский вклад.

Думается, стоит подчеркнуть тот факт, что князья-основатели обоих упомянутых выше

Иван III. Европейская гравюра XVI в.

доминиканских монастырей были православными. И вряд ли можно всерьез вести речь о каком-то принуждении их к постройке в своих вотчинах католических монашеских обителей. Судя по всему, это были их вполне добровольные и обдуманые действия. Как видно, у этих православных не было какой-то антипатии или тем более агрессии по отношению к католикам. Более того, есть немало вполне однозначных примеров того, что православная знать Великого княжества Литовского проявляла немалый и вполне искренний интерес к западному христианству», - утверждает белорусский ученый (с. 138). В.А.Воронин в своей работе приходит и к такому заключению: «Православные и католики в Великом княжестве Литовском довольно широко смотрели на проблему взаимоотношений между восточной и западной церквями, а также между их верующими. Они были очень далеки от черно-белого видения этих взаимоотношений. Контакты между конфессиями в нашей части Европы никогда не прерывались, а

тема христианского единства постоянно была на слуху» (с. 143).

Научный сотрудник Института российской истории РАН С.В.Полехов повествует о малоизвестном неспециалистам событии - Смоленском восстании 1440 года. Представлен довольно подробный обзор хода восстания, основанный на скрупулезном изучении источников.

«Восстание 1440 года показало противоречия интеграции Смоленской земли в состав Великого княжества Литовского. С одной стороны, великокняжеская власть принимала достаточно разносторонние меры для достижения этой цели. Несмотря на ограничения прав православной знати ВКЛ по сравнению со знатью католической, смоленские бояре уже в 1440 году ассоциировали себя не просто с тем или иным великим князем, но с Литовским государством и его представителем - воеводой. С другой стороны, в Смоленске еще была жива память о независимости, и в случае социального конфликта это создавало угрозу для позиций Литвы в этом регионе», - делает вывод автор статьи о событиях в Смоленске середины XV века (с. 195).

Еще одна статья польского историка Д.Шульца, написанная уже не в соавторстве со своим коллегой, посвящена проблеме влияния литовско-московских войн на отношения Литвы и Польши.

«В последнее десятилетие XV века произошли существенные перемены в польско-литовских и литовско-московских отношениях. Если еще в 1420-1430-х годах правивший в Москве Василий II удерживал власть в том числе благодаря опеке и покровительству своего деда, великого князя Литовского Витовта, то уже в конце столетия его сын Иван III успешно «кусал» государство своих предков, реализуя программу «собираения

русских земель», - отмечает автор исследования (с. 198).

«По моему мнению, - пишет Д.Шульц, - польско-литовские отношения в предшествующий период определялись двумя главными механизмами - поражения литвинов сближали Великое княжество Литовское с Польской Коронай, победы или литовско-московские перемирия, в свою очередь, их друг от друга отдаляли» (с. 223).

Старший научный сотрудник Института истории Украины Национальной академии наук Украины Е.В.Русина предприняла попытку ответить на столь непростой вопрос: почему на месте древнерусского государства воз-

никли столь непохожие друг на друга Московское и Литовское княжества?

«Если Московское государство уверенно эволюционировало в сторону централизованной монархии, то Великое княжество Литовское развивалось под знаком сохранения и даже упрочения регионализма», - полагает украинский историк, определяя разные векторы государственного обустройства двух русских княжеств (с. 226).

Следует отметить оформление специального тематического выпуска журнала - приведены копии исторических документов, изображения действующих лиц эпохи, что весьма ценно в подобного рода изданиях.

Ключевые слова: «Исторический вестник», презентация специального номера «Литва, Русь и Польша XIII-XVI вв.», Великое княжество Литовское.

Дмитрий КЛИМОВ

Кандидат исторических наук
klimovdv@mail.ru

КАЗАКИ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Нет сомнения в том, что Россия своим могуществом и величием, славным прошлым во многом обязана казачеству. Доблесть и отвага русских казаков, беззаветное служение Отечеству заслужили уважение врагов и благодарную память потомков. Однако история казачества имеет и немало неоднозначных страниц, трудных и переломных периодов, когда на карту ставились не только честь и достоинство, но и сама жизнь. Впрочем, это утверждение справедливо было бы отнести и ко всей истории нашей страны.

Книга профессоров И.И.Бондаренко и Й.Долейши «Летопись казачества. Казаки

в Центральной Европе»* на основе редких документов, биографических данных представляет довольно подробное описание нахождения казаков в Центральной Европе с момента первых контактов длиннородых лихих наездников с местными жителями в середине XVIII века и до дней сегодняшних.

В этом смысле довольно глубокое исследование, содержащееся в монографии авторов, выбивается из ряда многочисленных изданий, вышедших в последние десятилетия.

Тема казачества находилась в многолетнем плену забвения, или, если сформулировать более корректно, полузабвения в отечественной исторической мысли. Сегодня к ней обращаются многие авторитетные ученые, издаются даже специальные энциклопедии, посвященные

*Бондаренко И.И., Долейши Й. Летопись казачества. Казаки в Центральной Европе. Издание 2-е, дополненное и переработанное. Братислава: Европейский центр изобразительных искусств, 2014. 536 с.: илл.

этой теме. Между тем представленное издание в своем роде уникально. «Эта книга наверняка станет одной из самых заметных научных публикаций, будет полезной не только историкам, но и специалистам в других областях знаний. Нужно воздать должное авторам за подробный анализ темы, то внимание, с которым они исследуют отношения между людьми. Им удалось увязать друг с другом самые различные пласты информации, благодаря чему перед нами предстает всеобъемлющая картина жизни казачества и его роли в истории», - отмечает во введении к монографии американский профессор Тодд Лефко (с. 8).

В книге представлен временной срез применительно к конкретной территории, а именно той, на которой сегодня существуют два государства - Чехия и Словакия. Подобный «экстерриториальный» подход, пожалуй, встречается впервые. Следует также отметить, что вообще к детальному рассмотрению такого вопроса, как жизнь казаков в вынужденной эмиграции после перипетий Октябрьской революции 1917 года в России и последовавшей вслед за ней опустошительной и трагичной по своей сути Гражданской войны (1917-1922 гг.), ученые обращаются не столь уж часто.

Многие годы такая проблема как бы не существовала. Это вполне объяснимо. Ведь большевистское правительство проводило не только политику «раскулачивания», а, по-существу, физического уничтожения наиболее зажиточной части крестьянства, но и «расказачивания». Чем это грозило уроженцам Дона и Кубани, понятно. Справедливости ради стоит отметить, что к началу Второй мировой войны такая политика в СССР сошла на нет. Новые власти прекрасно понимали,

какую неопределимую роль играли казаки в защите рубежей Родины. Более того, вдохновители террора против казаков сами попали под запущенный ими же «каток» репрессий, прокатившихся по Советскому Союзу в 1930-х годах.

Во многом сохранить себя казачеству в непростых условиях помогала вера. Почетный архиепископ Пражский, митрополит Чешских земель и Словакии Христофор, написавший предисловие к книге, отметил неразрывную связь казачества с православной церковью. «День для истинного казака неизменно начинался молитвами и молитвами заканчивался. Участие в богослужениях, религиозных процессиях, исповедях, святой евхаристии и других святых таинствах являлось неотъемлемой частью жизни казачества» (с. 6).

Авторы начинают свое повествование с 1735 года, когда русское войско в соответствии с принятыми союзническими

обязательствами пришло на помощь в войне с Францией австрийским Габсбургам, в состав государства которых входили в то время Чехия и Словакия. «Жители Чехии и Моравии встретили русские войска с нескрываемым любопытством. «Москвитян» они видели впервые, но вскоре стали проявлять по отношению к ним симпатии и благорасположение. Особый интерес казаки вызывали из-за их внешности, а также необычного снаряжения и выносливых коренастых лошадей, которые в Чехии никогда ранее не встречались» (с. 15).

В следующий раз казаки появились здесь более чем через полвека. Казачьи сотни, неизменно участвовавшие во всех без исключения военных кампаниях России, прошли в 1798-1799 годах в составе колонн русских полков, направлявшихся для участия в ставших впоследствии знаменитыми Итальянском и Швейцарском походах генералиссимуса А.В.Суворова. Причем войска возвращались практически тем же маршрутом. Останавливался в Праге и сам прославленный полководец А.В.Суворов. Его личный конвой составлял именно казаки.

Интересно, как описывается авторами встреча русских войск в Брно. «После прибытия в Брно австрийского императора Франца с супругой и в сопровождении многочисленной свиты придворных состоялись пышные торжества, длившиеся два дня. В связи с тем что стояли суровые морозы, главная церемония проводилась не в районе Ивановице, окрестностях Брно, как планировалось первоначально, а непосредственно в центре города, на главной площади.

Торжества начались утром 28 декабря 1798 года. Войска проследовали маршем

от Веселых ворот, мимо трибуны императора, через главную площадь, чтобы выйти из города через Еврейские ворота. Парад длился несколько часов. Согласно традиции парад открывали донцы атамана Денисова, за которыми торжественным маршем прошли и другие части. На следующий день, 29 декабря, 2-я колонна русского экспедиционного корпуса на равнине в окрестностях Брно провела военные учения, продемонстрировав свои навыки ведения боя. <...>

Искренний восторг зрителей, как военных, так и гражданских, вызвали совместные маневры казаков и пластунов...» (с. 24-25).

Отмечалась и отвага казаков, которую они проявляли не только на полях сражений, но и спасая мирных граждан. Так описывается следующий случай, вошедший в историю. «23-25 февраля 1799 года в окрестностях Зноймо произошло катастрофическое наводнение. Быстрое таяние снега могло привести к тому, что затопило бы весь регион. От наводнения серьезно пострадали, в частности, жители села Старый Зальдорф. Погиб весь скот и личное имущество селян. Стремительное повышение уровня воды вызвало панику и не позволило многим жителям вовремя покинуть селение. Некоторые из них спасались на крышах домов в возвышенной части села.

Вода, однако, все прибывала, угрожая окончательно затопить последние дома. Огромное количество трескавшегося льда, рев водной стихии вызвали такой ужас, что никто не осмелился прийти на помощь пострадавшим. Однако трое казаков, наперекор стихии и рискуя жизнью, на лодках бросились вызволять местных жителей из водного плена. Им удалось

спасти 150 жизней. Представитель местной знати хотел вознаградить отважных казаков, но те отказались и, насквозь промокшие, вскочили на коней и ускакали прочь» (с. 26-27).

Буквально по крупицам И.И.Бондаренко и Й.Долейши собраны свидетельства о пребывании казаков, их взаимоотношениях с местными жителями, настроенными, кстати, весьма благожелательно к русским. Нередки были случаи, когда жители тех или иных сел готовы были бесплатно содержать своих защитников, пришедших из далекой и малознакомой России.

Во время Заграничного похода русской армии 1813-1814 годов на территории Чехии произошло сражение под Кульмом, которому уделено в книге большое внимание. Эта битва повлияла на всю дальнейшую кампанию, практически навсегда развеяв надежды Наполеона на реванш после его неудачного похода в 1812 году в Россию и изменение хода событий в свою пользу. Именно казакам принадлежит заслуга в пленении наполеоновского генерала Вандама и разгроме его корпуса. «Вандам пытался перейти Ждирецкий ручей в местах с высокими и болотистыми берегами. Лошади взбирались по крутым склонам с большим трудом. В момент, когда Вандам перешел ручей и собирался начать подъем по склону горы, казаки и окружили его. На невысоких степных

*Казаки атамана М.И.Платова
в Битве народов под Лейпцигом, 1813 год.
Музей истории Донского казачества в Новочеркасске*

лошадях казаки с легкостью преодолели ручей. Часть отряда Вандама в этот момент только начала взбираться на берег и вскоре была пленена. Казаки призывали Вандама сдаться, но тот высокомерно отказался. Казаки бросились в атаку и вступили в бой с генеральской свитой. Генерал также вынул саблю и пытался защититься от ударов казачьих шашек. Казаки не были вооружены пиками, так как они мешали бы им в преследовании в условиях густой растительности. Поэтому они топтали лошадьми группу французов и рубили саблями защищавших Вандама. Через некоторое время Вандам понял, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, и сдался» (с. 65).

На протяжении XIX столетия вплоть до начала 20-х годов XX века казаки в Центральной Европе практически никак себя не проявляют, за исключением нескольких незначительных эпизодов сопровождения монарших особ в составе немногочисленных конвоев.

Принципиально положение дел меняется после развала Австро-Венгрии и образования независимой Чехословакии, а также с началом массовой эмиграции казачества из охваченной Гражданской войной России. На долю Чехословакии пришлось около 30 тыс. русских эмигрантов. Правда, Франция и Германия приняли значительно большее количество наших сограждан. Согласно официальным статистическим данным, 400 и 100 тысяч соответственно. Однако ни в одной из стран, за исключением Чехословакии, не действовала специальная программа помощи русским вынужденным переселенцам, осуществлявшаяся непосредственно правительством.

«Закон Чехословакии №175, принятый 20 марта 1919 года, одобрил помощь русской эмиграции. Первоначально закон назывался «Акция помощи для поддержки беженцев в Ч.С.Р.». В реализации акции приняли участие 17 министерств и другие правительственные комиссии, организация Красного Креста.

Правительство в июле 1921 года выпустило специальное распоряжение об ор-

ганизации Русской акции помощи (РАП), патронаж над которой осуществлял сам Президент Томаш Масарик. Решение о создании РАП было принято «исходя из принципов гуманизма, а также по политическим и экономическим соображениям и руководствуясь общеславянской идеей». Русская акция помощи осуществлялась в качестве жеста доброй воли и была одобрена правительством в качестве государственной программы. Все расходы по РАП финансировались из бюджета Министерства иностранных дел» (с. 88).

Авторы книги довольно подробно описывают мероприятия чехословацкого правительства по адаптации казаков в весьма непривычной обстановке. Конечно, многие казаки рассматривались в качестве дешевой рабочей силы на сельскохозяйственных предприятиях. Однако при этом возникали повсеместно на территории Чехии и Словакии казачьи общины (станции) и организации, которые во многом содействовали интеграции казаков в чешское общество. Многим выходцам из казаков удалось получить и высшее образование.

Особое внимание уделено в монографии

деятельности многочисленных казачьих союзов, действовавших в своем большинстве как некие профсоюзы, но многим таким организациям была отнюдь не чужда и политическая деятельность.

Особенно это проявилось в так называемый межвоенный период - в 1920-1930-х годах. Проповедовались часто взаимоисключающие идеи,

Казачи. Первая четверть XVIII века.

Походный порядок иррегулярной кавалерии, к которой относились казаки на протяжении всех наполеоновских войн

в том числе и по отношению к бывшей своей Родине, находящейся под властью большевиков. С учетом контекста исторического периода эти идеи носили порой достаточно радикальный характер, predeterminedный бескомпромиссной и жестокой борьбой предыдущих лет Гражданской войны.

Однако несмотря на то, что некоторые представители казаков готовы были во имя своих иногда не вполне определенных целей пойти на сделку с дьяволом, то есть нацистским фюрером (что затем отчетливо проявилось в ходе Второй мировой войны), для многих из них приоритетом был патриотизм и неприятие каких-либо сделок с врагами своей Родины. Вот как на основе имеющихся архивных данных авторы описывают одно из собраний казаков в Праге в 1936 году.

«Заседание проходило на Владиславовой улице в Праге. В нем приняли участие 120 делегатов. Председательствовал профессор П.Н.Шеповалов. Основным для казаков был стоящий в повестке вопрос: «Что делать в случае войны против СССР?»

Выступивший с основным докладом профессор П.Н.Савицкий выразил мнение Евразийского движения в качестве его представителя в Чехословакии следующими словами: «Советское правительство поднялось благодаря революции. Многое из того, что появляется в советской культуре и программе государственного строительства государства, совпадает также с программой Евразийского движения.

Победа государства-агрессора будет означать уничтожение русской культуры, экономики и государственности. Дробление империи, сепаратизм, поддерживающий оккупантами, неизбежно приведет к

преследованию русских и всего русского, как на Украине, так и в Закавказье. Русская культура будет вытеснена к границам самой России. Вся надежда России возлагается только на Красную армию. Судьба государства важнее, чем судьба режима. Русская эмиграция может внести свой вклад в разжигание войны. Но самое главное сегодня - это сохранить мир. Но к миру не располагают усилия так называемых «пораженцев», которые не верят Советам и полагаются исключительно на иностранную интервенцию».

Он осудил украинский и казачий сепаратизм, особенно усилия украинского Совета и лично Коновалова, взявшего курс на сотрудничество с гитлеровской Германией, что неизбежно ведет к дроблению Русской империи. По его словам, «они подвергают опасности не столько режим, а сами основы русской государственности и существование народа». В своем выступлении профессор Прокопович выразил поддержку евразийскому движению, отметив при этом, что планы Германии оккупировать западную часть России, существующие еще с 1914 года, хорошо известны и крайне опасны для славян. Если нынешнее правительство в Москве займет рациональную, взвешенную позицию, то русская эмиграция вместе с Красной армией встанет на защиту Отчизны или присоединится к армии союзников, готовых противостоять агрессии со стороны Германии.

«Русская армия всегда защищала и будет защищать свою Родину!» - подчеркнул он» (с. 162-163).

«Интересным является позиция Совета казачьего центра, располагавшегося на улице Костелни в Праге.<...> Члены Совета принадлежали к группе «защитников». Открытое сопротивление советской влас-

ти, однако, не завело их так далеко, чтобы руководство Союза желало бы устранить режим ценой интервенции иностранных держав и войны с СССР. Для них были также неприемлемы и никакие территориальные уступки в обмен на устранение советской власти, как об этом открыто заявляли так называемые «пораженцы» (с. 164).

Как известно из истории, одной из первых европейских стран, испытывавших на себе агрессивные планы германской военщины при полном попустительстве со стороны, казалось бы, союзных стран Запада, цинично согласившихся на сделку с гитлеровской Германией, стала Чехословакия. Мюнхенский сговор 1938 года Великобритании, Франции, Германии и Италии положил фактически конец независимому существованию Чехословакии в предвоенный период. В этой обстановке казаки готовы были встать на защиту своей второй Родины. Вот малоизвестный факт, который приводят И.И.Бондаренко и Й.Долейши в своем исследовании.

«Казаки всегда, до самого трагического марта 1939 года (оккупации нацистской Германией Чехословакии), подчеркива-

ли положительное и лояльное отношение к Чехословакии. Эта позиция была четко, но в несколько непривычной форме сформулирована в письме Министерству национальной обороны от 16 мая 1938 года (в период первой «майской» мобилизации чехословацкой армии перед лицом неприкрытой угрозы со стороны Германии): «Неполитическое культурно-просветительское объединение, созданное с целью гуманитарной помощи казачеству, ДОН, зарегистрированное в Праге.<...> В то время, когда Чехословакии угрожает враг снаружи и изнутри, объединение решило зарегистрировать всех россиян, особенно донских казаков, проживающих на территории Чехословакии, с целью определения их благонадежности и выявления тех из них, кто был бы готов вступить в ряды вооруженного полка в случае внезапного вторжения в Чехословакию. Объединение берет на себя миссию точно определить верность и преданность каждого из тех, кто пользуется 18-летним убежищем и всемерной поддержкой со стороны Чехословакии. Объединение решило представить и зарегистрировать точный список тех, кто готов

присоединиться к казачьему полку добровольцев» (с. 165).

Впрочем, эта инициатива не нашла поддержки у властей Праги. Как известно, в 1939 году чехословацкая армия так и не вступила в бой с агрессором.

Авторы не оставили без внимания и «темные» пятна в истории казаков - их сотрудничество с гитлеровскими окку-

Бой казаков с французскими конными егерями

пантами и различными спецслужбами нацистов. Среди тех, кто пошел в услужение Германскому рейху и выступил во время Второй мировой войны против собственного народа, а также против Чехословакии, на территории которой они проживали, нашлись и казаки. Трагическим примером их преступлений стала карательная операция в Закржове и Пршеставалках. Долгое время историки полага-

ли, что к преступлению причастна влаховская РОА. Однако авторы на основе документальных данных и свидетельств очевидцев показывают, что массовые убийства мирных граждан были совершены 574-м добровольческим казачьим батальоном.

«Казачи и гестаповцы периодически появлялись среди местных жителей в штатском или в форме советских парашютистов. Кстати, больше всего советских диверсантов любил изображать лейтенант Черный. В Закржове при помощи провокации удалось заручиться поддержкой у одной семьи. Они даже должны были встретиться с командиром партизанского отряда. Но партизаны не пошли в ловушку, расставленную гестапо, а по казачьему отряду лейтенанта Черного открыли огонь. Видя провал своей акции, штаб батальона запланировал на 18 апреля 1945 года карательную экспедицию против сельчан.

Около полуночи Закржов был окружен целым батальоном казаков, которые вошли

Пленение генерала Вандама казаками полка Иловайского недалеко от села Жандов 30 августа 1813 г.

в село со всех сторон. Начались поджоги домов, грабежи и принудительное выселение. Казаки захватили в общей сложности 23 мужчин. Четверо из них, старше 50 лет, были освобождены, а остальных подвергли жестокому допросу и издевательствам. Затем 20 апреля 1945 года 19 мужчин в возрасте от 16 до 45 лет доставили в лесную хижину в уединенном месте Киянице и расстреляли. Несмотря на то что многие из тех, кого казнили, еще подавали признаки жизни, казаки их бросили в лесную хижину, облили бензином, обложили соломой и сожгли. При эксгумации 12 мая 1945 года, когда тела погибших откопали пленные немцы из Козлова, врачи заявили, что жертв жестоко пытали перед смертью. У погибших не было обнаружено ни одной целой кости - все они были полностью перебиты прикладами» (с. 246-247).

Аналогичное преступление было совершено и в Пршеставалках, где казаки, находящиеся на содержании немецких оккупантов, разъяренные неудачей с поимкой

советского парашютиста, выместили свою злость на местных жителей. Несколько человек было расстреляно на месте, а деревенские дома сожжены. Преступление, не имеющее сроков давности, было совершено буквально за несколько дней до полной капитуляции гитлеровской Германии - в ночь с 30 апреля на 1 мая. Многим участникам этой расправы удалось скрыться от заслуженного возмездия в американской зоне оккупации. Впрочем, Соединенные Штаты весьма охотно давали приют нацистским преступникам в послевоенные годы, и не только из числа казаков. Чешские власти неоднократно пытались добиться их выдачи, но неизменно получали от Белого дома отказ под различными предлогами.

Разумеется, участие казаков в различных формированиях нацистов было не столь значительным и не идет ни в какое сравнение с массовым героизмом казаков, проявленным в годы Великой Отечественной войны, в том числе и при освобождении Чехословакии. Но факты вещь упрямая.

И.И.Бондаренко и Й.Долейши приводят пример и настоящего героизма казаков, которые в составе Красной армии освобождали Чехословакию. Вот один из эпизодов участия казаков в Пражской операции в 1945 году. «По приказу командующего 2-м Украинским фронтом маршала Р.Я.Малиновского 1-я Гвардейская конно-механизированная группа оставила свои позиции в Брно и решительным маршем двинулась на Прагу, чтобы принять участие в Пражской операции. Из-за высокой степени мобильности конно-механизированной группе была поставлена задача войти в прорыв в полосе наступления 53-й армии и атаковать отступающую группу армии «Центр» Ф.Шернера, которого Гитлер чуть более месяца назад - 5 апреля 1945 года - произвел в фельдмаршалы. Казаки и танкисты атаковали части СС и вермахта, ведя наступление в общем направлении Великое Мезиржичи - Йиглава - Гумполец - Влашим - Бенешов - Прага. Заключительный этап операции свидетельствует о необычайной скорости продвижения конно-механизированных частей. 9 мая 1945 года в 12.00 передовой отряд казаков достиг Йиглавы; в 13.00 - Гумполеца; в 15.30 - Бенешова; и в 19.30 казаки вместе с танкистами по Бенешовой дороге вступили в Прагу. Вечером казачьи лошади наконец напились из волшебных вод реки Влтава. Гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус прошел с боями по дорогам Чехословакии путь длиной 700 км.

Донские казаки в униформе 1914–1920 гг.

За свой подвиг корпус удостоился ордена Кутузова II степени, ему трижды объявлялась благодарность Верховного главнокомандующего РККА.

Между тем уже 3 мая 1945 года казаки из других подразделений 4-го Гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса поили своих лошадей из Эльбы после взятия Берлина» (с. 254).

Традиции казаков продолжают жить и сегодня. В Чехии и Словакии существуют Всеказачий союз Чешских земель и Словакии и Общеказачий союз Словакии. В руководство первого союза входит один из авторов книги Й.Долейши, являясь первым заместителем атамана. Общеказачьим союзом Словакии руководит другой автор - профессор И.И.Бондаренко.

Ученые-историки наиболее ценят источники в своей работе. Именно таким источником и является монография И.И.Бондаренко и Й.Долейши, предками которых были казаки, и сейчас маститые авторы, удостоенные академических регалий и высоких воинских званий, сами активно участвуют в казачьем движении, преумножая вековые традиции. Исследование построено на анализе документов, сохранившихся в архивах Чехии и Словакии, в том числе и на малоизвестных документах национальной службы безопасности.

И.И.Бондаренко и Й.Долейши при анализе представленной темы идут через изучение биографий конкретных людей, буквально по крупицам воссоздавая целостную картину. История приобретает «человеческое лицо», когда судьбы индивидуумов служат прекрасной иллюстрацией к сухим официальным данным.

Причем необязательно для исследователя концентрировать внимание лишь на личностях руководителей. Немаловажно, что свидетельства простых казаков нашли свое отражение в работе.

Важный аспект представленной проблемы - адаптация эмигрантов в стране пребывания. Здесь показано, как, сохраняя свою самоидентичность и веру, казаки в непростых условиях межвоенного периода 1920-1930-х годов смогли влиться в новую для себя социальную среду. Эта проблема в современном мире по-прежнему сохраняет свою актуальность.

В книге немало уникальных документальных фотографий, гармонично дополняющих повествование и воссоздающих эпоху. Монография издана в билингвальном варианте - на русском и английском языках, что делает ее более востребованной в научной среде.

Ключевые слова: Чехия и Словакия, А.В.Суворов, сражение под Кульмом, Русская акция помощи, Мюнхенский сговор, Общеказачий союз Словакии.

Игорь КОВАЛЕВ

Заместитель декана факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ,
доктор исторических наук
ikovalev@hse.ru

СОВРЕМЕННАЯ ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: МОДЕРНИЗАЦИЯ СТРАНЫ ТРАДИЦИЙ

Важным событием в отечественной научной жизни стала публикация коллективной монографии «Дилеммы Британии: поиск путей развития»* - тем более в перекрестный год культуры двух стран. В результате плодотворного сотрудничества Российского совета по международным делам (РСМД) и Института Европы РАН вышла в свет не просто очередная работа страноведческого характера, а комплексное, глубокое и всестороннее исследование, в котором анализируются важнейшие проблемы экономической, конституционной и политической модернизации Соединенного Королевства на протяжении последних лет. В предисловии

президент РСМД И.С.Иванов, отмечая, что Британия для России «трудный партнер», указывает, что взаимодействие наших стран в области экономики, культуры, в гуманитарной сфере не просто дополняет, а порой обгоняет, создает «запас прочности», способный амортизировать колебания политической конъюнктуры. Элементом «запаса прочности» стала книга «Дилеммы Британии...».

В авторский коллектив под руководством Ал.А.Громыко вошли как признанные мэтры отечественного англоведения - доктора наук, профессора (Е.С.Хесин, С.П.Перегудов, Г.С.Остапенко, Н.К.Капитонова, Н.М.Степанова), сделав весомый вклад в свои многолетние фундаментальные исследования, так и молодые ученые и аспиранты, представившие свое понимание некоторых важных аспектов современной британской полити-

* Дилеммы Британии: поиск путей развития / Под. ред. Ал.А.Громыко (отв. ред.), Е.В.Ананьевой. М.: Весь мир, 2014. 480 с.

ки. Ценным представляется и то, что данная монография, по сути, стала продолжением книги «Великобритания: эпоха реформ» (2007 г.). Следовательно, заинтересованный читатель получает возможность проследить преемственность и взаимосвязь новейших реформ и тенденций развития страны с прошлыми преобразованиями.

В начале монографии профессор Е.С.Хесин дает обстоятельную картину современного экономического развития Британии, анализирует причины смены тренда от подъема к кризису, отмечает факторы внешнего воздействия на хозяйство страны и специфику ее социально-экономической модели. Особое внимание уделено методам и инструментам антикризисной политики как лейбористского кабинета Г.Брауна, так и пришедшего ему на смену в 2010 году коалиционного консервативно-либерального правительства Д.Кэмерона. Констатируя определенную преемственность мер по преодолению рецессии, автор в то же время отмечает более жесткий характер шагов последнего, а также применение нетрадиционного метода регулирования - программы количественного смягчения.

На основе тщательного анализа статистических данных и последних тенденций развития экономики Великобритании Е.С.Хесин приходит к выводу о том, что «программа посткризисного восстановления экономики неразрывно связана с решением фундаментальных проблем экономики, которое, в свою очередь, требует совершенствования и преобразования структуры британского хозяйства» (с. 23). Говоря о возможных направлениях такой модернизации, автор особое внимание уделяет формированию новой отраслевой структуры экономики страны - реиндустри-

ализации на новой технологической базе, инновационному развитию, решению проблем территориальных диспропорций.

Логичным продолжением исследования британской экономики стала характеристика М.В.Минаевым специфики взаимодействия в стране политической и деловой элиты. Эксперт акцентирует внимание на разнице в подходах кабинетов Г.Брауна и Д.Кэмерона к отношениям с бизнесом в условиях кризиса. Стремясь решить бюджетные проблемы, лейбористы сделали ставку на усиление налогового бремени. Такой курс привел к ухудшению делового климата и оттоку крупных налогоплательщиков из страны. Кабинет Д.Кэмерона исповедует другую модель отношения к бизнесу. «Коалиционное правительство, - пишет М.В.Минаев, - оптимизирует налоговую политику, поддерживает инициативы бизнеса внутри страны и защищает его интересы на мировой арене» (с. 58).

Большое внимание в монографии уделено проблемам конституционных реформ, модернизации государственного управления, эволюции партийно-политической системы, которые с конца прошлого века находятся в центре внимания как политического истеблишмента, так и экспертного сообщества. Необходимость привести конституционно-правовые основы, полномочия центральных и местных органов власти, организационную структуру и программные установки политических партий в соответствие с изменившимися социально-экономическими реалиями не вызывает сомнений.

Глубокий и всесторонний анализ конституционных реформ, начало которым было положено еще в 1997 году «новыми лейбористами», дает профессор С.П.Перегудов. Он отмечает, что модернизация «сопрягается с внутривнутриполитической ситуацией в стране, налагая отпечаток на сам характер и текущего, и будущего общественно-политического развития страны» (с. 60). Основные преобразования конституционного плана - деволюция, реформа Палаты лордов, корректировка избирательной системы, повышение эффективности госслужбы - реализуются с разной степенью успеха. Однако они тесно взаимосвязаны и могут привести к существенным переменам, например, в национально-региональном устройстве. Основной же причиной незавершенности конституционной модернизации и очевидных сложностей с проведением такого рода реформ и в будущем С.П.Перегудов считает межпартийные и внутривнутрипартийные столкновения.

Новой, по сравнению с предыдущими монографиями подобного плана, стала глава о коррупции в британской политике и методах борьбы с ней. Регулярно достоянием

гласности становятся громкие скандалы коррупционного характера, в которые оказываются вовлеченными английские политики и бизнесмены. Ал.А.Громыко дает развернутую картину наиболее резонансных дел. «Если по наиболее очевидным проявлениям коррупции, - констатирует он, - Британия находится в числе благополучных стран, то относительно различных форм скрытой, хорошо закамуфлированной коррупции этого сказать нельзя» (с. 98). Большой интерес представляет и накопленный в Соединенном Королевстве опыт противодействия различным формам коррупции. Прежде всего это относится к разработке правил финансирования политических партий, а также к регулированию парламентских привилегий.

Центральное место в монографии «Дилеммы Британии» занимают главы, посвященные анализу эволюции партийно-политической системы Британии, стремящейся своевременно отреагировать на трансформацию социально-экономической модели и соответствовать общественным ожиданиям. Авторы этого блока на основе анализа тенденций последних десятилетий отмечают целый ряд новых моментов. Профессор С.П.Перегудов, исследовав британские политические циклы с момента окончания Второй мировой войны, пришел к выводу о том, что «с середины 1970-х годов социально-классовые отношения перестают быть главным фактором, который обуславливает структурирование британской партийной системы» (с. 117). Интересной представляется и его мысль об усилении роли «третьих» партий и «общей эрозии электоральной демократии». Зримыми признаками последней стали новые формы предвыборной борьбы, развитие тех видов общественной активности, которые напрямую

связаны с Интернетом, рост популярности мониторинговой демократии.

Подробно рассмотрена в данной работе и практическая деятельность двух последних кабинетов. Неудачи лейбористского правительства Г.Брауна руководитель Центра британских исследований Института Европы РАН Е.В.Ананьева абсолютно справедливо связывает как с объективными обстоятельствами, прежде всего с разразившимся мировым экономическим кризисом, так и с целым рядом просчетов самого премьер-министра: «Лейбористская партия не могла решить, какой ей быть: старой или новой, либеральной или авторитарной, поддерживать этатизм или индивидуализм» (с. 139). Беспрецедентным событием стали всеобщие парламентские выборы 2010 года, результатом которых стал «подвешенный парламент» и формирование коалиционного правительства из представителей консерваторов и либеральных демократов.

Вместе с тем, по мнению Ал.А.Громыко, эта новая ситуация вполне «укладывалась в рамки тенденций последних десятилетий: политическая система Великобритании дрейфует от мажоритарной к плюральной модели демократии, для которой коалиционные правительства представляют собой обычное явление» (с. 152).

Отдельная часть монографии посвящена социальной политике, значение которой на фоне кризисных явлений в экономике и усложнения политической ситуации в Британии многократно возросло. Проблема безработицы, реформирование системы здравоохранения, модернизация системы социального обеспечения, реформа образования - все это входит в круг приоритетных задач политической повестки дня и вызывает большой общественный инте-

рес. В полной мере можно согласиться с выводом Я.А.Грабаря о том, что «приход к власти нового правительства в 2010 году ознаменовал собой наиболее масштабный за последние десятилетия процесс трансформации британского государства благосостояния» (с. 219). Учитывая, что задуманная модернизация социальной системы разворачивается в условиях борьбы с негативными явлениями в экономике и жесткой экономии государственных средств, конечный итог и эффективность задуманных преобразований не совсем очевидны. Чрезвычайно актуальной представляется глава «Мусульманская диаспора: сложности интеграции». Быстрый рост численности последователей ислама на Британских островах в последние десятилетия, обострение проблемы исламского экстремизма и явная пробуксовка политики мультикультурализма представляют собой, как отмечает профессор Г.С.Остапенко, «новый религиозный и социальный вызов». «Проблему интеграции мусульман в британское общество, - подчеркивает она далее, - нельзя назвать решенной. Мультикультурализм как инструмент для решения данной проблемы в современном его применении оказался несостоятельным» (с. 259).

Коллективная монография заканчивается обстоятельной частью, посвященной преемственности и новациям во внешней политике Соединенного Королевства. Профессор Н.К.Капитонова скрупулезно анализирует развитие «особых отношений» между Великобританией и США. Сформировавшийся после Второй мировой войны тесный союз двух англосаксонских стран на протяжении длительного времени считали определяющим вектором внешней политики Британии. Однако история знает много примеров несовпадения интересов и даже

конфликтов между участниками этого трансатлантического альянса. Автор убедительно доказывает, что чередование самого тесного сотрудничества с периодами явного охлаждения «особых отношений» было характерным и для последних десятилетий. Вместе с тем вполне обоснованным представляется вывод о том, что «трансатлантическое направление, независимо от того, какая партия находится у власти, неизменно остается основным направлением британской внешней политики» (с. 262).

Отношения Британии с Европейским союзом в последние годы также характеризовались нестабильностью, впрочем, она всегда была для ЕС «неудобным партнером». Особый характер участия страны в интеграционных процессах, противостояние евроэнтузиастов и евроскептиков, длительные дискуссии о переходе на евро и, наконец, постановка вопроса о возможном выходе из ЕС - наиболее яркие и очевидные доказательства тому. В монографии подробно и всесторонне анализируется подход основных политических сил Великобритании к важнейшим современным проблемам европейского строительства, а также специфика участия страны в важнейших общеевропейских процессах. Особый интерес у отечественного читателя вызовет глава «Российско-британские отношения: взлеты и падения». Сложное развитие политических связей между нашими странами, характеризовавшееся в последнее время то попытками выстроить конструктивный диалог, то скатыванием к очевидному противостоянию («дело Литвиненко», противоречия по сирийской проблеме), происходило на фоне, как справедливо отмечает профессор Е.С.Хесин, постоянного расширения торгово-экономического сотрудничества. Вместе с тем лик-

видация такого дисбаланса явно в интересах обоих государств, и представляется, что именно экономические стимулы, перспективные совместные бизнес-проекты, инвестиционные потоки, широкое сотрудничество в сфере образования, науки и культуры вполне могут стать катализатором ровных, лишенных зигзагов партнерских отношений между Великобританией и Россией.

Завершают коллективную монографию весьма любопытные главы, в которых рассматриваются проблемы, которые не часто встретишь в работах страноведческого характера. Я.А.Грабарь дал интересный анализ роли экономического фактора во внешнеполитической стратегии Великобритании и ее реализации. Новые тенденции в развитии англо-ирландских экономических и политических отношений в последние годы, а также современная ситуация в Северной Ирландии стали предметом научного интереса Е.Ю.Поляковой. Взаимодействие Соединенного Королевства со странами Содружества наций, а также перспективы реформирования и повышения эффективности деятельности этой организации рассмотрены А.Ю.Толстухиной. Политика Великобритании в отношении Ливии, Мали и Сирии подробно освещена в главе, написанной О.С.Кульковой.

В целом же широкий и одновременно глубокий научный охват разнообразных проблем в рамках одного издания, взвешенные оценки и профессиональный анализ фактов делают монографию «Дилеммы Британии: поиск путей развития» ценным источником информации и серьезных экспертных оценок по современному Соединенному Королевству. Представляется, что это особенно важно именно в наши дни, когда целый ряд событий в мировой экономике и политике со всей очевидностью

указывает на возрастание роли и значения национальных государств на фоне неспособности региональных и глобальных институтов оперативно и адекватно отвечать на современные вызовы.

В свете украинского кризиса становится особенно актуальной мысль Ал.А.Громыко, автора «Введения» и «Заключения», о том, что на России и Британии как на постоянных членах СБ ООН лежит особая ответственность за международную

стабильность и безопасность, поэтому нормализация отношений между ними - объективная необходимость (с. 455). Отсюда понимание процессов, происходящих в Британии, ее социально-экономической модели, конституционно-правовых норм, политических и общественных институтов, состояния общественно-политического сознания и внешнеполитических приоритетов приобретает чрезвычайный интерес и значимость.

Ключевые слова: современная Великобритания, монография «Дилеммы Британии: поиск путей развития», модернизация Соединенного Королевства.

Виктор ЖУРАВЛЕВ

Чрезвычайный и Полномочный Посол

В «ОБЪЕКТИВЕ» - ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА КОНГО

В издательстве «Восточная литература» вышла книга «Вооруженные конфликты в Африке: на примере Демократической Республики Конго»*. Ее автор - Г.М.Сидорова, проработавшая около десяти лет в африканских странах, дважды (в 2006 и 2011 гг.) принимавшая участие в качестве международного наблюдателя на президентских и парламентских выборах в ДР Конго. В практическом решении поставленных перед собой задач автор опирался, как свидетельствуют материалы книги, прежде всего на документальные источники, включая Национальный архив ДРК «Арнако» в Киншасе и Архив Генри Стэнли в Тервюрене (Бельгия), куда были вывезены в

постколониальную эпоху уникальные материалы по истории этой страны.

Наряду с теоретическим обоснованием и анализом событий важной составляющей исследования являются личные впечатления автора от многих поездок по стране, ее встреч с официальными представителями, с деятелями государственных структур, общественно-политических организаций, традиционными вождями, с представителями науки и культуры, а также преподавателями университетов Киншасы, Лумумбашы и Дипломатической академии МИД ДРК. Хронологические рамки работы охватывают период более 50 лет, начиная с 1960 года, когда одна за другой освобождались от колониальной зависимости африканские страны, до наших дней. Актуальность рассматриваемых автором проблем не вызывает сомнений: накал внутренней

*Сидорова Г.М. Вооруженные конфликты в Африке: на примере Демократической Республики Конго. М.: Восточная литература, 2013. 399 с.

напряженности в стране не снижается. Конфликты в целом на континенте продолжаются и сегодня. Они наносят колоссальный материальный ущерб в сферах экономики, культуры, приводят к гибели сотен тысяч людей, отрицательно влияя на процессы общего социально-политического развития африканских народов.

В стране Патриса Лумумбы разрушается инфраструктура уникальных национальных парков, превращенных скрывающимися там многочисленными противоборствующими военными формированиями и группировками в безжизненные природные территории, выведенные из цивилизованного «оборота». В Мали уничтожаются памятники исламских святынь - достояния человечества. «Арабская весна» в Северной Африке в начале 2011 года несколько оттеснила на задний план многолетние жестокие вооруженные столкновения между противоборствующими сторонами в центральном регионе континента, хотя эти конфликты там не только продолжались, но и постепенно набирали новые обороты.

Как показывает автор в своей книге, в начале 2013 года на Черном континенте в «активной фазе» находились внутренние конфликты в Мали, ЦАР (24 марта 2013 г. был совершен переворот), Ливии, Сомали. Латентно протекали кризисы в Сенегале, Гвинее-Бисау, Бурунди с «подъемами и падениями», продолжалось противостояние между двумя Суданами, а также Эфиопией и Эритреей.

К сожалению, ситуация в этом широком ареале и сегодня не меняется в лучшую сторону. Не прекращаются полноформатные боевые действия с применением бронетехники и артиллерии на востоке ДРК, сопровождающиеся жестокими распра-

вами и насилием боевиков над мирным населением. Эхо этих событий доходит и до столицы - Киншасы, расположенной в 2 тыс. км от места военных действий. Напряженность в обществе чувствуется как в политических кругах, так и социальной сфере. Тысячи беспризорных детей (по данным национальной НПО «Сеть по обучению детей и подростков» (REEJER), - 20 341 чел.) вынуждены искать средства к существованию и постоянный ночлег¹.

По заявлению автора, цель исследования - показать «причины и следствия» вооруженных конфликтов, проанализировать источники их возникновения как внутренние, так и внешние. При этом акцент сделан на детальном рассмотрении стратегических целей, преследуемых иностранными государствами в ДРК, обусловленных влиянием в политической сфере и борьбой за источники сырья. Важным подспорьем автору книги в этом послужили: проведен-

ный анализ типовых моделей вооруженных конфликтов и нахождение в них элементов, характерных для возникновения очагов напряженности не только в ДРК, но и приграничных странах; сравнение общих закономерностей вспышки вооруженных конфликтов в колониальную эпоху и наше время; прослеживание развития вооруженного конфликта в ДРК и предложение возможных путей по стабилизации обстановки в стране; мониторинг рисков социально-политической дестабилизации на континенте; оценка продолжающегося сотрудничества ДРК с традиционными западными и «новыми» восточными партнерами с точки зрения формирования парадигмы безопасности и ее основных специфических черт; роль России в международных инициативах по безопасности на континенте; попытка сформулировать положения, которые могли бы в дальнейшем стать серьезным импульсом для развития российско-конголезских отношений в различных областях.

Монографию открывает глава «Концептуальные подходы к современным конфликтам в Африке и их урегулированию». В ней автор обращается к типологии конфликтов, сравнивая точки зрения на нее в работах известных отечественных, западных и африканских ученых. Среди них: П.А.Сорокин, Д.В.Поликанов, Ю.И.Комар, Н.Д.Косухин, В.С.Кравченко, А.Л.Емельянов, Я.У.Зартман, Т.Гёрр, Д.Бангура и другие. Уделив внимание отдельным теоретическим трудам этих ученых, Г.М.Сидорова приходит к выводу, что конфликты не всегда поддаются систематизации, поскольку точкой отсчета любого конфликта, по ее мнению, во многом является оценка социумами личностных ценностей, роли самой личности в истории. Для

африканцев, живущих в Европе или Америке, эти ценности будут значительно отличаться от тех, на которые претендуют их собратья, проживающие у себя на родине. Предупреждение конфликтов, как и предупреждение природных катаклизмов, подчеркивается в книге, остается пока самой трудной задачей, хотя и бытует известный постулат, что «конфликт легче предупредить, чем разрешить».

В главе «Исторические предпосылки конфликта в ДРК» автор представляет галерею портретов первопроходцев, «пионеров», осваивавших «необъятные просторы» тогда еще неизведанного Конго. Среди них заметна колоритная фигура Генри Стэнли, который наряду с Саворньеном де Бразза и Давидом Ливингстоном, несмотря на экспансионистские устремления в угоду бельгийскому монарху, внес значительный вклад в изучение Африки. На наш взгляд, автору удалось «дорисовать» к известному портрету «главного колонизатора» Конго - бельгийского короля Леопольда II, который так и не удосужился хотя бы раз посетить свои далекие колониальные владения, управляя ими, как говорится, лишь понаслышке.

Важно, как представляется, что в монографии нашли отражение довольно сложные моменты «двусторонки», периоды становления и дальнейшего развития советско-конголезских дипломатических отношений. Во времена, когда с большим трудом приходилось преодолевать не только собственные недочеты и те «пакости», которые чинили нам западники в первые годы независимости Конго, но и активное их вмешательство во внутренние дела этой африканской страны, всячески дискредитируя позитивный имидж Советского Союза в Африке, там, где он оказывал необходимое содействие и помощь в становлении вну-

тренних социально-политических основ молодых демократических государств.

Удачно вписываются автором в палитру излагаемого им материала конкретные примеры, воспроизводящие атмосферу времени правления страной генералом Мобуту (1965-1997 гг.). За долгий период полного неограниченного единовластия диктатора Конго скатилась до самого низкого уровня статистических и жизненных показателей, когда в Киншасе и других городах страны наблюдался безграничный разгул военной хунты, процветали грабежи торговых лавок, магазинов, убийства мирных жителей. С октября 1991 года по 1993-й год инфляция в стране составляла до 200% в месяц.

В заслугу автору можно отнести также и его смелую попытку разобраться в хитросплетениях вооруженного конфликта 1996-2003 годов, в ходе которого на сложный комплекс внутренних проблем наложились и разноплановые внешние факторы, осложнившие и без того тяжелое развитие этих событий. Указанный период связан и с другим, не менее заметным конголезским лидером - Лораном-Дезире Кабиллой, проводшим, правда, большую часть своей жизни в подполье (памятный мемориал и его усыпальница в Киншасе построены в виде шалаша), который в 1997 году захватил власть в стране, заставив бежать, казалось бы, вечного президента страны Мобуту.

Автор не без оснований считает, что в конфликте были задействованы все соседние «прифронтовые» государства, каждое из которых преследовало в Конго свои собственные интересы. Часть из них, как известно, поддерживала Л.-Д.Кабилу, другая же - находилась в оппозиции. Несмотря на предпринятые усилия, самопровозглашен-

ному лидеру не удалось удержать власть в стране и вывести ее из тяжелейшего затяжного кризиса. 16 января 2001 года Л.-Д.Кабилла был убит.

Представители «мобутовской обоймы» (они даже не удосужились сделать официальное заявление о смерти бывшего лидера) поспешили «водрузить» на освободившееся кресло нового президента. Им стал 30-летний сын Л.-Д.Кабиллы Жозеф Кабилла, командовавший в то время войсками на востоке ДРК. Позднее на совещании глав правительств в Лусаке все же было официально объявлено о его назначении главой государства «в связи с критической обстановкой в стране». Он был избран на выборах в 2006 и 2011 годах в качестве легитимного президента. Впереди предстоят выборы 2016 года. По Конституции Ж.Кабилла не может быть избран президентом более двух сроков. Как будут развиваться дальнейшие события в стране, покажет время.

Книга представляет интерес и с точки зрения анализа ситуации переходного периода в ДРК (2003-2006 гг.), «восточного» кризиса, давно обсуждаемой проблемы прав человека, межэтнических отношений, конкуренции в борьбе за обладание природными ресурсами и др. Автор подчеркивает мысль о том, что эта борьба неизменно сопровождается возникновением разного рода конфликтов и опустошительными войнами, приводящими к гибели миллионов людей и непоправимым гуманитарным катастрофам. Можно, по мнению автора, считать, что ДРК в определенной степени представляет собой весь комплекс проблем, связанных с возникновением конфликтов в различных странах Центральной Африки. Остро, например, стоит вопрос, связанный с незаконной эксплуатацией природных ре-

сурсов ДРК соседними странами, в первую очередь Руандой и Угандой.

Заключительная глава книги посвящена международному сотрудничеству, включая взаимодействие ДРК с ООН, Европейским союзом, отдельными странами-партнерами. В фокусе внимания автора находятся инициативы России по безопасности в Африке, представленные в Совете Безопасности ООН, «Группе восьми» и других международных организациях. Основная идея сводится к тому, что «в Москве продолжают внимательно следить за развитием обстановки в ДРК и выражают надежду, что в результате предпринимаемых официальными властями мер при содействии МООНСДРК удастся избежать скатывания к неконтрольному и опасному развитию ситуации и достичь политического компромисса между всеми участниками конфликта в восточных районах ДРК»².

Г.М.Сидорова приходит к выводу, что вопрос стабилизации и урегулирования большинства конфликтов в Центральной Африке весьма сложный, зависящий от многих

«вводных», и его пока еще не под силу решить самим африканцам.

Тема вооруженных конфликтов в Африке многогранна и, естественно, отразить все ее аспекты в одной работе было бы нереально. Тем не менее, на наш взгляд, монография дает довольно четкое представление и понимание сути происходящих событий в государствах Центрально-Африканского региона, связанных с урегулированием общей обстановки в нем, становлением и развитием демократических режимов.

Думается, эта книга вызовет несомненный интерес у читателя, увлеченного африканскими проблемами, причинами возникших и существующих сегодня в Африке конфликтных ситуаций, у студентов факультетов международных отношений, а также со стороны сотрудников российских федеральных организаций, профессиональная деятельность которых напрямую связана с этими проблемами, поиском их возможных решений.

¹Agence Congolaise de Presse. Kinshasa. 2013. 11 juin. P. 6.

²Дипломатический вестник. Ежегодник 2012. М.: МИД РФ, 2013. С. 553.

Ключевые слова: Демократическая Республика Конго, МООНСДРК, вооруженные конфликты в Африке.

Международная

ЖИЗНЬ

In memoriam

Виктор Михайлович Суходрев

1932-2014

Памяти друга - Виктора Суходрева

Ушел из жизни Виктор Михайлович Суходрев.

Ничто так не изменяет человека, как годы. Разных людей - по-разному. Одних - беспощадно, других - милостиво. Виктор до последнего дня был центром притяжения, около него и вокруг него собирались люди самых различных интересов, занятий, увлечений. Диапазон его общения и дружбы был удивителен - и политики, и дипломаты, и художники, артисты, искусствоведы, киношники, владельцы художественных салонов. Но все они, безусловно, были личностями.

Виктор Михайлович Суходрев получил от времени, от судьбы режим наибольшего благоприятствования. Он прожил, нет, скорее, пролетел, более восьми десятков лет. Не растерял по длинной дороге жизни своих талантов. И своих друзей, поклонников. Но не смог жить без своей супруги, Инги Дмитриевны, оставившей этот мир месяцами назад.

Виктор Суходрев в отечественной дипломатии - личность почти легендарная. Детство и юность, проведенные в Англии, среди английских сверстников, наградили его бесценным призом - вторым родным языком, английским. Но этот чудесный дар нужно было еще уметь использовать. Виктор использовал по максимуму.

С 1956 года, когда известный советский дипломат О.А.Трояновский рекрутировал его в Бюро переводов МИД из Института иностранных языков, В.М.Суходрев занял достойное место в московском истеблишменте. И не только как переводчик. Он - настоящее общественное явление. И в нашей стране, и в тех странах, куда ему приходилось ездить с советскими лидерами.

Переводил он артистично, на совершенном литературном языке, если это вообще возможно в политике. В его устах стандартные языковые клише обретали выразительную окраску, точность, образность.

На переговорах Н.С.Хрущева с американцами, на его публичных выступлениях во время визитов в США и другие англоязычные страны Суходрев становился alter ego советского лидера. Эмоциональные и вспльчивые слова бескомпромиссного Никиты Сергеевича, сопровождаемые бурной жестикуляцией, в переводе Суходрева звучали уже не так арогантно, хотя и не утрачивали хрущевскую оригинальность и самобытность.

Мы близко познакомились с Виктором Суходревым в сентябрьские дни 1960 года на теплоходе «Балтика», на котором Никита Сергеевич

вместе с руководителями некоторых социалистических стран отправился на XV сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Виктор уже был знаменит, за его плечами - поездка с Хрущевым в 1959 году в Соединенные Штаты, где молодой переводчик блистал юношеской красотой, аристократичностью, театральностью versus грубоватости своего шефа.

Следующее появление Суходрева в Америке закрепило за ним популярность на уровне звезд Голливуда - все происходило на моих глазах. Та же картина была и в других странах, в которые ездил Никита Сергеевич в сопровождении Виктора.

После ухода Н.С.Хрущева с политической арены Виктор Суходрев оказался максимально востребованным и новым руководством. Судьба надолго свела его с Л.И.Брежневым. Они были чем-то схожи, даже внешними чертами (естественно, если говорить о Леониде Ильиче до его болезни). Насколько помню, ни одно значимое официальное зарубежное турне Брежнева не обходилось без Суходрева - встречи в Вене с Президентом США Дж.Картером, Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшееся в Хельсинки, и т. д. Он даже участвовал в визите на Кубу в 1974 году, где все переговоры велись на испанском языке. Его сочли целесообразным взять с собой, на всякий случай, как талисман, знак удачи. Жили мы с ним тогда в одном домике, в резиденции, Виктор скрашивал наши трудовые будни.

Большим авторитетом В.Суходрев пользовался также у премьер-министра СССР А.Н.Косыгина. Например, в качестве его переводчика присутствовал на исторической Ташкентской встрече 1966 года, во время которой советский премьер пытался помирить, и почти преуспел в этом, Президента Пакистана Айюб Хана и индийского премьера Шастри.

В ночь перед отлетом из Ташкента домой Шастри скончался в своей резиденции. Мне, на тот момент исполняющему обязанности заведующего отделом печати МИД (в отсутствие моего шефа Леонида Митрофановича Замятина, находившегося в Ташкенте), необходимо было от имени первого заместителя министра иностранных дел В.В.Кузнецова составить и передать по телефону ВЧ (высокочастотной связи) в ташкентскую резиденцию официальное сообщение для прессы в связи с кончиной индийского премьера. В резиденции из-за страшной суматохи и напряжения никто не мог откликнуться на мои звонки. Мимо телефона ВЧ пробегал Суходрев, и он, как говорится, по дружбе «притормозил», записал текст, передал куда надо и помчался наверстывать упущенные дела.

Менее чем через пару лет, в апреле 1968 года, вновь состоялась встреча Косыгина и Айюб Хана, правда уже на пакистанской территории. Косыгин направился в Пакистан с официальным визитом. Значит, полетел и Суходрев. Я также был в составе делегации.

В Равалпинди, тогдашней пакистанской столице, прошли официальные переговоры. Виктор был занят до предела. В заключение переговоров состоялась пресс-конференция А.Н.Косыгина, тут уж наступил мой черед потрудиться.

В конце визита прилетели в Карачи. Жара. По пути из аэропорта по программе - «посещение промышленного района» (в расшифровке - осмотр завода боевых машин, выпускаемых не без советского участия).

Необходимости в нашем с Виктором присутствии там не было, и мы прямым ходом направились в отель «Inter-Continental». Нас радушно встретили и сразу же отправили в бассейн.

Появление легендарного Суходрева вызвало фурор, обслуга выказывала всяческое рвение. По жаре особенно хорошо шел джин с тоником. Подносы с бокалами приплывали один за другим.

Возлежа на водной глади, Виктор после очередной смены подноса философски произнес: «Ну вот, Борис, броню и ствол с одной боемашины мы уже прикончили. Остались колеса и гусеницы».

Прикончили бы и «гусеницы», но обнаружилось одно обстоятельство: Виктору необходимо было приобрести солнечные очки для подарка, причем женские. По степени его озабоченности данной проблемой видно было, что подарок предназначался очень дорогому для него человеку. Кому же? По данным разведки, в ту пору он опять был холост.

С сожалением выбрались из бассейна. Проблему Виктор разрешил тут же, в бутике холла отеля. Очки он купил отличные.

Кончился визит, прилетели в Москву.

Через пару дней мы с Виктором, выйдя из здания МИД на Смоленскую площадь в обеденный перерыв, решили пройтись. Пересекли Старый Арбат, пошли дальше, по Садовому. День был чудесный, яркое нежаркое солнце. Смотрю - к нам приближается девушка, стройная, красивая. В темных очках.

- Витя, - толкнул я Суходрева в бок, - это же твои очки. Это - она?

- Она, - ответил Суходрев и шагнул навстречу девушке.

Инга Дмитриевна и Виктор Михайлович Суходревы похоронены вместе на небольшом деревенском кладбище в сени вековых деревьев, недалеко от их дома на Николиной Горе, где они провели последние 20 лет своей счастливой жизни.

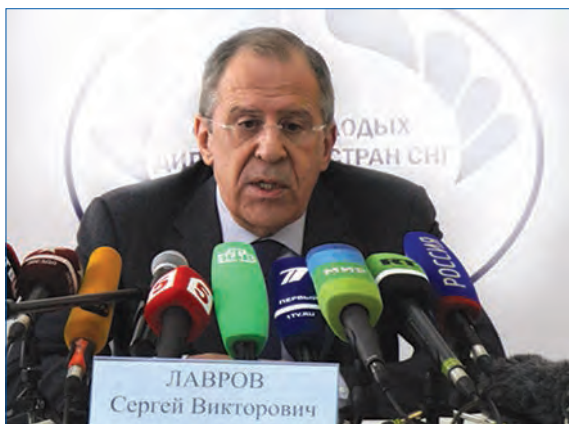
Борис Пядышев
Чрезвычайный и Полномочный Посол,
заслуженный работник дипломатической службы

Международная

ЖИЗНЬ

В Совете Молодых Дипломатов

Иван КРАВЧЕНКО

Второй секретарь Генерального секретариата МИД России,
кандидат политических наук
kravt-iv@yandex.ru

Константин КОЛПАКОВ

Второй секретарь Генерального секретариата МИД России

О Первом форуме молодых дипломатов стран СНГ, Абхазии и Южной Осетии

На базе российского Министерства иностранных дел создана уникальная дискуссионная площадка для молодых профессионалов-международников, а также представителей политических элит и предпринимательских кругов стран СНГ - Форум молодых дипломатов стран СНГ, Абхазии и Южной Осетии*.

Это качественно новый формат - впервые актив молодежи министерства, при поддержке руководства МИД, взял на себя концептуальную разработку и практическую реализацию международного мероприятия с участием министра иностранных дел.

Выступление и пресс конференция Сергея Викторовича Лаврова стали одними из ключевых событий форума**. Особо была отмечена важность продвижения в современных условиях формирования

*Москва, 24-25 апреля 2014 г. организатор - клуб «ЗНАК» Совета молодых дипломатов МИД России в партнерстве с АНО «ОИ«Креативная дипломатия».

**Текст выступления опубликован в журнале «Международная жизнь». 2014. №5.

полицентричного мира объединительной, позитивной повестки дня, предполагающей решение любых глобальных и региональных вопросов через коллективную работу на основе уважения международного права, с максимальным привлечением центральной координирующей роли ООН. Министр развернуто изложил наши оценки истоков украинского кризиса и позиции по его урегулированию, подчеркнул важность разъяснения объективной картины происходящего, обеспечения прав населения юго-восточных регионов на полноценное участие в жизни страны.

В своих тезисах С.В.Лавров четко отразил общий настрой организаторов и гостей. Ведь конструктивную дискуссию и слаженную совместную работу молодых дипломатов и экспертов-международников во многом определили единодушное стремление активизировать усилия для укрепления объединительных начал в международных отношениях, неприятие изживших себя геополитических игр в духе холодной войны и конфронтационной риторики, ориентированной на создание новых разделительных линий.

Следует отметить наличие у всех участников глубокого понимания неразрывной исторической и социально-экономической взаимосвязанности наших государств - ведь не так давно все мы были единой страной и единым многонациональным советским народом. Сейчас, в условиях жесткой глобальной конкуренции, это закономерно предопределяет общность национальных интересов, задач и ответственности за развитие постсоветского пространства. То есть у молодежи постепенно формируется уникальная парадигма восприятия политических реалий, способная дать мощнейший импульс становлению интеграционных процессов на территории бывшего Союза, - то, что можно назвать «евразийским мышлением».

В ходе дискуссий выступающими подчеркивалось, что для нас, братских народов бывшего СССР, постсоветское пространство - общий дом. А для ряда недобросовестных внерегиональных игроков, активно напрашивающихся в гости, а то и вовсе без спросу залезающих в окно, когда перед ними вежливо закрывают дверь, - это всего лишь площадка для реализации собственных проектов, зачастую подразумевающих «перепланировку» в своих интересах, без оглядки на благополучие хозяев. Чем заканчиваются подобные «рецепты развития», видно на примере Украины, волей судьбы оказавшейся мостом между двумя интеграционными центрами на континенте - евразийским и европейским.

Вместо того чтобы наладить на этом мосту взаимовыгодное «двустороннее движение», известные силы, застывшие в своем развитии на «играх с нулевой суммой», готовы его разрушить. При этом кровопролитие, жертвы и страдания людей подобных представителей цивилизованного, просвещенного и эстетствующего «демократического мира» не волнуют.

Уверовавший в свою медийную монополию Запад перестал заботиться о качестве своей информационной политики, продолжая пока еще получать «прибыль» только за счет оборота. Но это, по всей видимости, не может продолжаться до бесконечности. Наступательная антироссийская риторика и попытки применительно к Украине поменять местами агрессора и жертву, а также попытки создать информационную блокаду успехом не увенчаются. Во-первых, полностью изолировать современного потребителя от альтернативного мнения невозможно, а во-вторых, даже неискушенный в политике, но просто разумный человек не будет до бесконечности есть эту информационную «осетрину второй свежести».

Активизация геополитической борьбы внерегиональных сил за доминирование на постсоветском пространстве, а также попыток экономического и информационного сдерживания России свидетельствует об одном - Россия постепенно наращивает свой потенциал, а евразийская интеграция рассматривается как реальный фактор в глобальной политике, с которым приходится считаться.

На совершенствовании интеграционных процессов постсоветского пространства сделал особый акцент в своем выступлении член Комитета Государственной Думы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками В.Н.Лихачев¹. По его словам, они должны становиться не просто заметным, а стратегическим фактором эволюции миропорядка, источником его прогрессивных изменений. Вклад в этот процесс призваны внести все направления внешней политики и дипломатии - публичное, парламентское, работа регионов, бизнес-сообщества. Учитывая данный комплекс задач, продиктованный современными условиями, важно развивать взаимодействие по линии дипломатических ведомств стран СНГ.

В этом контексте детальный анализ сотрудничества нашей страны с государствами-соседями Центральной Азии представил директор Третьего департамента стран СНГ МИД России А.В.Стерник. В частности, можно сделать вывод, что перспективы такого сотрудничества во многом зависят не только от эффективности экономического взаи-

модействия и совместной работы в сфере безопасности. Что вполне справедливо, ключевое значение имеют успехи и привлекательность модели внутреннего развития России, на практике доказывающие ее состоятельность как интеграционного центра.

Вышеописанные темы в различных аспектах также затрагивали в своих выступлениях и в ходе дискуссий уполномоченный МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права К.К.Долгов и председатель общероссийской общественной организации «Российский союз молодежи» П.П.Красноруцкий.

Пристального внимания заслуживает собственно концепция форума. Это - международное мероприятие по линии МИД на высоком уровне, полностью основанное и воплотившее в жизнь принципы сетевой дипломатии. При этом термин «сеть» целесообразно рассматривать как взаимосвязь равноправных элементов, выстраиваемую по горизонтали. Именно в этом качестве понятие «сети» сейчас активно интегрируется в теорию и практику современных международных отношений.

Особое значение сетевое взаимодействие призвано играть именно в эпоху глобализации. Компрессия пространства и времени посредством телекоммуникационных и транспортных технологий, усложнение структуры мирового сообщества, возрастающая взаимозависимость его составляющих создают благодатную почву для различного рода сетевых механизмов.

Сетевые системы обладают колоссальным интеллектуальным и мобилизационным потенциалом, посредством которого материализуются идеи, воплощаются в жизнь новые стратегии. Они гибки и прочны, легко адаптируются к стремительно меняющимся условиям, резистентны к возможному негативному влиянию, способны быстро оптимизироваться - задействовать свежие инициативы, подключать механизмы, доказавшие свою эффективность и практическую пригодность, и столь же оперативно избавляться от устаревшего теоретического и институционального балласта.

Это при том, что для их существования нужен минимум ресурсов. На микроуровне ключевыми факторами развития сетей являются личная мотивация субъекта-участника и набор технических средств, позволяющий задействовать информационную инфраструктуру. Любая сетевая система по сути своей открыта и инклюзивна. Участие субъекта в ней определяется, как сказано выше, желанием, мотивацией, а степень вовлеченности и качество взаимодействия - личным вкладом.

В нашем конкретном случае, применительно к форуму, цель концепции «сетевой дипломатии» можно определить как становление и развитие тесных межличностных контактов среди молодых дипломатов, экспертов-международников и представителей элит стран постсоветского пространства на основе равного, неформального и творческого общения. И в дальнейшем - создание на этом базисе атмосферы взаимопонимания, доверия и общности интересов, а также укрепление взаимовыгодного сотрудничества в долгосрочной перспективе.

Выбранная нами теоретическая основа на практике доказала свою состоятельность и эффективность: мотивированный, заинтересованный и открытый человек гораздо больше способен получить от неформальной, свободной коммуникации, перенимая практические знания. С точки зрения профессиональной эволюции особо интересной видится предоставленная молодым специалистам возможность с самого начала их карьеры обмениваться опытом, анализировать общие моменты и специфику тех или иных аспектов дипломатической службы. Это, на наш взгляд, оптимально соответствует целям подготовки современных дипломатов - энциклопедически образованных, способных творчески решать широкий спектр задач и оперативно адаптироваться к ситуации.

В целом мероприятие, равно как и его новаторская концепция, вызвали неподдельный интерес как в России, так и в странах-участницах - активное медийное сопровождение форума обеспечивали около 50 информагентств, телеканалов, печатных и электронных СМИ. По его итогам было закреплено решение регулярно продолжать диалог в данном формате на ежегодной основе.

Сделан первый, твердый и уверенный шаг по укреплению и расширению дипломатических молодежных связей на евразийском пространстве.

¹<http://kprf.ru/dep/gosduma/activities/130690.html>

Ключевые слова: Первый форум молодых дипломатов стран СНГ, Абхазии и Южной Осетии, постсоветское пространство, концепция «сетевой дипломатии».

СОВЕТ ЖУРНАЛА:**С.В.ЛАВРОВ**, министр иностранных дел России**А.А.АВДЕЕВ**,*Чрезвычайный
и Полномочный Посол***А.И.ДЕНИСОВ**,*Чрезвычайный
и Полномочный Посол,
кандидат экономических
наук***А.С.ДЗАСОХОВ**,*доктор политических
наук***И.С.ИВАНОВ**,*президент РСМД,
член-корреспондент
РАН, доктор
исторических наук***К.И.КОСАЧЕВ**,*руководитель
Россотрудничества,
кандидат юридических
наук***В.П.ЛУКИН**,*Чрезвычайный
и Полномочный Посол,
доктор исторических
наук, профессор***М.В.МАРГЕЛОВ**,*председатель Комитета
по международным делам
Совета Федерации
России, кандидат
политических наук***С.И.МАРЕЕВ**,*генеральный директор
МИД России***А.Ю.МЕШКОВ**,*зам. министра
иностраных дел России***А.Н.ПАНОВ**,*доктор политических
наук***Г.Г.ПЕТРОВ**,*вице-президент
ТПП России***Е.М.ПРИМАКОВ**,*академик РАН***А.К.ПУШКОВ**,*председатель
Комитета ГД
по международным
делам, кандидат
исторических наук***С.А.РЯБКОВ**,*зам. министра
иностраных дел России***М.В.СЕСЛАВИНСКИЙ**,*руководитель Федерального
агентства по печати и
массовым коммуникациям***В.Г.ТИТОВ**,*первый зам. министра
иностраных дел России***А.В.ТОРКУНОВ**,*ректор МГИМО (У),
академик РАН,
доктор политических
наук***А.Л.ФЕДОТОВ**,*посол по особым
поручениям, член Коллегии
МИД России***В.А.ЧИЖОВ**,*постоянный представитель
России при ЕС***В.И.ЧУРКИН**,*постоянный представитель
России при ООН,
кандидат исторических
наук***Ю.К.ШАФРАНИК**,*председатель Правления
МГНК «СоюзНефтеГаз»,
президент Фонда
«Мировая политика и
ресурсы»***А.В.ЯКОВЕНКО**,*Чрезвычайный и
Полномочный Посол,
доктор юридических
наук, профессор***Главный редактор А.Г.ОГАНЕСЯН**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**Главный редактор А.Г.ОГАНЕСЯН****Е.В.Ананьева,**
*кандидат
философских наук***А.И.Давыденко,**
*первый заместитель
главного редактора***В.К.Злобина,**
*заведующая отделом
интернет и мультиме-
диапроектов***Т.А.Макарова,**
*заместитель главного
редактора***Г.И.Поволоцкий,**
*шеф-редактор***Б.Д.Пядышев,**
*Чрезвычайный и Полно-
мочный Посол, доктор
исторических наук***Е.Б.Пядышева,**
*ответственный
секретарь, кандидат
исторических наук***А.В.Рассадин,**
*политический
обозреватель***Е.Ю.Студнева,**
*обозреватель***С.В.Филатов,**
*обозреватель***НАУЧНЫЕ
РЕДАКТОРЫ:
М.В.Грановская
А.Д.Дубина****РЕДАКТОРЫ:
О.Н.Ивлиева
Н.В.Карпычева
Л.А.Подчашинская****РЕДАКТОР
ПО ВЫПУСКУ:****И.Н.Знатнова****ТЕХНИЧЕСКИЕ
РЕДАКТОРЫ:****В.А.Позднякова
М.С.Тюрина****ОРГРАБОТЫ:
О.Н.Иванова**

Ежемесячный научно-политический журнал «Международная жизнь».

Материалы, публикуемые в журнале «Международная жизнь»,
не обязательно отражают точку зрения редакции.

Учредитель и издатель МИД РФ и ФГБУ Редакция журнала «Международная жизнь».

Адрес редакции: 105064, Москва, Горюховский переулок, 14.
Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: journal@interaffairs.ru

Адрес английского издания нашего журнала, выпускаемого в Миннеаполисе,
США, фирмой East View Information Services: 10601 Wayzata Blvd, Minneapolis MN,
55305-1526 USA. Phone: 1-952-252-1201 (N.America); fax: 1-952-252-1202;
toll-free: 1-800-477-1005; E-mail: periodicals@eastview.com

Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ №ФС 77-42508 от 01.11.2010 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 4200. Цена свободная.

Дата выхода в свет 24.06.2014. Формат 70x100 1/16. Офсетная печать.

Компьютерный набор, верстка и дизайн редакции. Заказ №431.

Отпечатано в типографии ООО «Верже-РА»

Москва, 127055, ул. Новослободская, дом 31, стр.4, офис 11

www.verge.ru, e-mail: info@verge.ru тел./факс: +7 (495) 727-00-08, 363-61-55

INTERNATIONAL AFFAIRS

*A Monthly Journal of Foreign Policy,
Diplomacy and National Security*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

С 2009 года журнал перешел на систему рецензирования. Статьи на рецензию представляются в электронном виде. Электронные версии статей следует направлять по электронной почте по адресу редакции: articles@interaffairs.ru с указанием фамилии, имени, отчества (полностью), должности, места работы, ученой степени и звания. Объем присылаемых в редакцию статей - не более 0,6 а.л. Редакция просит авторов прилагать к тексту статей краткую (8-10 строк) аннотацию на русском и английском языках, ключевые слова (не более 10), контактную информацию для переписки (адрес электронной почты). Примечания помещаются в постраничных сносках, источники помещаются в конце текста. Плата за аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИЯ РАССМАТРИВАЕТ ФАКТ НАПРАВЛЕНИЯ АВТОРСКИХ РУКОПИСЕЙ ПО АДРЕСУ: articles@interaffairs.ru КАК ПЕРЕДАЧУ ЕЙ АВТОРАМИ ПРАВ НА ИХ ПУБЛИКАЦИЮ.

*Правила оформления сносок и библиографии
в конце статьи:*

¹*Бердяев Н.А.* Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

²*Putham H.* Mind, language and reality. Cambridge: Cambridge univ. press, 1979. P. 12.

³Инвестиции останутся сырьевыми//PROGNOSIS.RU: ежедн.интернет-изд. 2006. 25 янв. URL: <http://www.prognosis.ru/print.html.id=6464> (дата обращения: 19.03.2007).

⁴*Ефимова Т.Н., Кусакин А.В.* Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. №1. С. 80-86.

www.interaffairs.ru